

**Николай Александрович Мотовилов
(«Серафимов служба»)***

Из статьи Владимира Мельника

Рождение «Серафимова службы» Николая Александровича Мотовилова

«Серафимов служба» – под этим именем известен всем Николай Александрович Мотовилов. Имя его неотделимо от жизни и трудов преподобного Серафима Саровского. Необычна судьба этого подвижника, горячего ревнителя и исповедника православной веры.

* Большой объем публикуемых здесь документов взят М.И. Класоном из Интернета и проверен по их печатным публикациям. К сожалению, почти все администраторы сайтов оцифровывают тексты, не удосуживаясь исправить возникающие при этой оцифровке многочисленные опечатки.

Заслуга Мотовилова неоценима: духовно общаясь с преподобным батюшкой Серафимом, он сохранил для нас мельчайшие подробности его светоносной жизни. Самой Божией Матерью наставлен Мотовилов на служение Дивеевской обители. Именно через Мотовилова узнали мы учение преподобного Серафима о стяжании благодати Святого Духа как цели христианской жизни.

Любого из этих дел хватило бы для признания необычайных заслуг христианина. Мотовилов же удостоился сразу многого. Он обладал замечательным литературным даром. Его записки, обильно цитируемые духовным писателем С. Нилусом, читаются с напряженным интересом. Мотовилов прошел через нравственное мученичество и во враждебной среде масонов, и среди своих же, православных. Неуклонно в течение своей жизни воплощая завет преподобного Серафима о сохранении заведенных Самой Божией Матерью порядков в девической обители батюшки Серафима, Мотовилов многократно подвергался несправедливым нападкам и клевете.

Даже сегодня, когда прошло уже более 100 лет со дня смерти «Серафимова служки», споры о его личности не утихают, вспыхивают с новой силой, – и это, на наш взгляд лишь подтверждает то, что в Мотовилове было истинное юродство во Христе, что его христианская жизнь состоялась несомненно. Вместе с расцветом Дивеевской обители интерес к его личности постоянно растет. Мотовилов оказался в окружении святых людей. Мало того, что он был сотаинником преподобного Серафима. По благословию и предсказанию батюшки Серафима он женился на Елене Ивановне Мелюковой, тетка которой, схимонахиня Марфа, прославлена церковью как святая. Святая преподобная Параскева (Паша Саровская) называла его «таким же юродивым», как и она сама. <...>

Николай Александрович Мотовилов был, несомненно, человеком богоизбранным. Он еще не родился, а уж путь его пред Богом был определен. Он был «нужен Богу» именно как служка Серафимов. То было непростое время для Русской Православной Церкви. Блестящий Екатерининский век принес с собою падение нравов, обнищание и закрытие многих монастырей. Затем в правление Александра I Православие в России становится приниженным. Правительство дает волю проповедникам инославным. Расцветают масонские движения, готовится декабристское восстание. Официальная Церковь, Синод пытаются бороться с инославием, ересями и сектами, но силы слишком неравны: Александр I не только легализовал масонство в России, но и сам стал членом ложи «вольных каменщиков» еще в 1802 году.

<...> Тайные общества уже к 1816 году полностью опутали Россию. Именно в это время Господь подает помощь России. Появляются люди, ревностно служащие Православию, с пылким характером: такие, как архимандрит Фотий (Спасский), Николай Мотовилов, графиня Орлова-Чесменская и другие. Это были фактически юродивые Христа ради. Только юродствовать им приходилось в светских, высших кругах общества. Рождение и архимандрита Фотия, и Николая Мотовилова было предуготовлено ясными знамениями Господними. Что касается Мотовилова, то случилось это так.

Его отец, Александр Иванович Мотовилов в молодости по горячей любви присватался к Марье Александровне Дурасовой. Дурасовы были соседями Мотовиловых по симбирским имениям. Это был старинный дворянский род. Не удивительно, что Мотовилов получил отказ. О его причинах мы читаем у духовного писателя Сергея Нилуса: «Воспитанная в Петербурге, успевшая свыкнуться со столичной жизнью, Марья Александровна Дурасова <...> не пожелала уйти с мужем в деревенское затишье и отказала ему в своей руке» (Сергей Нилус. Великое в малом. Записки православного. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 105).

Неутешный в своем горе Мотовилов-старший решился на монашеский подвиг и уход из мира. Он стал послушником Саровской пустыни. Проходя послушание на просфорне, стал уже, было, готовиться к постригу. Но не то уготовано было роду Мотовиловых!

"Как-то раз, утомившись от непривычной работы, Александр Иванович увидел чудесный сон: в просфорню вошел сам Святитель Николай, издавна бывший покровителем рода Мотовиловых, и сказал: «Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем – он будет нужен Богу. Я – Святитель Николай и назначен быть покровителем Мотовиловского рода. Им я был, когда один из родоначальников твоих, князь Монтвид-Монтвил служил в войске Димитрия Донского.

В день Куликовской битвы татарский богатырь, поразивший воинов-иноков Пересвета и Ослябя, ринулся, было, с мечом на самого Великого Князя, но Монтвид грудью своей отразил направленный смертельный удар, и меч воткнулся в образ мой, висевший на груди твоего предка; он пронзил бы и самого твоего родича, но я ослабил силу удара и рукой Монтвида поразил татарина насмерть»" (Сергей Нилус. Великое в малом. Записки православного. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 106–107). Сейчас появились новые сведения, требующие, правда, дополнительной проверки. Образ, упомянутый здесь, по всей вероятности, сохранился донныне. Хранится в частных руках. Его особенностью является то, что он выполнен тиснением на коже. Этот чудный сон совершенно переменял намерения послушника Александра. Он вышел из монастыря, снова сделал предложение Марье Александровне – и на этот раз, по Божьему произволению, получил согласие. В это время он носил звание поручика. От этого-то необычного, предсказанного в чудном сне брака и родился будущий «Серафимов служка».<...>

Об Александре Ивановиче Мотовилове пока известно не много. По матери он принадлежал к роду помещиков Репьевых. Поручик Иван Миронович Репьев – прадед Николая Мотовилова и дед Александра Мотовилова. От жены Аграфены родилась у него дочь Христиния, бабка «Серафимова служки». С давних пор поселились Мотовиловы в Симбирском крае. Им в свое время достались земли Селиверста Шишелова, имя которого упоминается даже в полюбовном разделительном акте семьи Мотовиловых – уже после смерти «Серафимова служки» (См.: Госархив Ульяновской обл. Ф.85, оп. 1, д. 674, л. 21-31 об.). В 1726 году драгун Иван Шишелов продал капитану Василию Мироновичу Репьеву и его брату поручику Ивану Мироновичу Репьеву дедовскую землю по реке Цыльне. В 1730-м году Василий продал брату Ивану всю свою долю.

В 1764 году Иван Репьев умер. Дочь его, Христиния Ивановна, вышла замуж за Мотовилова и в 1763 году купила землю (15 четвертей) по реке Цыльне у гвардии солдата Якова Нагаткина. Умерла Христиния Ивановна Мотовилова в 1791 году, оставив своим трем сыновьям – Николаю, Александру и Евграфу – при селе Рождественском, Цыльна тож, и в других местах 318 четвертей пашни и 150 десятин сенных покосов. В 1811 году, уже после рождения сына Николая, подпоручик Александр Иванович Мотовилов еще увеличил свой земельный надел, купив у девицы из дворян Анны Федоровны Кишинской участок земли в 34 десятины 403 сажени. Еще до этой покупки, начиная с 1794 года, Александр Иванович вместе с братом своим Николаем Ивановичем судились из-за земли с татарами соседних деревень Большой и Малой Цыльны.

Татары жаловались, что Мотовиловы «завсегда чинят им во владении земли и сенных покосов крайнее стеснение и обиды, и ныне оные господа Мотовиловы, взяв верх над обиженными, завладели, усильством своим, почти последнюю их землю: запахали и засеяли хлебом до 600 десятин, да подкошено ими же в татарских дачах сена до 200 десятин, коего и свезено ими в свое селение до 500 возов». Однако спор этот был разрешен в 1818 году Симбирскою Палатою Гражданского Суда в пользу братьев Мотовиловых.

Род Мотовиловых имел довольно обширные земли в четырех губерниях: Симбирской, Нижегородской, Пензенской и Саратовской. Несколько документов из Симбирского архива дают представление о том, что приходилось на долю Николая Мотовилова. Это были: в Карсунском уезде село Покровское Решетка тож, деревня Безводная, село Богоявленское Станичное тож, село Рождественское Русская Цыльна тож, село Девятовка Архангельское тож, сельцо Мокрая Богурна (ныне Цыльнинского района), так называемые «дачи» Буинского уезда под названием Степана Ногаткина и Селиверста Шишелова. Кроме того, были земли в Нижегородской губернии: Ардатовского уезда сельцо Мачказерово, Лукояновского уезда сельцо Бритвино (ГАУО. Ф.85, оп. 1, д. 674, л. 21-31 об; Ф. 317, оп. 2, д. 40, лл. 206-208).

Николай Александрович Мотовилов появился на свет 12/25 мая 1809 года в селе Рождественское Русская Цыльна тож, Симбирского уезда Симбирской губернии. Как сказано в деле по прошению Н.А. Мотовилова о внесении его в дворянскую книгу, «<...> по метрическим за 1809 год книгам, поданным от Священно- и церковнослужителей, Симбирской Губернии и округа, села Цыльны, в записке в числе рожденных под № 35-м значится и записан так: того 1809 года мая 12 числа, села Цыльны, у г. подпоручика Александра Мотовилова родился сын Николай...» (Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. Изд. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского женского монастыря. 1999. С. 238).

Маленького Николая крестили на третий день от рождения, 14 мая, в церкви родного села Цыльна. Это был день Ярославской иконы Божией Матери. «Молитвовал и крещение совершал бывший священник Прокопий Петров, дьячок Николай Николаев, пономарь Алексей Петров, восприемником был Симбирского уезда, Троицкой церкви священник Александр Емельянов» (Цит. по кн.: Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. Изд. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского женского монастыря. 1999. С. 238).

Православный образовательный портал «Слово»
www.portal.slovo.ru

Письмо Генерал-адъютанта гр. В.Ф. Адлерберга*
Его Сиятельству гр. А.Ф. Орлову**

Милостивый Государь
Граф Алексей Феодорович

Симбирский помещик, титулярный советник Николай Александрович Мотовилов, явился ко мне, просил меня передать Государю Императору препровожаемую сию записку. По всеподданнейшему докладу моему оной Его Величество Высочайше повелеть мне соизволил послать как записку эту, так самого г-на Мотовилова к Вашему Сиятельству с тем, чтобы вы, Милостивый Государь, выслушав предварительно подателя записки, спросили его не согласится ли он передать Вам изустно то, что желал высказать государю Императору. О том, что из одного разговора, Его Величество будет ожидать Вашего донесения.

Пользуюсь сим случаем для возобновления Вашему Сиятельству уверений в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Адлерберг
24 января 1854

Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996

* Владимир Федорович Адлерберг (1791-1884), министр Императорского двора, генерал-лейтенант.

** Алексей Федорович Орлов (1786-1862), доверенное лицо Николая I, впоследствии шеф жандармов и начальник III Отделения (1844-1856).

Письмо Н.А. Мотовилова графу В.Ф. Адлербергу

С Милостивейшего Высочайшего повеления

Прошение

Гр. Адлербергу

Великий старец Серафим, известный во всей России по Богоугодной жизни своей, иеромонах и пустынножитель Саровской пустыни, исцеливший меня в 1831 году 5 сентября от тяжких болезней в одно мгновение ока, а потом осенью того же года при разъяснении мне, как люди сподобляются быть в полноте Духа Святого, просиявший светлее солнца и около четверти часа в этом сиянии благодатном беседовавший со мною, и сими двумя необыкновенными случаями, доказавший мне, что он близок к Богу и его Боговдохновенное слово достойно полного вероятия, между прочими беседами своими в последствии времени, именно же в четверток на Святую Пасху в 1832 году, открыл мне и всю жизнь Его Императорского Величества и заповедал всеподданнейше доложить о словах его не иначе как лично самому Великому Государю Императору и не в иное время, как когда по крайнему разумению моему, из соображения пророческих слов его с событиями современными, настает приблизительно похожее на то время, о коем он предрекал мне.

В 1833 году в первый приезд мой сюда Его Императорское Величество изволили быть в Пруссии – да если бы я и дождался в тот раз возвращения Его Величества из-за границы, то все-таки едва ли благовременно было бы тогда мое всеподданнейшее объяснение, о чем если не ошибаюсь, лишь только теперь приблизилось именно самое настоящее время.

Убежденный в душе, что и по совести христианина и по священному долгу присяги, я не должен долее умалчивать о том, что, вероятно, бесполезно и отрадно будет Его Императорскому Величеству во всей подробности узнать в нынешнее время и, не смея открыть того никому иному, кроме Высочайшей Священнейшей Особы Его, я осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство моею всепокорнейшею просьбою о благосклонном исходатайствовании мне на то Всемилоостивейшего Высочайшего Повеления.

Почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи, титулярный советник Николай Александров сын Мотовилов

2(7) февраля 1854 года.

Жительство имею временное в Санкт-Петербурге в 1-й адмир. части 1-го кв. в доме графини Зубовой.

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996***

Письмо Н.А. Мотовилова Николаю I

Августейший Монарх

Всемилоостивейший Государь!

Вследствие верноподданнического желания моего иметь счастье всенижайше лично доложить Вашему Императорскому Величеству о словах пророчесственных великого старца Серафима господин министр высочайшего двора Вашего граф Владимир Федорович Адлерберг поручил мне отнестись к графу Алексею Феодоровичу Орлову, а им передано мне, чтобы я, нимало не стесняясь никаким опасением, все, что знаю по сему предмету, изложил на бумаге во всем пространстве и полной сущности оногo в словах, сколько можно более коротких, и если могу, то не искал бы счастья лично всеподданнейше докладывать о том Вашему Императорскому Величеству.

Вот смысл того, в каком виде передана мне Высочайшая воля Ваша, Всемилостивейший Великий Государь Император, но как сообразить пространство с краткостью, безопасную нестеснительность устного всеподданнейшего доклада с неизбежною осторожностью изложения тех же мыслей на бумаге, и, наконец, что думать о предложении не искать возможности хотя на одно мгновение насладиться столько желанным для каждого Верноподданного Вашего и превозделенным счастьем видеть пресветлое лицо Высочайшей Особы Вашего Императорского Величества, когда великодушная доступность Ваша, Всеавгустейший Монарх, столь велика, что не скрывает Вас и от самого последнего из Ваших верноподданных. Мне говорят, что смутность современного положения нашего Отечества невольно делается главнейшею причиною того, что едва ли можно будет мне удостоиться величайшего для меня счастья лично видеть Вас, от всего сердца моего лицемерно любимый мною Монарх.

Но неужели две-три, а много четыре минуты достаточны, быть может, на Высокомонаршее благосклонное выслушивание слов великого старца Серафима – слов едва ли только лишь не в современном состоянии Отечества нашего и долженствующих быть приведенными в известность Вашему Императорскому Величеству – так много отнимет времени от великих забот Ваших о непоколебимости державы Вашей, и каким образом слова великого Старца могут быть помехою счастью Русской земли, когда они от него-то лишь, ибо Высочайшей Особы Вашей, без коей и счастья на земле Русской быть не может, и относятся только. Да и было ли когда-нибудь на бумаге излагавшееся мною доведено до Всеавгустейшего сведения Вашего хотя одно слово правды моей без того, чтобы оно было или превратно истолковано, или и вовсе предано совершенному умолчанию, в чаянии, что я никогда и никак не сподоблюсь счастья лично видеть Вас, Государь, и обо всем всеподданнейше доложить Вам по сущей справедливости. И не извольте подумать, что я дерзаю так всеподданнейше изъясниться, не имея на то никакого основания. Нет, Ваше Императорское Величество, никто более моего не имеет права неоспоримого на таковой образ мышления, хотя и весьма для меня неотрадный, но тем не менее неотвратно вынужденный из меня неизбежностью.

Чтоб доказать настоящие слова мои, мне следовало бы только, хотя в кратких очертах, да рассказать постепенно все обстоятельства жизни моей, послужившей как основными и сопутствующими, так и завершающими побудительными причинами к тому, но, чтобы действительно не употребить во зло благомилостивейшее Высочайшее внимание Ваше, осмелюсь только привести один пример: Вашему Императорскому Величеству, вероятно, известно дело о двух Дивеевских женских общинах – сущность того дела, официально изложенная, имеется в Святейшем Правительствующем Синоде, дело это началось по моей просьбе, но так ли оно официально представлено, как на самом деле все, до него относящееся, было изложено мною на бумаге; вот самый короткий отчет, мой собственный, об истинной и действительной его сущности.

Ярославская помещица, полковница Агафья Симеоновна Мельгунова, урожденная Белокопытова, постриженница Киево-Флоровского женского монастыря, в монахинях Александра, сподобилась во сне получить от Божией Матери извещение, что не в Киеве должна окончить она жизнь свою, но идти на Север великой России, и там Царица Небесная укажет ей место, где по кончине ее благоволением Божией Матери устроится обитель девическая, на которую она с Иверии^{*}, Афона и Киево-Печерской Лавры низведет Свое благословение, равное тем трем святым местам ее небесным благословением^{**}.

Монахиня Александра видела второе явление Божией Матери в Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в селе Дивееве, на том самом месте, где потом великим старцем Серафимом устроена двухпрестольная церковь Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы. Старица Божия после многолетних трудов монашеских, около того места проведенных, наконец за полгода до смерти своей поселилась с тремя при ней сестрами противу сего места, про которое Царица Небесная сказала ей в видении, что оное есть именно то, которое будет принадлежать великой обители, предреченной ей в Фроловском Киево-Печерском монастыре, и умирая, дала заповедь иеродиакону Саровской пустыни Серафиму попещись о благоустроении духовном имеющей некогда по предречению Божией Матери основаться той великой обители.

После кончины ее на месте ее жительства к тем сестрам, с ней пришедшим и после нее оставшимся, собрались другие, и основалась община, содержащая устав и молитвенное правило, одинаковое с правилом Саровской пустыни. Между тем иеродиакон, впоследствии иеромонах Серафим, преуспевая в духовных, преуспевая в монашеских подвигах в пустынножительстве семнадцатилетнем, где сподобился перенести посты – 3-дневный и 7-дневный, двух-, трех-, четырех- и шестинедельный и, наконец, 72-дневный – и после того борьбу с бесами в течение 1001 дня и 1001 ночи и получил совершенную победу над ними, о чем мне самому из уст в уста передал.

И после всего того пятилетним безмолвием в затворе достигши полного, подобно пророку Моисею Боговидцу, благодатного внутреннего и внешнего озарения решился заняться благоустроением помянутой выше общины, бывшей под начальством Ксении Михайловны Миловановой, и желал научить их простоте жизни и легчайшему приобретению благодати Духа Святого именно тем же способом, коим он из многолетней собственной благодатной опытности научился, но она его мало стала слушаться, говоря, что уже им дан устав строителем Пахомием, начальником Саровской пустыни, и она не согласна на нововведения, чая, что чрез соблюдение и прежнего устава того она и сестры ее спасутся.

* Иверия – древнее название Грузии. По церковному преданию, первый удел Божией Матери, выпавший Ей при разделении жребиев между апостолами для проповеди Христа. Афон и Киево-Печерская лавра – соответственно второй и третий уделы Божией Матери.

** Благословение Ее общее для всех сих четырех мест состоит в том, что Она по три часа каждодневно обещалась быть Самолично в каждом из сих мест – и ни одного из жителей их не допустит до гибели. – Примеч. Н.А. Мотовилова

И великий старец Серафим, ища не своих сил, а еже ближнего, оставил их в покое и обратился к прежнему, совершенно отлученному от всякого сообщения с любыми пустынножительству, но Божия Матерь явилась ему, приказала завести новую и вторую в Дивееве общину в поле возле села того из одних только девиц, с условием, чтобы никогда вдовицы в ней не жили, дала этой общине новый и нигде не бывалый, а Ею Самою изобретенный и законоположенный устав, сообщенный устно во время явления Своего великому старцу Серафиму, и в основание новой обители приказала ему самому из саровского леса срубить двухпоставную мельницу и к ней пристраивать в порядке Ею Самою указанном кельи; из прежней же общины взять 8 сестер, поименно Ею Самою указанных, и к ним лишь тех потом присовокуплять, которых Она Сама изволит ему указать, а на месте помянутом выше, где было Ее явление второе монахине Александре, устроить в честь Рождества Сына Ее Господа нашего Иисуса Христа и Ее собственного двухпрестольную церковь, в коей диакониссами для прислуживания алтарю избрать из новейшей общины Ее девической сестер, и самую церковь подчинить ведомству сей девической общины, обещав, что его собственные мощи, равно как и мощи первоначальницы Александры, будут некогда почивать в нижней Рождества Ее церкви – и, другие многие прибавив к тому о сей второй девической Дивеевской общине предречения, повелела, чтобы место усадьбы этой общины обведено было канавою и валом, сделанным трудами сестер общинских – что все великим старцем Серафимом исполнено – и в Дивееве со времени заведения сей новой Мельничною прозванной, общины стало существовать две, совершенно отдельные, друг другу нимало не подчиненные хотя и не лишенные, однако же, христианского общения обители; и из сих-то двух общин по особому явлению Божией Матери, в ночь с 3 сентября ему бывшему, он 4 сентября заповедал мне от лица самой Божией Матери служить его собственной девической общине и, сложив руки мои с руками двух сестер сей общины, сказал мне: «Как Божия Матерь предала мне из рук в руки общину сию, так и я тебе по Ее же повелению передаю служение мое сей Ее великой обители по смерть твою, служи же Царице Небесной во всю жизнь твою и сохраняй в ней все, как Сама Божия Матерь в ней через меня, убогого Серафима, устроила. А в грядущее лето мы на сих трех грядочках поработаем с тобою». Объяснив сестрам всем, что Божия Матерь меня назначила им быть питателем во всю жизнь мою, отпустил в Воронеж.

По возвращении откуда узнал я по кончине его, что в Дивееве существуют две общины, а в Куликове Тамбовской губернии Темниковского уезда начинается третья по благословению того же великого Старца, и приняв на себя по заповеди его служение его собственной общине Мельничной девической Дивеевской, а по моему собственному, не без воли, впрочем, Божией, о чем бы долго было здесь пояснять, и двум другим, я писал к господину обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода графу Николаю Александровичу Протасову от 14 января 1838 года о существовании трех различных общин, поименованных выше, и о различном в пользу их отдельном для каждой пожертвовании земель моих; и, наконец, будучи особенным благодатным исцелением в ночь с 1 на 2 июня 1842 года, дарованным мне от тяжкого ушиба во всем теле и вывихе левой ноги и двух ребер в левом боку, удостоверил, что просьба моя от 1 июня того 1842 года справедлива и угодна Богу с приказанием послать ее непременно на имя преосвященного Иоанна, епископа Нижегородского и Арзамасского.

Я не только послал ее тогда, – а преосвященный немедленно в Святейший Правительствующий Синод, но и после того неоднократно просьбами о соблюдении всех моих условий при пожертвовании земельных, положенных мною и клонившихся лишь только к соблюдению заповеди великого старца Серафима и непременно воли Самой Божией Матери, через него мне сначала, а потом уже и непосредственно чрез последнее третье благодатное наделение объявленные, неоднократно настаивал о возвращении обоим общинам Дивеевским их прежней самобытности; а чрез то о неперменном навсегда непорешенном, чрез их устроение таковое, воли Божией всесовершенном исполнении, нарушенных несправедливым соединением; и все то не на словах, но на бумаге изъявлял, ссылаясь и на самые законы – в пользу мою говорившие, – и делал то не через какое-нибудь низшее и светское место, но чрез Святейший Правительствующий Синод.

И чрез столько-то великое место и всех моих вышепомянутых благодержновенных и справедливых настаиваниях, единственно лишь только страхом Божиим и любовью к Божьей Матери из меня вынужденных, старался довести до Высочайшего сведения Вашего; но чем же увенчались все таковые многолетние и неотступные хлопоты мои?

Условия мои осмеяны, я сам выставлен хлопочущим, не знай о чем, соединение общин приписано не превратному о существовании их донесению, вынужденному несправедливым о том настоянием одного из членов Святейшего Правительствующего Синода, но Высочайшей воле Вашего Императорского Величества, хотя от Вас, однако же, всю правоту настоящего положения дел Дивеевских двух общин совершенно закрыто разнообразными превратными толкованиями воли великого старца Серафима и клеветами на меня; и чрез кого же все то сделано?

Чрез Святейший Правительствующий Синод, а клевета на меня взводимая взведена – через сенатора! Как же после всего того, простите такому вопросу моему, Ваше Императорское Величество, я осмелюсь через письменное изложение на бумаге всеподданнейше доводить до Высочайшего сведения Вашего тайну Божественных проречений о Вас и России Вашей, тогда как и заповедано мне верноподданнически доложить оную лишь только усты к устам.

Если же во мне изволите сомневаться, не изменник ли я какой и не со злым ли умыслом дерзаю утруждать Ваше Императорское Величество, то осмелюсь нижайше представить Всеавгустейшему вниманию Вашему, Великий Государь, какая кровь переливается в жилах моих с отцовской стороны мотовиловской. Предки мои – славянские властители, равные в правах нынешних дворян, удостоились участвовать вместе с Гостомыслом в призвании Рюрика, Синеуса и Трувора на княженье землю Русскою, что хотя известно только мне по семейным нашим преданиям, однако никакому сомнению не подлежит, а с Пожарским и Мининым были тоже двое Мотовиловских.

Предки мои при избавлении Москвы и России от поляков и потом при возведении на Всероссийский престол Всеавгустейшего Дома Романовых; из них от Евсевия Семеновича Смирного-Мотовилова, воеводы иркутского, или тобольского, по прямой линии происходит прадед мой, надворный советник Михаил Семенович Мотовилов, трудившийся вместе с фельдмаршалом Минихом в свержении Бирона и открывший в Саровской пустыни тот акт, который нужен был Государыне Цесаревне Елисавете Петровне при восшествии ее на престол Всероссийский, и во все время почти тысячелетнего дворянства своего в государстве российском Мотовиловы, служа стольниками и полковниками, сотниками стрелецких полков и в областных городах, что ныне губернские, ни разу не изменяли ни Богу, ни Государю, ни Отечеству, служа и Тому, и другому, и третьему всегда верою и правдою; а с материнской стороны я осмелюсь, указав на покойного бригадира Николая Алексеевича Дурасова и всех от сестер его происходящих, заключить, что она из одного и того же рода и, в доме его быв воспитана, имела счастье неоднократно пользоваться высоким благоволением и всеавгустейшим вниманием великой бабки Вашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, каковым удостоен был и родитель мой, начавший службу свою при высочайшем дворе Ее Величества и только по тяжким болезням своим, и во всю потом жизнь удручавшим его, принужденный выйти в отставку.

Простите безумью моему, Ваше Императорское Величество, если дерзнул помянуть о заслугах предков моих, а если сам ничего дельного не удостоился сделать для Вас, Великий Государь, и еще раз благомилостивейше извольте сделать один вопрос, что если бы и всякому из великих сановников, окружающих престол Ваш, было положено в жизни хотя половина препятствий, коими меня устранили от возможности быть полезным Вашему Императорскому Величеству, то могли ли бы они хотя что-нибудь доброе для Вас сделать? И если им никто не препятствовал в служении Вам, Великий Государь, то за что же такое меня не только 14 лет сряду не пускали на государственную службу, но даже теперь, и во вторичный проезд мой в северную столицу Вашу, предлагают мне не добиваться личного всеподданнейшего представления Вашему Императорскому Величеству, тогда как Вы сами и от последнего из солдат Ваших себя скрывать не изволите?

Простите же великодушно чистосердечному простоудию верноподданнической речи моей, и если можете, то не отриньте, еще раз умоляю Ваше Императорское Величество, моей неотступной просьбы всемилостивейше дозволить мне изустно доложить Вам слова великого старца Серафима, сказавшего мне про Вас, Великий Государь, что Вы в душе христианин, чего не смеют сказать про себя очень многие, того Серафима, коему возведено от Бога, что смерть его будет подобна смерти семи отроков, спавших в Ефесской пещере*.

А о нем прояснено мне то, что он воскреснет прежде общего всех воскресения из мертвых в царствование Вашего Императорского Величества и единственно лишь только для Вас, Великий Государь, о чем всем в полноте всего и вышеизложенного, изъяснив по сущей справедливости, по долгу православно-христианской верноподданнической совести, что готов и присягою подтвердить, вполне предаю себя Всеавгустейшей воле Вашего Императорского Величества, и если всемилостивейше соблаговолите дозволить мне открыть Вам тайну, которой не преувеличивал цену лишь потому, что единственно Вашему Всеавгустейшему суду высокомонаршему желал и желаю всеподданнейше предоставить сделать настоящую и справедливую ей оценку, то буду непрестанно благословлять Господа, положившего Вам по сердцу, вовремя благоприятно послушать верноподданническую речь мою о ней.

* Семь Эфесских отроков жили во времена гонения на христиан римского императора Декия в середине III в., чудесным образом уснули в пещере, где скрывались от преследователей, и пробудились лишь при императоре Феодосии Младшем в первой половине V века.

Если же нет, то двадцать два года терпевши и не открывши ее никому, унесу ее с собою во гроб с совестью неукоризненною тем, что я скрывал талант, вверенный мне от Господа через великого раба Своего Серафима.

Вашего Императорского Величества верноподданнейший раб, титулярный советник, почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи Николай Александров сын Мотовилов.

На письме резолюция Николая I. Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «15 марта 1854 года. Ежели он как верноподданный не забыл своей присяги, то должен исполнить мое приказание и донести на бумаге, что мне сказать имеет: тогда решу, стоит ли мне его призвать или нет» Н [Николай].

Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова, Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, Москва, 1996

Письмо Н.А. Мотовилова Николаю I

Всеавгустейший Монарх
Всемиловейший Государь!

Имею щастие лично моими глазами видеть собственноручное Вашего Императорского Величества Высочайшее Повеление о всеподданнейшем докладе слов великого старца Серафима на бумаге, спешу немедленно исполнить священнейшую для меня Всеавгустейшую волю Вашу.

Вот содержание его беседы в четверток на Пасху 1832 года:

– Рассказав подробно о Илие Фесвитяnine и об Авессе, военачальнике Давидове, о Гедеоне, вожде израильского народа*, он заключил, что в России много есть еще верных Богу людей, хотя разврат духовный и многих от Бога отвлекает, и, сказав, что надобно царям служить, так как Авесса, который за жизнь Давидову стократно готов был своею собственною пожертвовать, и прибавив, что, подобно Гедеону, людям Божиим надобно призыва и избрания Божьего ожидать, и тогда, действуя по Боге, не отчаиваться, если б их усердие к Отечеству и не получило надлежащей оценки, ибо любовь к Царю и Отечеству угодна Богу, и если бы люди не поценили, то Бог воздаст, – он спросил меня, что именно влечет меня в Петербург; я сказал, что желание служить там Вашему Императорскому Величеству; почему же там, а не в другом месте, я ответил, чтобы, находясь ближе к Вам, в случае нужды быть немедленно готову пролить до последней капли кровь свою, если б то понадобилось за Ваше Всеавгустейшее здравие, и быть, если можно будет сколько Богу угодно будет помочь, полезным Церкви Христовой.

Он отвечал: «Усердие твое угодно Богу, и Он не оставит тебя за оно, но так как по слову пророка – во время благоприятно послушах тя и в день спасения помогах ти – то ревность хотя и по Богу да не по разуму (то есть преждевременно), то не только не угодна Богу, но и грех есть. Так и теперя поездка твоя не по дороге – и это самое усердие твое к Государю, если преждевременно узнают о нем люди недоброжелающие ему, то может повредить тебе, а ты себя береги. О Государе же не пекись, Его Господь сохранит. Он в душе христианин, чего не могут про себя сказать иные даже и из духовных великих особ.

* Илия Фесвитянин – святой пророк, родившийся в IX веке до нашей эры в Фесвии Галаадской (нынешний Израиль). Авесса – один из военачальников израильского царя Давида, правившего в 1005-965 гг. до н.э. Гедеон – в Ветхом завете, один из израильских судей (выборных вождей), в XII в. до н.э. отразил набеги воинственных кочевников на Палестину.

Велик был Государь Император Петр I Алексеевич, за что Великим и отцом Отечества справедливо наречен, а по вере в Господа с верою Его Императорского Величества и сравнен быть не может; сами рассудите: Петр Великий жил во времена такие, когда и одним взглядом дорожили царским первейшие бояре, как милостию Божиею, и все безмолвно Царю покорялись, так ему легко было управлять.

А ныне не тот народ уж стал, и если и за всю эту перемену слушаются Государя и трепещут враги его, то уж Сам Господь наш Иисус Христос и Божия Матерь помогают во всем за нелицемерную веру его Православную, вот ею-то он и выше Петра Великого и за нее-то и помогает ему Бог во всем и возвеличит во дни его так Россию над всеми врагами ее, что она станет превыше всех царств земных и не только нам у иностранцев уже не придется учиться ничему, а еще и им доведется бывать в нашей Земле Русской да учиться у нас и Вере православно христианской и жизни благочестивой по этой вере; а много-много будет сначала до того всякого горя Государю и неоднократно станут искать его освященной Богом главы и живота Царской фамилии, но Господь всегда будет защищать и его и весь Августейший Царский Дом его; праведника ради единого целый род спасается, что речет триех ради, а в его государевом роду, посмотрите-ка, ваше Боголюбие, сколько святых мощей от его венценосной плоти и крови, мню, что не один десяток угодников Божиих, так все они молитвенники за род его и его священную Особу Императорскую; вот хоть бы и августейшая родительница его, благочестнейшая Государыня Мария Феодоровна, она как мать родная для всех сирот и бедствующих, а это ведь святых только жен богомудрых дело, и если то велико в простом человеке, тем более в священной венценосной Царской особе угодное Богу, а Государь в Бозе почивший Всеавгустейший родитель его, император Павел Петрович, как любил Церковь святую, как чтит святые уставы ее и сколько сделал для блага ее, немногие из царей русских, подобно ему, послужили Церкви Божией; а Его Императорскому Величеству и еще гораздо более поможет Господь сделать и для Церкви святой Православной нашей и единой во всей вселенной истинной, непорочно Апостольской Вселенской Церкви Христовой, но до этого еще много должно будет горя и Государю, и Земле Русской перенести; восстанут на него не только враги внешние, но и внутренние и вот как это будет: бунтовщики-то, восставшие на Государя при восшествии его на престол, похвалялись, что хотя и скошена трава, да корни остались, то хотя и не по Боге они хвалились тем, а это, однако же, правда, ибо главные начальники этого злого умысла, выдавши тех, которых сами же вовлекли в злой этот умысел свой, а сами остались в стороне, и вот они-то и ищут и будут искать погибели Государя и всей Фамилии его Царской, и неоднократно будут подыскиваться, нельзя ли как-нибудь извести их, а когда неоднократные их покушения не удадутся, то они примутся за другое – и будут стараться, что если можно им будет, то бы во всех должностях государственных были все люди или согласны с ними, или по крайней мере не вредные им. И будут всячески восстанавливать Землю Русскую противу Государя; когда же и то им не будет удаваться, так как им хотеться будет, ибо по местам ими заводимые частные возмущения будут по милости Божией скоро прекращаемы, то они дождутся такого времени, когда и без того очень трудно будет Земле Русской и, в один день, в один час заранее условившись о том, поднимут во всех местах Земли Русской всеобщий бунт; и так многие из служащих тогда будут и сами участвовать в их злоумышлении, то некому будет унимать их.

И на первых порах много прольется неповинной крови, реки ее потекут по Земле Русской, много и вашей братьи, дворян, и духовенства, и купечества, расположенных к Государю, убьют; но когда Земля Русская разделится и одна сторона явно останется с бунтовщиками, другая же явно, станет за Государя и целость России, вот тогда, ваше Боголюбие, усердие ваше по Боге и ко времени.

И Господь поможет правому делу: станет за Государя и Отечество и святую Церковь нашу, а Государя и всю Царскую Фамилию сохранит Господь невидимою десницею Своею и даст полную победу поднявшим оружие за Него, за Церковь и за благо нераздельности Земли Русской; но не столько и тут крови прольется, сколько тогда, как когда правая за Государя стоявшая сторона получит победу и переловит всех изменников, и предаст их в руки правосудия. Тогда уж никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят – и вот тут-то еще более прежнего крови прольется, но эта кровь будет последняя, очистительная кровь, ибо после того Господь благословит люди Своя миром и превознесет рог помазанного Своего Давида, раба Своего, мужа по сердцу Своему, благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича – его же утвердила и паче утвердит десница Его святая над Землею Русскою.

Так что же унывать нам, ваше Боголюбие: аще Бог за ны, кто на ны – их же бо предъведе, сих и предъизбра, их же предъизбра, сих и освяти, их же освяти, сих и прослави – сих и блюдет; что ж унывать нам, ваше Боголюбие, аще Бог за ны, кто на ны – разумеите языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог, могущии покоряйтесь, яко с нами Бог, и аще паки возможете, паки побеждени будете, яко с нами Бог – так-то, ваше Боголюбие, с нами Бог и унывать нам нет никакой дороги».

Я в неизреченной радости лишь только хотел было сказать: «Так благословите же, батюшка, я сей час поеду в Петербург и постараюсь видеть Государя и всеподданнейше доложить ему слова ваши», а он, закрывши мне рукою своею рот, сказал:

– Как вы не понимаете: не теперь, а после – теперь еще не время, а после, когда по пророку узрите Иерусалим, обстоим вои, Господь вас сам приведет тогда и сам положит по сердцу вашему возглаголать благая о Иерусалиме. А теперь беречись надобно вам, а Государя Господь сохранит и благословит его и Землю Русскую всяким благословением, и в земных и в небесных; во время же свое усты ко устам все слова мои его Величеству доложи – тогда и то, что теперь думаешь, скажи.

Я спросил, что же; он отвечал: «Все что ко благу Государя, святой Церкви и Земли Русской, Бог тогда по сердцу тебе положит – то ты не убойся и все возвести его Императорскому Величеству, а каково тебе и прежде неоднократно говорил: Господь и Божия Матерь Сами устроят путь твой во благое, и убогого Серафима молитвы к Ним за тебя всюду будут с тобою».

Вот все, Ваше Императорское Величество, что батюшка отец Серафим в эту незабвенную беседу для меня изволил говорить о Вашем Императорском Величестве и прибавил, «что Господь на многие лета еще продлит дни живота Вашего и в старости маститой дарует Вам кончину мирную и святую», как тем из всеавгустейших предков Вашего Императорского Величества, которые верою и правдою благоугодили Богу».

Здесь бы следовало еще мне помянуть о том, каким образом после кончины великого старца Серафима сказано было мне самому о его воскресении из мертвых – и подтверждено о том троекратно: в 1835, в 1847 и в 1851 годах, но не знаю, угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству знать о том.

За тем всеподданнейше изъяснив в самых коротких, сколько мог, словах о беседе отца Серафима и припадая к высокоосвященным стопам ног Ваших до лица земли, всеуниженнейше, верноподданнически рабски умоляю Вас, Великий Государь, что дерзал утруждать Вас всеподданнейшею просьбою усты ко устам возвестить все то Вашему Императорскому Величеству – таково действительно было и на деле желание великого старца Серафима. Всемиловитейше простите меня.

Вашего Императорского Величества верноподданнейший раб, титулярный советник, почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи Николай Александрович Мотовилов.

9 марта 1854 года.

Жительство временное имею в Санкт-Петербурге, 1-й адм. част. 1-го квар., в Большой Миллионной улице, в доме графини Зубовой, у Мозалевского № 4.

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996***

Из письма Н.А. Мотовилова графу В.Ф. Адлербергу

27 марта 1854 г.

<...> Удостоившись 25 марта присутствовать в числе зрителей при параде в конногвардейском манеже и во время концерта «Коль славен наш Господь в Сионе» и молебного пения ощущать такую неземную радость, что мысли, в это время пришедшие мне на ум, не смею считать изобретением моей собственной догадки или человеческого соображения, потому что иначе они могли и попрежде того гораздо приличнее и более к стати прийти мне на память, за долг о них от слова до слова сообщить Вашему Сиятельству считаю:

"Это хорошо, что ты не просил дозволение на представление Государю Императору двух Образов Божией Матери отца Серафима «Радости всех Радостей» и камней его с изображением его, и 15 жеребцов твоего завода, в честь пятнадцати степеней коими Божия Мать вошла во Святая Святых, и желание твое, чтобы и русские вошли во Святая Святых, и вся Палестина с Грециею принадлежали Императору Николаю Павловичу, угодно Богу, да как же ты забыл заповедь отца Серафима прибавить, что, если кто каждое воскресенье поет Божией Матери Параклис попеременно один из двух или «Многими содержим напастьми, к Тебе прибегаю, спасения иский», или «Скорбных наведения обуревают смиренную мою душу, и напастей облацы мое покрывают сердце, Богоневестная» – тот на всю неделю избавляется всеильным заступлением Божией Матери от всех бед и напастей, – так постарайся чрез графа Адлерберга довести до сведения Государя Императора: не благоугодно ли будет Его Величеству приказать каждое воскресенье перед рядами действующей армии петь собором, обращаясь к иконе отца Серафима «Радости всех Радостей», попеременно то тот, то другой Параклис – и скажи, что тогда Божия Мать, Сама свыше предводительствуя всеми войсками русскими, будет всегда подавать победу оружие Его Императорского Величества.

Вот посмотри, как хорош вид воинства земного, он прообразует вид воинства небесного, и вот лучшая и избранная часть его одета в белое и золотые шлемы с орлами на верхах и звездами на каждом, это разумно сделано, и как прекрасно указывает на будущее – ибо в Апокалипсисе сказано, что окрест Престола всех Царя имеющие стоять тоже одеты будут в белое и финицы в руках их, так вразумительно говорить и о том, что должно быть на земле здесь, звезды на шлемах прекрасно изображают, что и в сердцах каждого из воинов сих должна стать любовь к Богу Христу Спасителю, и к Царю земному, и к родине своей, озаренной по милости Божией Православною верою во Христа, и притом так же сиять светло и неугасимо, как звезды небесные, а орлы знаменуют, что воины такие, если верны будут Богу, Царю и Отечеству, то таким же образом и с ними будет, как с воинами духовными, про которых сказано: «Терпящие же Господа тии изменят крепость, окрилатеют яко орлы, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут».

Так и теперь поелику Государь терпел и терпит Господа, стараясь руководствоваться всегда во всем волею Его святою – то и ему Господь дает крили орла Великого, и ему Господь говорит свыше и всему верному его воинству: «дерзайте, людие, дерзайте, людие Божии, ибо Той победит враги, яко всемогущ», – потому что Государь обнажил меч свой теперь не по прихотям своим или по расчетам земным и страсти к приобретению, но по святой воле Божией, назначающей ему обладать святыми местами Иерусалима, Афона и Константинополя, так чтобы творили, так как я тебе говорю, всегда пение Параклиса Божией Матери по воскресеньям и перед каждым сражением, а Сама Божия Матерь Государю его воинству во всем поможет, потому что Афон Ее жребий, Константинополь Ей же посвящен Константином Великим – а Иерусалим и по давню Ей же принадлежит, ибо в Вифлееме она Бога Слова в плоти человеческой неизреченно родить изволила, а в Иерусалиме еще и Его Самого более приняла мук и скорбей при вольном Его за спасение рода нашего страдании, за что Бог назначил Ей так, что кому Она изволит, тому и передаст сии места: скажи же это все графу Адлербергу, а он уже знает что сделать" (РГИА, ф. 472).

Из Интернета

Отношение столоначальника Министерства народного просвещения

А. Флорова гр. А.Ф. Орлову

3 ноября 54

№8726

Секретно

Милостивый Государь, Граф Алексей Федорович.

Почетный смотритель Корсунского уездного училища, титулярный советник Мотовилов в феврале месяце текущего года просил меня о дозволении ему пробывать в С.-Петербурге три месяца. Он изъявил в прошении, что, отправившись из нижегородских деревень своих по частным надобностям на самое короткое время в Москву, по стечению неожиданных обстоятельств встретил необходимость быть немедленно в С.-Петербурге и что, взяв в Москве от находившегося там Ардатовского уездного предводителя дворянства удостоверение о личности своей, прибыл с сим видом в С.-Петербург, но здешняя полиция нашла такой вид его для проживания в столице неудовлетворительным.

Вслед затем Второй департамент С.-Петербургской управы благочиния препроводил в Департамент народного просвещения свидетельство, выданное ардатовским уездным предводителем дворянства князем Волконским помещику того уезда Мотовилову для проезда в С.-Петербург и обратно. Свидетельство это никем не удостоверено и написано не на гербовой бумаге, а потому полиция встретила сомнение в действительности оною.

С своей стороны Мотовилов представил данное ему от живущих в С.-Петербурге действительных статских советников камергера Быкова и Никифорова удостоверение в том, что он им лично известен и что он есть действительно симбирский помещик и почетный смотритель Корсунского уездного училища.

Вследствие сего, разрешив по необходимости 28-дневный отпуск Мотовилову и по вторичной службе его отсрочив этот отпуск еще на 28 дней, я поручил департаменту сообщить подробности дела г. попечителю Казанского учебного округа с тем, чтобы он обратил особенное внимание на отлучку Мотовилова от должности своей в столицу без испрошения надлежащего отпуска и свидетельства и поставил бы это на вид местному директору училищ.

Ныне г. попечитель донес о полученном от Мотовилова объяснении по сему предмету, что причиною отлучки его в С.Петербург без законного вида и даже без ведома директора училищ слишком экстренная надобность, относящаяся к государственной тайне, которую он по долгу совести и присяги обязан был не письменно, а изустно передать чрез Ваше Сиятельство Его Императорскому Величеству, и что во время пребывания в столице он удостоился двух высочайших благоволений, изъявленных ему письменно через г. министра императорского двора.

Для удостоверения в справедливости показаний Мотовилова считаю долгом сообщить о сем Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением: действительно ли поездка Мотовилова в С.-Петербург сопряжена была с такою экстренною важностию, которая не допускала ни малейшего замедления и может служить к извинению его в том, что он не испросил предварительно установленным порядком отпуска для сей поездки.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть
Вашего сиятельства благопокорнейший слуга.

[По исполнению А. Ф. Орловым данного указания Адлербергом сделана запись:] 15 марта 1854 г. Конфиденциально. Граф ему объяснил, то есть Мотовилову, что Государь не склонен читать его записи.

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996***

Записка А. Флорова гр. А.Ф. Орлову

Благодарю за обязательное доставление, дело о Мотовилове при сем имею честь Вашему Превосходительству возвратить*.

Душевнопреданный слуга
20 ноября 1854 года

А. Флоров

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996***

* «Дело Его Императорского Величества Собственной Канцелярии Отделения III (экспедиции), № 93. По всеподданнейшей просьбе титулярного советника Николая Александровича Мотовилова. Начато 15 марта 1854 года». 18 октября 1905 г. для представления ее Величеству Государыне Императрице сняты копии со страниц этого «Дела» (2-14. 24, 25).

Из письма Н.А. Мотовилова графу В.Ф. Адлербергу

24 декабря 1854 года

<...>Когда в 1833-м году после первой петербургской поездки моей на обратном пути оттуда заехал я в Воронеж, то чрез несколько дней моего там пребывания святитель Митрофан, явившись архиепископу Антонию Воронежскому и Задонскому, приказал передать мне следующие слова его: «Скажи Мотовилу: зачем знавшие Серафима ищут еще и моей помощи, разве они не знают, что Серафим от Господа Бога получил такую же силу благодати и чудотворений, как и я сам; а если не знают, то пусть он и сам это узнает и другим от лица моего передает. – А у тебя здесь есть девушки из общины Серафимовской, они принесли тебе отколок камня, на котором Серафим 1001 день и 1001 ночь боролся с бесами и победил их, о чем при жизни еще своей он лично извещал ему. Девушки сии находятся у тебя в странноприимнице, и одна из них, больная, просит меня об исцелении, то скажи вдобавок ему, что за великий подвиг сей борьбы Серафимовой на камне сем Господь и самому камню дал силу целеб и чудотворений. И кто будет пить с этого камня воду, тот будет исцелен благодатию Божиею, а кто иметь его у себя или с собою, тот будет сохраняем силою Господнею от врагов видимых и невидимых. Дай ему принесенный девушками отколок камня, вели напоить водою с него больную, и она исцелеет, – а подобные отломки камня раздавать верующим с рассказом и настоящих слов моих, и все будут по вере своей получать сказанные цельбы и защиту».

Воля святителя тогда же была вполне исполнена: больная исцелена, а камень сначала мною самим, а потом и другими стал раздаваться по всей России, всегда сопровождаемый означенными силами (РГИА, ф. 472).

Из Интернета

**Докладная записка
Высокопреосвященнейшему Исидору,
митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому
от симбирского совестного судьи Николая Александрова Мотовилова
О чудотворных исцелениях, дарованных ему молитвами
архиепископа Антония и святителей Митрофана и Тихона Воронежских и Задонских
1861 года 13 августа**

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь!

Узнав из всенародных объявлений о высочайшей воле на открытие наконец в 13-й день августа сего 1861 года святонетленных мощей святителя и угодника Божиего Тихона, епископа Воронежского и Задонского и что Ваше Высокопреосвященство назначены быть главнoдействующею особою при сем отрадном и давно желанном всею Россиею церковном событии, которого я и сам не только двадцать семь лет желал и ждал пламенно, но даже и ходатайствовал у Его Императорского Величества, будучи к тому возбуждаем и моею кровною необходимостью, о чем я имел честь писать от 13 августа 1857 года высокопреосвященному Иосифу, архиепископу Воронежскому и Задонскому, при описании исцеления, данного мне в 1-й день октября 1832 года* в Бозе почившим преосвященным епископом, что потом архиепископом Воронежским и Задонским [Антонием]. В самом начале какового описания я сказал, что окончательное всех внутренних болезней моих исцеление, начавшееся с последних дней октября 1834 года, отложено до настоящего в сем 1861 году совершиться в 13-й день августа имеющего открытия святонетленных мощей святителя Тихона.

* В праздник Покрова Божией Матери, здесь и ниже – по старому стилю.

Почему священным долгом моим считаю заранее, до открытия мощей святителя сего, сделать известными все обстоятельства этой болезни моей внутренней и дивных событий, сопровождавших ее, хотя, вероятно, многие и не поверят тому. Но слово Божие, хотя бы и хотелось кому связать его, ничем не вяжется, и правда Христова должна быть ведома миру во всей ее чистоте, и непорочности, и Божественной истине, как она совершалась на тех, кои удостоены были Божественным Промыслом быть предметами ее действий в них по Его, Богочеловека Иисуса Христа, воле, о Нем же движемся и есмы тем, чем благоволил Он нам быть Своею благодатию.

Вот как и что именно было со мною некогда по этому необыкновенному случаю.

Великий старец Серафим, узнав по особенному, бывшему в ночи с 3-го на 4-е число сентября 1832 года, откровению ему о всех обстоятельствах жизни моей и извещая меня в 4-й день сентября того года в последней предсмертной беседе его со мною о всем том, что Господь дозволил ему отрыть мне, сказал между прочим: "Не говорите, ваше Боголюбие, «что мне Серафим», потому что это хула на Духа Святого, ибо хотя мы сами по себе и простые, подобострастные всем человеки, но по Святыне даров Духа Святого, приусвоенной каждому из нас, будучи богоносными причастниками благодати Его, уже не на себя приемлем это поношение, а таким образом хулится Господь Бог Дух Святой, освящающий нас на великое служение Богу. И за такую хулу на Духа Святого нет отпущения ни в сей век, ни в будущий".

Я заплакал и упал ему на колени, сказав: «Неужели я скажу что про Вас, батюшка отец Серафим, которого так много и нелицемерно люблю по Господе?!» «Батюшка ваше Боголюбие, – отвечал он мне, – Господь мне открыл, что вы про меня, убогого Серафима, не скажете этого да про другого-то кого-нибудь не говорите, потому что это Хула на Духа Святого и что за это тяжко постраждете, а пожалуй и погибнуть можно». Я испугался и, еще более заплакав, упал ему на руки его, и он тихим говором на ухо открыл мне таинство жизни будущего века.

О чем я говаривал неоднократно многим, преимущественно же Тамбовскому архиепископу, что ныне митрополиту Киевскому, Арсению и архиепископу Иоанну Нижегородскому, что ныне Черкасскому и Донскому, хотя и не мог и не могу того ясно высказать ни им и никому другому, первое, как только до меня относящегося, второе, что, по выражению святого апостола Павла, любимейшего моего из всех апостолов, не леть есть человеческим языком и глаголати тайны будущаго века, но не менее того должен объявить всенародно о сем, дабы, когда Бог простит грехи все наши и, благодатию Своею помиловав нас, удостоит непостыдно предстать одесную Его на Страшном Судилищи Его, тогда бы вы вспомнили, что я, еще в жизни сей временной быв между вами, не только говорил вам по совести и чистой откровенности о всем, что до спасения душ наших относится и что мне заповедано и повелевалось говорить, но даже и официально писанием извещал вас всех, чтущих и слушающих это мое слово, о том, ибо все, что мы по Боге, о Боге и для Бога творим, то должны творить в назидание Церкви Святой и по чистой совести, как пред лицом Вседержителя Бога – со страхом Божиим и единственно во славу Его Единородного от Отца, Иисуса Богочеловека, и верных рабов Его, нескрываючи ничего от алчущих и жаждущих вечного спасения своего.

Все, что ниже будет описано, относится до борьбы с бесами моей, навлекшей не только на меня, но и на самого в Бозе почившего высокопреосвященного Антония столько хулы, пререканий и клевет, которые и на Церковь Святую падают, что ради чести святителя Божия, ради чести Вселенской Церкви Христовой, как мне неоднократно говаривал и предместник предместников Ваших, Санкт-Петербургский и Новгородский митрополит Серафим, я должен настаивать, и даже сама Святая Церковь Божия помочь мне в том должна, чтобы пятно позорных нареканий, чрез клеветы те капнутое на Святую Церковь, было дочиста и не в тайне, но явно и всенародно омыто во славу Вседержителя Бога и Его Святой и непорочной Церкви Христовой Вселенской. И если я все это терпел доднесь, то терпел по личной неоднократно просьбе великого архиепископа Антония потерпеть с ним, да с ним стражда, с ним и отраду получу – но не в будущем лишь одном только веке, а и на земле. Ибо он сказал мне: «При жизни моей не говорите ничего о мне и не хвалите меня. А по смерти не только дозволяю, но и завещаваю и умоляю все и о грешном Антонии высказать, как Господь Бог подал Вам быть свидетелем его жизни и дел его по Господе Боге».

Буду же продолжать начатое.

Предсказание великого старца Серафима сбылось на мне вскоре в Воронеже, ибо когда после исцеления, дарованного мне молитвами преосвященного Антония, епископа, а потом и архиепископа Воронежского и Задонского, в ночь на Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, я, сверх того, удостоился милостивого вспоможения Господнего написать полную службу святителю и угоднику Божию Митрофану^{*}, то высокопреосвященный обещал послать ее, набело переписанную, Его Императорскому Величеству в Бозе почившему Государю Императору Николаю Павловичу^{**} ко дню его тезоименитства 6 декабря 1832 года и в одно время сказал мне: «Великою милостию Господь вознаградит Вас за великое усердие Ваше к святителю и угоднику Божию Митрофану, ибо первый из всех на свете написали Вы ему полную службу, вполне достойную великой его святыни, и мне говорят многие, что Государь Император кроме единовременной отдельной награды за этот церковный труд Ваш какою-либо особенною церковною и монаршею милостию даст Вам еще и самое лучшее место по службе государственной. Поздравляю Вас от души с таким счастьем, оно не многим достается, да и то изредка выпадает».

Я поблагодарил его высокопреосвященство и сказал, что я за особенное счастье почту и на деле оправдать слова, сказанные мне великим старцем Серафимом о службе Царям и Императорам Русским: «А ты, батюшко, скажи Государю: только повели, а уж об исполнении не беспокойся, сделаю так, что и Богу, и тебе, Великий Государь, и Церкви Божией вполне угодно и полезно будет».

И притом я сказал владыке, что, однако ж, не из временных каких-либо видов начал я и кончил эту службу, а единственно из любви к святителю, из желанья, чтобы и моя лепта была на Алтаре Святой Вселенской Церкви Христовой в память души моей многогреховной, но и при многогрешности своей лишь к единому Господу Иисусу и Приснодеве Марии Богородице и Их Святой Православной Вселенской Церкви привергавшейся, в назидание потомству моему более же всего во славу Божию и во спасение вместе с нами и целого мира.

«Да в этом-то я не сомневаюсь, – сказал высокопреосвященный Антоний, – но все-таки при неотъемлемом вечном не мешает и временное, ибо Сам Господь хотя и заповедывает: ищите прежде Царствия Божиего и правды Его, – но сию же минуту и немедленно прибавляет: и сия вся приложатся вам, весть бо Отец ваш Небесный яко и сих всех требуйте». Тем и закончил свою речь ко мне.

^{*} Впервые опубликована в журнале «Светильник», №№2-3, 2003 год.

^{**} Николай I умер 18 февраля 1855 года.

Я же немедленно озаботился перепискою набело чрез одного кантониста полной службы святителю Митрофану для представления Государю Императору и сей же час отдал ее его высокопреосвященству, который сначала хотел немедленно представить ее как труд и отредактированный им же самим, а одобренный единогласно всеми, кто ни читывал оную во время одного собрания, по поводу сему бывшему у тогдашнего губернатора воронежского Дмитрия Никитича Бегичева, на коем были кроме высокопреосвященного Антония и жандармский полковник Коптев Никифор Харлампьевич, и зять Ермолова – главнокомандующего Грузии – Павлов Алексей Александрович, бывший камергер Двора и член комиссии духовных училищ генерал Мешеринов, генерал Русанов и многие другие из значительных лиц Воронежа и из приезжих.

И в это время Коптев рассказал сон о певцах церковных – что он видел громадную пирамиду с надписью как бывших и настоящих, так и всех будущих певцов церковных. И что на ней написан и полный список, и счет имен их ровно тысячу двести певцов церковных, песнопениями коих украшалась, украшается и будет украшаться еще в свое время Святая Вселенская Церковь Христова. «Видите ли, – сказал мне высокопреосвященный, – как Вы блаженны.

Вот и на вечной небесной пирамиде на веки веков грядущих вписано уже и Ваше имя как певца церковного, видите ли, что я, как Вам неоднократно говорил и прежде того, что все временное и вечное, как отрыл мне Господь, дается Вам чрез наш Воронеж молитвами святителя Митрофана». Я был наверху блаженства по необыкновенной, детски ребяческой простодушности сердца моего. Я все принимал за истинное Самого Вседержителя Бога слово, и только подобный мне простодушно доверчивый человек может вполне уразуметь, какими радужными красками рисовалось мне мое будущее.

Пишу откровенно обо всем по задушевности чувств моих для того единственно, чтобы понятно было для всякого, почему крутой переворот в ожидаемом тогда мною добре мог чуть-чуть не погубить меня и временно и вечно, как сейчас будет усматриваться из дальнейшего рассказа, ибо все, как нарочно, почти в одно мгновение перевернулось вверх дном.

Для уяснения дела я должен прибавить, что сей же час по окончании службы святителю Митрофану я немедленно занялся составлением подробного жизнеописания святителя и угодника Божиего Митрофана и около этого времени начал уже из подлинного следственного дела секретного по открытии святых мощей его, отданного мне в руководство кроме добавочных изустных его пояснений, самим высокопреосвященным Антонием мне переданных, извлекать описание чудотворений святителя Митрофана.

Но работа эта, совершавшаяся независимо от написания службы, как уже вполне совершенной, окончательно отредактированной самим высокопреосвященным и начисто на приличной бумаге переписанной, не могла нимало мешать представлению этой рукописи полной службы святителю Митрофану на высочайшее благоусмотрение Его Императорского Величества.

Однако же Богу, попускающу, а врагу, действующему сверх чаяния, случилось, что нашлись завистники моему великому счастью сему и при всей неимоверной истинно Божественной любви ко мне его высокопреосвященства архиепископа Антония стали сплетать сети и посеять плевелы для разрушения того. И высокопреосвященный не только не послал, как обещал, своевременно к 6 декабря 1832 года службы святителю Митрофану Государю Императору, но и потом стал медлить, говоря, что, когда я кончу подробное жизнеописание святителя Митрофана, тогда все вместе и пошлетя к Государю. Было, сверх того, написано краткое жизнеописание святителя Митрофана и всеми так же сначала одобрено.

И потом никем не было охуждаемо, и хотели его предварительно пред подробным и полным жизнеописанием святителевым послать в журнал «Христианское чтение». Но и оно отложено, так что даже из круга тех, кои одобряли все это, многие стали мне надоедать словами: «что же это владыко делает, медлит, медлит, время ведет, а ты так надеялся» и прочее, о чем некстати здесь упоминать, но что резко и пагубно подействовало на душу мою, в подобном, как я выше сказал, настроении находившуюся.

Трудно словом и даже невозможно им одним и описать борьбу душевную, крушения духа и тугу сердечную плоти, разом объявших меня и без пощады увлекавших в глубину совершенного отчаяния. Бог один свидетель только всего этого. И Он лишь один сможет священно тайно уяснить то, кому изволит – кому то нужно будет.

Скажу одно, что с этого именно времени началась борьба моя с бесами, мне Провидением Божиим предоставленная, о коей великий старец Серафим, узнав по откровению в ночи с 3 на 4 сентября того же 1832 года бывшему касательно всей моей жизни, рассказал мне подробно о подобной борьбе своей 1001-дневной и 1001-ночной, которая в странном искажении моих трудов, неправильно переданных иеромонахом Иоасафом в книге сказаний об отце Серафиме, несоответственно названа стоянием на камнях 1000-дневным и 1000-ночным – с убавкою по 1 дню и по 1 ночи. О чем здесь подробным рассказом утруждать Ваше Высокопреосвященство считаю за неуместное.

А передал я это одновременно с сею запискою отдельно от оной бывшему цензору Николаю Васильевичу Елагину в нынешний мой проезд в Задонск в августе месяце 1861 года в числе прочих кратких сведений о жизни и беседах личных со мною батюшки отца Серафима для приобщения к новому и прекрасному жизнеописанию его четвертому, принятому святою Саровскою пустынею под его руководством.

Итак, дабы не прерывалось более внимание чтущего и слушающего, будем продолжать предпринятый рассказ. Почему обращаюсь к тому обстоятельству, что в это время я занимался уже составлением подробного жизнеописания святителя Митрофана, производя письменную работу эту в той комнате воронежского архиерейского дома, которая назначалась для приема архиереев приезжих и ныне обращена в состав Крестовой церкви, – а на месте том, где я писал оное, помещается ныне образ двенадцати праздников. Когда при описании чудес святителя Митрофана я кончил 48-е чудо об исцелении из дворян девицы Паренаго, сорок пять лет одержавшейся бесом, мне пришлось задуматься над тем, что каким же это образом случилось, что в ней в течение столь долгого времени жил бес, а ни она сама о том догадаться не нашлась и никто другой того заметить и обличить не мог?! Да и каким же образом бывает это, что в православной христианке, ходящей во святую церковь Божию, причащающейся Святых Таин Христовых, мог жить столь долго бес, не будучи изгнан из нее Святынею Божиею?!!

Это дело теперь для настоящего 1861 года, разумея 1832 год, уже давно прошедшее, но я живо помню, что я тогда не потому так думал, чтобы не веровал в существование злых духов, или бесов, или, что все одно и то же, падших ангелов и в возможность их вселения в человеков, я, напротив, всегда твердо и непоколебимо веровал, верую и веровать не престану во все Святое Евангелие Христово и во все не только догматы, но и во всякие священные предания и сказания о житиях святых нашей Православной веры Христовой. Да я, сверх того, также знал и по исторической эрудиции, то есть научности, что в Средние века Христианства было, в особенности же на западе Европы, почти повсеместное мнение, что будто бы все люди более или менее одержимы бесами, так как почти все в разных мерах, более или менее грешащие, ибо грех от диавола есть, и поэтому были даже составлены молитвы повседневные на противодействие злым духам.

Итак, в возможности существования бесов или житья их в некоторых людях я нимало не сомневался, но мне по врожденной неутолимой любознательности хотелось еще и на самом себе видеть и испытать, и, подобно Фоме апостолу, духовно осязать, и чувственно удостовериться, каким же образом это обстоятельство бывает в людях на самом деле, что и при полной благодатной обстановке человеческой души дарами Духа Святого, если можно употребить это выражение, а все-таки может в том же человеке и бес обитать??

Вот что до глубины души затронуло меня в это страшное мгновение – а это все не просто лишь по обыкновенному любопытству, чтобы получить результат ужасающего опыта без надлежащего общепользующего употребления, но для того, чтобы потом уверить и самых ожесточенных неверующих и погибающих чрез это неверие людей, что слово Божие, глаголанное Духом Божиим во Святом Евангелии, истинно и что действительно иота единая не пройдет от Писания сего Боговдохновенного, «дондеже вся будут».

В оное то время, как мысли сии пришли мне в голову, я сидел на диване в вышеупомянутой архиереев приезжих комнате воронежского архиерейского дома, обращенной ныне в церковь, где находится святая икона двенадцати праздников, и когда я утвердился в мыслях сих, то такой необыкновенный и страшный ужас объял меня, что я не мог сдержать даже и пера в руке, оно выпрыгнуло из пальцев.

И в тогдашней работе моей, неизменно и донныне хранящейся у меня, копии с которой, сверх того, по поводу ареста моего снятые, хранятся в архиве Министерства внутренних дел, так что можно всякому желающему увидеть и удостовериться, что последнее сказание в сей духовной работе моей есть о чуде святителя Митрофана по исцелению из дворян девицы Софьи Сидоровны Паренаго – от сорокапятiletнего пребывания в ней беса.

Я дрожал страшнее всякой лихорадки от ужаса, неизъяснимый страх возобладал мною и всеми силами души моей. Слово человеческое немощно выразить всю боль, тоску, сокрушение, недоумение и то неестественное страхование, вполне безотрадное, которое объяло целым составом моим, как бы впадшим в глубину вод. Сколько я ни бился духовно изо всех сил моих, но ни слезы, ни молитвы и даже, по невозможности без отдыха непрестанно креститься, и самая всемогущая сила Креста Христова не могла совершенно отогнать от меня всего этого, в полном смысле слова неизреченного, бедствия.

Ибо хотя во время знаменования себя осенением Креста Христова я и чувствовал отраду, но как только рука уставала творить знамение это на челе, на персях и на всех членах моих, ибо я страдал всецело во всех моих членах, и я переставал креститься, так снова и с большею яростию, почти даже невообразимую, начиналось снова бедствие нападений на меня бесовских, что я по чутью духовному внутреннему ясно уразумевал. Не только нельзя было мне пера в руки взять, но и рукописи подлинного, секретного, по открытии свято-нетленных мощей святителя Митрофана дела, бывшей тогда у меня тут, читать невозможно было – перо выскакивало из пальцев, буквы прыгали и двоились, и троились в глазах моих.

В недоумении и ужасе я и сам не знал, что мне предпринять, когда услышал слух молитвы Иисусовой, совершаемой при дверях комнаты той, где я был, высокопреосвященным Антонием, и, сказав «аминь», отворил ему двери к себе. «Что с Вами?! – спросил он меня, увидев, что я нахожусь в страшном изменении в лице и в непостижимом для него сотрясении всех моих членов. – Что с Вами, – повторил он, – что Вы даже как будто и не слышите вопроса моего?» Я подошел под его благословение, и когда получил оное, то с трудом едва кое-как смог хотя отчасти намекнуть ему о всем мною тут не знаю как перенесенном.

«Плюньте Вы на все эти козни бесовские, – сказал он мне. – Это враг диавол, желая воспрепятствовать Вашему святому делу, хочет разрушить оное, а для того и наводит на Вас такие страхования. Господь и Божия Матерь помогут Вам во всем и молитвами святителей Митрофана и Тихона, и моими грешными сомолитствованиями, помогут Вам все это совершить благополучно во славу Божию и в пользу Церкви Святой. Пойдемте-ка лучше обедать со мною».

И не давая себе отдыха и после обеда, высокопреосвященный разными утешительными боговдохновенными речами напитывая душу мою, ободрял ее, отеческою любовью согревая разговоры свои со мною и убеждая не страшиться их бесовских нападений, не допускать до себя мысли, что будто бы он изменился в Божественной любви своей ко мне и будто бы, как прельщаемые дьяволом противники дел Божиих уверяли меня, лавирует со мною, желая только провести время и потом под вежливыми уклончивостями оставить весь труд мой, для святителя Митрофана подъятый, втуне, продержал меня у себя до самого позднего вечера, стараясь поднять упавший до отчаяния дух мой, и ободрить объятую унынием душу мою, и обвеселить изнуренную неестественными страданиями плоть мою.

Но никакие утешения не помогали уже мне, и сколько и сам я ни уверял себя, что великий Антоний Божественно любит меня по-прежнему, но не только помыслы лукавые внутренние, но даже, как назло согласившись, и все близкие к высокопреосвященному люди приставали ко мне каждодневно беспрестанно, и безотрадно смущая и уверяя, что он политикан и только завлек меня в труд этот, а ничего не сделает и службы не представит Государю.

И, одним словом, чего то сплетничество человеческое злоухищренностию козней бесовских подстрекаемое не придумает для смущения и самого твердого человека? А я? Кто я был тогда, двадцатитрехлетний, не по летам, а по простодушию и теперь неупремурившийся и чрез двадцать девять лет и все по-прежнему с простодушною доверчивостию остающийся и доселе.

Скажу одним словом, не распространяя более рассказа о бедствии моем, что не прошло и двадцати дней после того, как я впал в совершенное отчаяние, и борьба новая возстала на меня: дух хулы на высокопреосвященного Антония напал на меня, и дух злобы стал возбуждать во мне помыслы: «Зачем он коварствует и будто бы обманывает меня, не посылая службы, в честь святителя Митрофана сочиненной мною, к Государю Императору?» И стал дух этот ожесточать сердце мое, что владыка чрез то лишает меня и временного и вечного.

Горе неизъяснимое овладело мною тогда, и тут-то уже стал я каяться и о том, зачем я поехал в Воронеж? Зачем, будучи у батюшки отца Серафима в Сарове и когда он хотел исцелить меня – да и о прочих нуждах моих попечись о всех, – не остался у него, забывши, что я на все это соглашался радушно и что сам великий старец пожелал предварительно молитвенным подвигом испросить разрешения у Господа Бога, что ему делать в отношении меня? Самому ли, как он сделал прошлого 1831 года в 5-й день сентября, исцелить меня и вновь в том же 1832 году или отпустить в Воронеж?

И лишь после совершенного обо всей жизни моей ему бывшего подробного откровения отпустил уже он меня в Воронеж. Но когда ум затмевается нападениями вражескими, тогда око разумения и рассуждения закрывается и душа сама не в себе бывает. И в таком-то бедствии быв, причастился я Пречистых и Животворящих Таин Господних 27 или 28 декабря 1832 года из рук самого высокопреосвященного Антония, но, к несчастью моему, не в облегчение, а в приложение и без того многих моих согрешений.

Владыко мой, бесценнейший благодетель Антоний, видя, что зубы у меня стиснуты стали вдруг при приеме в уста Пречистых Тела и Крови Христовых, сказал: «Проглоти». И зубы мои разжались, и Животворящие Тайны Тела и Крови Господних вошли во внутренность мою, но вместо обычной сладости и радости духовных и неизъяснимого успокоения, которые я до того всегда ощущал, причащаяся Пречистых Таин Господних Христовых, целый ад вселился в меня, так что я не помню, как я смог вычитать молитвы после причащения, как доехал до квартиры моей, напился чаю и лег отдохнуть после причащения, ибо пролежал весь день тот как мертвый.

И вот около этого-то времени написаны мною на славянском языке четыре псалма мои, с которых копии хранятся и в Министерстве внутренних дел в числе бумаг, забранных у меня во время ареста моего симбирского, начатого в отношении меня в Корсуне на Троицкой ярмарке* исправляющим должность симбирского гражданского губернатора Александром Михайловичем Загряжским, по поводу сего житья с 19 сентября 1832 года по 4 или 5 января 1833 года и духовных дел моих в Воронеже.

И уже после этого бедственного причащения я стал каждый день докучать высокопреосвященному Антонию, что если уже он не хочет посылать сочиненной мною в честь святителя Митрофана службы на высочайшее благоусмотрение Его Императорскому Величеству, то и я не хочу более оставаться в Воронеже и доканчивать начатые с такою сладкою и теплейшею к Богу любовью и усердием работы мои для Церкви Святой.

И хотя его высокопреосвященство снова стал уверять меня, что и службу святителю пошлет к Государю, и одинаково любит меня по Бозе по-прежнему, но я упал уже душой до глубочайшего отчаяния и не мог приподняться духом ни на одну ступень боголюбивой и спасительной надежды. К этому присовокупились душепагубные советы некоторых уважавшихся тогда мною людей, говоривших мне: «Да что тебе смотреть на Антония, пошли прямо сочинение это твое на имя митрополита Серафима, так вот и без него все дело сделается, и труд твой не пропадет напрасно».

То есть, значит, я причинил бы чрез это огорчение и скорбь моему Божественною любовью любимому архипастырю и по Бозе отцу, духовно ограждавшему меня всегда своими молитвами и молениями за меня к Богу. Но сколько я ни был озлоблен и кознями бесовскими, и советами заблуждавшихся людей противу высокопреосвященного Антония за непредставление службы Государю Императору, но идти в обиду его высокопреосвященству, за всем тем все-таки невозвратно любимого мною вечно, против него, не хотел. И реки слез пролиты были мною в борьбе этой, а я наконец твердо и решительно сказал: «Нет, этого не будет никогда, чтобы я позволил себе огорчить моего бесценного отца и архипастыря Антония».

Но сколько ни невероятно велики были бедствия мои, тогда настоявшие, но сколько ни глубоко горе мое теперешнее, так думал я, и сколько ни неисходна бездна зол, обышедшая меня теперь, про что про все это лишь один Всевидящий Бог изволит знать вполне, но и за всем тем Он же Сам и свидетель тому, что идти напротив угодника Его святого Антония не хотел, не хочу и не позволю себе хотеть. И сколько пламенно ни желал, чтобы и самонаименнейшие его слова вышеупомянутые теперь сбылись во всей их пунктуальности для меня, но в обиду ему, угоднику Божию Антонию, все-таки того делать не хочу.

* Н.А. Мотовилов, как коннозаводчик, побывал на Троицкой ярмарке в мае 1833-го.

И вот в это время-то написаны были мною мои прощальные к Воронежу стихи, тоже в копии и в архиве Министерства внутренних дел хранящиеся, вероятно, теперь и доселе:

Воронеж край чудотворений,
Где столько радостей, скорбей
В хаосе дольных приключений
Наделалось душе моей,
Прости, и мир с тобой да будет –

и проч. и проч.

В них выразил я отчасти всю тогдашнюю скорбь мою. И вечером во 2-й день января 1833 года, бывши у высокопреосвященного Антония и прочитавши их ему, сказал я сквозь горькие слезы, что более терпеть уже не могу, оставаясь в Воронеже, что если я не поеду к батюшке отцу Серафиму, то погибну тут в Воронеже, и неужели он захочет быть виновником пагубы моей душевной?

– Зачем же так, – сказал он мне, – что же Вы так отчаиваетесь, ведь я сказал уже Вам, что чрез святителя Митрофана Вы не только не погибнете, но даже все и временное, и вечное лишь только чрез одного его получите, так что же Вам отчаиваться. Да и зачем ехать к отцу Серафиму в Саровскую пустынь? Я слышал от одного помещика тамбовского, князя Николая Александровича Енгальчева, что Серафим уже скончался на днях сих.

– Неправда, – сказал я, – неправда, Серафим жив, и, не повидавшись со мною, он не умрет, он что говорит, то и делает, он от лица Божией Матери давал мне заповедь на служение его обители девической, сказал мне, что он со мною поработает во грядущее лето на этих трех грядочках, на коих, сидя и копая картофель, говорил со мною. Так я должен еще видеть его в живых и о многом сам лично с ним переговорить. Он истинный угодник Божий, и слова его истинны и святы, как слова Вседержителя Бога. Он говорил со мною, Духом Святым будучи исполнен, а слова Духа Святого истинны, и святы, и непреложны, как сам Бог. Нет, батюшко владыко святой, это неправду Вам сказал и князь Енгальчев, не верьте ему.

И высокопреосвященный, помолчав немного, стал говорить:

– А какой я чудный сон видел часу во втором или в третьем утра. Так что проснулся и остальное как наяву видел, а не во сне. Один старец в Киево-Печерской лавре, подобный Вассиану*, скончался ныне в ночи на 2 января 1833 года. И явилась душа его ко мне вся в слезах неутешно плачущая до того, что слезы как реки текли. «Что ты, старец Божий, так горько и неутешно плачешь и о чем плач твой? – спросил я его.

– Да и о чем тебе плакать теперь, ты избыл от гибельных сетей мира сего и идешь в некончаемую нетленную жизнь будущего века, для тебя лишь одним блаженством, уготованным тебе, исполненную, – так есть ли же о чем тебе горько плакать теперь, а надобно бы напротив лучше радоваться, что, оставляя временное и тленное, ты наследуешь теперь вечное и нетленное?!»

* Вассиан (1745-1827), иеромонах, слепой прозорливец.

“Я не о себе плачу так горько и неутешно, – отвечал мне старец, – но здесь у тебя в Воронеже племянница моя гостит, то о ней то так сокрушается душа моя и тоскует сердце мое, о ней так горько и неутешно плачу я потому, что вот не далее как только 4 или 5 дней тому назад она приняла по двадцать восемь золотников четыре яда: двадцать восемь золотников сулемы, двадцать восемь золотников мышьяку, двадцать восемь золотников шпиаутеру* и двадцать восемь золотников четвертого яду, но уже какого именно, теперь в точности не припомню. И вот того и гляди, что умрет она, ей говорят: прими врачевство, а она говорит: «не хочу, умру», и не знаю, как она не умерла еще, как жива и до сих пор, и вот о чем я плачу так неутешно и молю Бога, чтоб Он сохранил ее и помиловал, да и Ваше высокопреосвященство о том же прошу молиться”.

– Чудный сон, – сказал мне владыко, – и даже не сон, а чистое видение, и не знаю, что все это значит в самом деле. А вот как сейчас вижу и слышу этого дивного старца.

Я отвечал его высокопреосвященству:

– Это батюшку отца Серафима Вы видели, и сон этот ко мне лишь одному относится. Старца такого, как Вассиана, теперь нет в Киеве. Вы сами меня о том, рассказывая о нем, уверять изволили. А ведь и Вы правду говорите, и я Вам верю, как батюшке отцу Серафиму. Потому что и в Воронеж я стремился ехать, сверх всего, более потому и за тем, чтоб видеть, и слышать, и удостоиться Божественной любви и внимания, такого же угодника Божиего, как батюшки отца Серафима, каковым я и нашел Вас действительно, и знаю, что Вы истину говорите, а потому и думаю, что скончался старец не в Киеве, но в Сарове, и никто другой, как батюшко отец Серафим, да некому и быть другому.

А про него и про Вассиана Вы и сами мне говорить изволили, что они и по Вашему мнению или равны, или подобны друг другу по святням жизнью своих. А племянница его, гостящая у Вас, есть душа моя, потому что он, услышав от меня, что родитель мой два года жил в Саровской пустыни, в просфорном послушании быв, и потом женился (хотя в скобках скажу – то и по особому святителя Николая Чудотворца повелению было им сделано), сказал мне: «Что же родитель Ваш не остался у нас в Сарове? – и потом, помолчав и исполнившись в лице необыкновенным светом, прибавил, – Ну, да слава Богу, батюшко, он и без того в милости и великой милости у Господа Бога, мы с ним братья по душе».

– То я и думаю, что и поэтому-то он и мою душу свою племянницею называет. А яд, принятый ею, – это причащение Пречистых Таин Господних, приятое мною в суд и осуждение, а не в очищение множества моих прегрешений, потому что я, исповедавшись, не раскаялся в том, что Вы, Ваше высокопреосвященство, не послали службы моей святительской, сочиненной мною, Государю Императору и что я злюсь за то на Вас. И вот, видно, о том-то и говорил мне батюшко отец Серафим: "Не говорите, Ваше Боголюбие: «что мне Серафим, что мне Серафим», потому что это хула на Духа Святого, а она же ни в сей век, ни в будущий не отпустится”.

– Так вот в каком смертном грехе, будучи и не исповедавши его, я принял Пречистые и Животворящие Тайны Тела и Крови Христовых, а поэтому и нельзя, конечно, не удивляться батюшки отца Серафима душе и духу, отшедшим от святонетленного тела плоти его бононосной, как я еще не умер, умерши уже душевно. А врачевание, советованное мне, это есть то, что Вы говаривали мне: «покайтесь, покайтесь», а я, не понимая моего душевного бедствия, Вам отвечал всегда, что в чем же мне каяться, я прав, а в душе думал, что Вы одни виноваты, не сдержав Вашего слова и медливши потом в исполнении его, и чрез то погубляющие меня. Простите меня бедного, я чувствую, что я гибну всячески и душою и телом, – и я здесь долее жить в Воронеже не могу, – но пустите меня к отцу моему Серафиму.

* Шпиаутер – цинк.

Он утешит и оживит данную ему благодатию совсем умерщвленную отчаянием и бесовскими нападениями душу мою. Он открыл мне тайны жизни будущего века, и я верую, что это сказанное им мне все так, а не иначе будет. А как умрем и воскреснем, так я скажу и Вам: «Что? Батюшко, Ваше высокопреосвященство, владыко мой милостивый, не правда ли, что это так, как я Вам сказывал в той жизни временной, будучи на земле с Вашим высокопреосвященством в Воронеже 2 января вечером в 1833 году по Рождестве Христовом». Но простите меня несчастного, я Вас любил и люблю, как Бог весть, и не хотел бы оскорблять Вас и согрешить противу Господа Бога Духа Святого, а вот теперь хоть и невольно, да согрешил.

Простите меня, я вижу, что страшные несчастья и горе одно ждет меня на земле вместо обещанных Вами мне радостей, и почестей, и славы, и временных и вечных, которых обаянию с такою ребяческой, простодушной доверчивостию предалась бедная, измученная целый мой век страданиями многогрешная душа моя. Лучше бы мне не ездить в Воронеж, чем, поехав за исцелением плоти, вывозить отсюда такую страшную болезнь душевную. Простите меня и молитесь за меня несчастного, чтоб я не погиб по крайней мере в будущем веке, и за мою ведь бедную душу пролил Христос Богочеловек Иисус, семя жены обетованное Адаму и Еве*, Пречистую Кровь Свою, простите меня.

Но я не буду приводить далее высказанного, ибо тот, кто может понять всю тогдашнюю скорбь мою, все те вопли души, погибающей, влекомой в глубину вечных мук, которых тугу и горе лишь она одна, бедная душа моя, озаренная некогда по молитвам батюшки же отца Серафима таким светом благодати Божией, – лишь одна она могла вполне понимать, то ж повторю, – [тот] и сам дополнит остальное, если нужным то почтет.

Высокопреосвященный, выслушав все это, сказал мне:

– Приезжайте же, хотя после, и доделайте дело Божие. Бог Вас во всем да простит, и нас простите, если чем, по немощи человеческой, Боже избави, сделали Вам препятствие во спасении души Вашей. Но заключу тем, что мы все-таки, все воронежцы, – святители Митрофан, Тихон и я, грешный Антоний, – богомольцы за Вас. И труд Ваш не пропал и не пропадет без вознаграждения и временного и вечного.

Не стану описывать, сколько слез пролил я на гробе батюшки отца Серафима, не застав его в живых. Как игумен Нифонт сказал мне, что ему известна заповедь старца Серафима, данная мне, – служить его общине Дивеевской, что в Дивееве не одна община, но две.

* Сей сюжет требует квалифицированного, богословского разъяснения, похоже, семя – это Христос, жена – дева Мария.

Из беседы того же Н.А. Мотовилова с Серафимом Саровским: «Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, т. е., батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человек и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир. Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святого понимания, не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности, – пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени жены, имеющий стереть главу змиеву. Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65 году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятого Духа Божьего 300 лет, потом на 365 году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святого, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святого ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела».

И одна, вторая Дивеевская, заведенная им самим по воле Божией Матери, Которой и служить он мне от лица Ее Самой, Царицы Небесной, заповедал, находится при мельнице и состоит из одних девиц, и что он [игумен Нифонт] этой общине дал большой медный крест, бывший на великом старце Серафиме, а другим, маленьким из кипариса или другого какого-то дерева, им самим вырезанным и обложенным серебряным окладом из того целкового рубля, которым благословила его родительница, отпуская в Саров, он благословил меня тогда, придав к тому и Евангелие, которое он три года последней жизни своей употреблял в ежедневном чтении с обожженным сзади кожаным переплетом, и образ Божией Матери «Жизнодательницы», полученный им от родительницы ж своей и Духовным алфавитом, старым и многочитаным, у коего первых листов не доставало, по коему он сам, отец Серафим, учился жизни духовной.

Не буду говорить и о многом прочем, до того касавшемся, потому что это относится единственно до подробного и совершенно полного жизнеописания самого великого старца Серафима, от написания и издания в свет которого я, как единственно лишь один имеющий, по известным Богу одному причинам, у себя ключ ко всем тайникам его истинно чудной и высокоблагодатнейшей жизни, не только не отрекаюсь, но и весьма рад буду, если Господь благословит молитвами трех святителей Воронежских: Митрофана, Тихона, уже канонизированных, и Антония (хотя еще и не канонизированного, но, однако же, с ними и еще заживо чудотворца, как он на мне 1 октября 1832 года показал, как и в чудесах печатных святителя Митрофана значится под именем праведного мужа со святителями Митрофаном и Тихоном, являвшегося при жизни своей), – правительством нашим печатно названного еще заживо праведным, – то я и вседушевно желаю вслед за сим в свет издать.

Но я в необходимости нахожусь, хотя в кратких чертах, однако, обрисовать для всеобщего сведения то неблагородное и всякого праведного гнева достойное оклеветание, взведенное на Воронеж и дела Божии, в нем совершившиеся (и еще и ныне в пределах губернской области его совершиться имеющие в 13-й день августа сего 1861 года по открытии мощей святителя Тихона в уездном городе Задонске).

По поводу этих дел воронежских я претерпел в 1833 году в Корсуне и Симбирске трехмесячный арест. И в первую ночь сего ареста от испуга получил белые волосы, носимые мною и донныне вот уже двадцать восьмой год без окрашивания в черный цвет, как богоданное свидетельство о моих страданиях за святое Божие дело, незаконно мне причиненных и положивших неомытое до сих пор пятно подозрений на Святую Церковь Божию и на меня, хотя последнего, но верного до конца претерпевающего члена ее, Церкви Святой, а не других каких-либо богопротивных антимонархических обществ, и претерпевающего это лишь за исцеление мое, данное мне преосвященным Антонием в 1-й день октября 1832 года, от четырехмесячных тяжких ревматических и параличных болезней в руках и ногах и расслаблений всего тела.

И вот как произошел этот трехмесячный арест мой.

Господин, исправляющий должность симбирского гражданского губернатора, статский советник Александр Михайлович Загрязский, слышав от меня вышеписанные рассказы мои о Воронеже, дерзнул заподозрить, что будто бы в Воронеже под предлогом открытия святонетленных мощей святителя и угодника Божиего Митрофана и съезда на поклонение святым мощам его находится какое-то тайное общество.

Это общество под предлогом сего съезда основало тут свое рандеву для совещаний, как бы это лучше в России исполнить, чтобы под предлогом распространения в ней христианской веры и возбуждения утрачивающегося благочестия устроить конституционное правление – ограничить самодержавие Всероссийских Императоров и заставить их насильно дать нам конституцию, – и что будто бы я или член-агент этого общества, во главе которого состоят все вышеупоминавшиеся мною особы и лица, начиная с высокопреосвященного Антония, или по крайней мере жертва, увлеченная в гибель его обаятельным на меня влиянием.

За что и был я посажен под арест им, Загряжским, в городе Корсуне, и везен в Санкт-Петербург несколько станций, и потом привезен в Симбирск, продержан под арестом три месяца, и единственно потому так мало, что Министерство внутренних дел под председательством графа Дмитрия Николаевича Блудова, или, лучше сказать, только потому, что он сам энергически занялся делом моего несчастного ареста, испортившего все дела жизни моей и навлекшего на меня, считая с 1833 по 1861 год, двадцативосьмилетние непрерывные страдания. Ибо что я такое, как не всероссийский парий по низости подобных и неоправданных явно и официально невознагражденных клевет, озлоблений и притеснений?! – тяготы, которым свидетели мои волосы белые, двадцать восемь лет носимые мною и полученные, подобно Марии Стюарт и полковнику Искре*, в одну первую ночь ареста.

Мне теперь пятьдесят два года, а и тут жизнь бесценна. Судите же, каково было чаять неминуемого расставания с нею на двадцать четвертом году жизни, полной могучих сил по милости Божией и до сих пор нимало неослабляемых, – что же они были тогда? И каково же было горе расставаться с жизнью и всеми ее радостями в те лета? И вот почему, не черня моих белых волос, я ношу их таковыми, какими тогдашнее горе сделало, чтобы они были свидетелями бедствий моих, стольких несправедливых обвинений и претерпленных страданий за Святую Церковь Божию пред лицом Вседержителя миров, Всетворца Бога нашего и всеми людьми и чтобы они хотя когда-нибудь да исходатайствовали бы мне от Государей Императоров полную защиту противу всех дерзающих считать жизнь мою не только возмутительницею против законных, установленных Богом властей, но даже хоть сколько-нибудь имеющую поползновение на умаление самодержавственной власти.

Это обстоятельство есть чистое действие тех же злых духов – о явном нападении коих на меня будет мною в возможной подробности изложено ниже сего – и служит как бы прологом, если позволят мне употребить это литературное выражение, к той великой и всесвященной драме Божественных заступлений, которыми Господь Бог изволил всебогато осчастливить духовно меня впоследствии.

И я нелишним считаю и даже в неременную обязанность ставлю себе несколько распространиться о сем моем аресте за Воронеж, мне сделанном в Корсуне и Симбирске, ибо тут страдало и до сих пор еще по неуяснению явно правды Божией страдает не только память высокопреосвященного Антония, но в лице его, как уверял меня и разъяснял мне то в 1833 году предместник предместников ваших митрополит Серафим, и добрая слава Святой Божией Церкви Вселенской.

* Мария Стюарт была казнена в 1587 г. как королева Шотландии; Иван Искра казнен в 1708 г. за донесение Петру I об измене гетмана Мазепы в пользу шведов.

Если я этого не просил прежде, то потому лишь только единственно, что высокопреосвященный Антоний запрещал мне делать то при жизни его, говоря следующими словами: «По всему видно, что высокопреосвященный митрополит Серафим есть великий святитель Божий, и кроме совпадения слов его, пророчески сказанных Вам, со словами великого старца Серафима Саровского – Повинися Господеви и умоли Его и Той сотворит и изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне, достопримечательно и то его мнение, что в аресте Вашем обижены не Вы только одни, но не только я и все почтенные деятели в пользу открытия святонетленных мощей святителя Митрофана, во главе которых стоит преимущественно Сам Великий Государь Император Николай Павлович, но и самая Святая Церковь Божия.

И я бы сей же час готов был сделать все в защиту не только Вас, но и самого себя противу столь низких обвинений, что будто бы мы с вами бунтовщики и заговорщики противу самодержавства Их Императорских Величеств, но, оправдывая Вас, я и себя невольно буду оправдывать, славить себя или трубить о себе, вот почему я прошу Вас, потерпите со мною поношение Христово в течение жизни моей; а когда не будет меня на свете – рцйте во ушею всех, яже видите и слышите, и о грешном Антонии.

Я знаю, что Вам дал Бог мужество и Вы не побоитесь убивающих тело, души же немогущих убить, а Господь Бог дивен сый во святых Своих предстательством Препоблагословенной Владычицы нашей Приснодевы Богородицы – и явной Заступницы Вашей – молитвами же святителя Николая, и святителей Митрофана и Тихона, и великого старца Вашего Серафима, и с тем вместе и моими грешными сомолитствованиями вся воздаст Вам во время свое.

Необидлив Господь Бог и не предаст жезла праведных на жребий грешных, а тогда и те слова мои сбудутся, что я говаривал Вам в первый приезд Ваш в Воронеж, что великою радостью утешит Вас Господь Бог и что только чрез наш Воронеж и святителя Митрофана подаст Господь Бог Вам все – и временное, и вечное – дом же мой и моя хлеб-соль да будут навсегда Ваши, ибо Сама Царица Небесная мне велела быть с Вами в таких близких отношениях, сказав мне, что мы оба с Вами служим Ей, Владычице нашей».

И вот, буду же продолжать далее, как было дело ареста моего, за второе исцеление мое, по хронологии жизни моей бывшее со мною в Воронеже 1832 года в ночь на 1 октября, – первое же было от молитв великого старца Серафима в 5-й день сентября 1831 года.

По обратном приезде моем чрез Саровскую пустынь из Воронежа в город Симбирск в 1833 году я в видах приобретения себе руки Екатерины Михайловны Языковой – родной сестры известного поэта Языкова, – страстно любившейся тогда мною, что продолжалось более семи лет – с 1830 года, я поселился на всю зиму и весну в этом родовом городе моем. И вследствие еще прошлогоднего 1831 года знакомства с домом исправляющего должность симбирского гражданского губернатора Александра Михайловича Загрязского сошелся с ним на такую дружескую ногу, что по его личному всегдашнему братскому убеждению должен был поставить мои отношения к нему лишь на «ты».

В этой интимности он нередко передразнивал Государя Императора Николая Павловича, садясь на свою трость, как на лошадь, и разъезжая на ней по кабинету губернаторского дома, представлял, как он являлся перед рядами войск на параде и, прокричав им: «Здорово, ребята», немедленно на их: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество. Ура!», заканчивал: «Спасибо, ребята», – или как он будет уговаривать султана турецкого Магмута об оставлении магометанства и приеме Православной веры Христовой, – всевозможно опошливая этот насмешливый разговор, прибавляя всегда, что не только Бегичев, губернатор воронежский, Павлов и другие мои знакомые воронежские, но и сам высокопреосвященный Антоний ханжат из угождения Государю Императору, подханживая под его будто бы неискреннее благочестие, что они все люди негодные. Я смягчаю выражения, пиша о святом предмете, ибо он выражался гораздо дерзчее.

Когда же в общую дружески-братскую на одной квартире нашей бытность в уездном городе Корсуне на ярмарке 1833 года он упросил меня, чтоб я купил за двадцать пять рублей ассигнациями «Думы» Рылеева и сонеты Мицкевича, несмотря на то что я не хотел покупать и иметь у себя контрабанды, – и по силе этой-то контрабанды и продававшихся дорого, – и просил их читать ему вслух, то всегда придирался, что будто бы я с глубоким бунтовщическим сочувствием читаю их, и, несмотря на уверения, что я сочувствую высоте выражений поэтических, глубине мыслей, знанию сердца человеческого, а не бунтовщическим проявлениям идей законопреступных, он всегда, бывало, как бы выпытывая из меня, говаривал, а «что ведь они хорошо так думали и чувствовали??».

Я стократно ему отвечал в одном и том же тоне, что хотя бы я был и более притеснен в России, чем Рылеев и Мицкевич, но никогда не считаю и не почел бы бунтовщических чувств их добрыми и тем более достойными подражания, и если бы еще более стеснен был от самого правительства русского, то и тут никогда бы не решился на ненависть к Самодержавному, Владеющему Россиею Дому Романовых, потому что истинный христианин есть неизменный добровольный Христа ради раб всякого православного христианского Государя. Но он, Загряжский, переходя от одной пошлости к другой, о коих считаю нелепым и поминать подробно в благоговейном рассказе о действиях Промысла Божиего, на мне бывших, дошел наконец до такого неистовства, что дерзнул страшно похулить и Самого Государя Императора Николая Павловича!!

В порыве справедливого негодования я по чувствам верноподданного готов был бросить в него креслами, чтобы в мгновенье прекратить дальнейшие хулы его на Государя, но, подумав, что тут никого, кроме Бога и секретаря, не было свидетелей, и зная, что секретарь не выдаст своего начальника губернии, отдал Богу все на суд, сам же решительно сказал, что я прекращаю с ним всякое знакомство как с человеком, не только не заслуживающим никакого уважения, но законопреступным против Высочайшего Самодержавства, и хотел прямо ехать в Воронеж к перенесению мощей святителя Митрофана, почему и пошел на другую квартиру, где стояли люди мои и экипаж с лошадьми.

Тогда он так испугался, что в глухую полночь, бывши в халате, побежал за мной по площади ярмарочной в городе Корсуне, со слезами умаливая, чтобы я к нему возвратился, что он только меня испытывал, верен ли я Государю Императору, и что он, убедившись будто бы в том, просит у меня в этом искусе извинения и будет всеподданнейше ходатайствовать у Государя для меня прибавления к моей фамилии название «верного», то есть Мотовилов «верный», как есть Шервуд* «верный».

* Иван Васильевич Шервуд (1798-1867) раскрыл заговор Южного общества декабристов.

Подумал, подумал я, что он это все нагло лжет и обещает это из низкой трусости и что на деле ничего подобного не сделает, но вместе с тем и рассудил, что кто же поверит мне, неслужащему действительному студенту Императорского Казанского университета, двадцатитрехлетнему, чтобы я был верный и, может быть, самый вернейший из верноподанных Императорам Всероссийским, когда донесу на него с подробным описанием всех выше слегка помянутых его пошлостей, и воротился по его просьбе в общую нашу с ним квартиру.

Грустно и смешно описывать хвастовство его, какими наградами осыпать он хотел меня, исходатайствованными от Государя за мою твердую верность Его Императорскому Величеству, не буду говорить и о том, как подано было несколько бутылок шампанского, будто бы за здоровье Государя Императора, в самом же то деле для того, чтобы выпытать то, чего ему хотелось наклеветать на Воронеж, и о прочем довольно нелепом его обхождении в течение вечера этого со мною, с разнообразными придирадками к разным предметам.

Но каково было мое удивление, когда на другой день вместо фамильярного невольного обращения с губернатором на «ты» вдруг мне было объявлено, что я нахожусь под арестом его превосходительства со всевозможными прибавлениями разнообразных великоинквизиторских хотя и глупых, и смешных, но все-таки до неимоверности обидных дерзостей и всевозможно притеснительных мер его превосходительства, в подробное изложение которых не вхожу по уважению к священному содержанию письма моего к Вашему Высокопреосвященству.

Но тем не менее не могу же умолчать и о том, что вся сущность великоинквизиторских требований помянутого губернатора Загряжского состояла лишь единственно в том, чтобы я решился оклеветать духовного благодетеля моего архиепископа Воронежского и Задонского Антония, губернатора воронежского Бегичева, Павлова и других, что будто бы в Воронеже есть тайное общество Всероссийское, которое, как я уже поминал о том и выше сего, хочет под предлогом распространения в России Христианства учредить конституционное правление и что я или член-агент этого общества, или по крайней мере жертва его злоумышлений на поколебание и ослабление Самодержавств Императоров Российских, что если я решусь хоть по крайней мере утверждать это или дать приличное подозрение на нечто подобное, то и тут он исходатайствует мне кроме вчерашнего обещания дать еще к фамилии моей, Мотовилов, прибавление «верный Богу и Государю», но и производство прямо из действительных студентов в действительные статские советники, звание камергера Двора Его Императорского Величества, Андреевскую ленту и, наконец, что мне еще более того могло быть драгоценно – именно то, чтобы Государыня Императрица Александра Федоровна сама не только высватала за меня Екатерину Михайловну Языкову – страстно любимую тогда мною, – бывшую потом за Алексеем Степановичем Хомяковым, но и то, чтобы сама же Государыня благоволила быть нашею посаженою матерью.

А в противном случае угрожал, что он не только лишит лишь древнего нашего более нежели тысячелетнего боярства славянского, но и еще закончит если не колесованием-пятереньем* или повешением, то, по крайней мере, по самой умереннейшей мере при Всемиловейшем Его Величества сострадании к моей простодушной по молодости лет доверчивости, то и тут вечною каторгою на рудниках Нерчинских.

Вот положение, в которое меня поставлял начальник Симбирской губернии в 1833 году, желая или оболъщениями честолюбия или сладострастия и угрозами всех возможных жестокостей заставить меня безбожно оклеветать моего благодетеля и других христоролюбивых помощников и сподвижников моих в деле открытия мощей святителя и угодника Божиего Митрофана.

А когда ни в том и ни в другом не мог успеть, ибо я, по завету родителя моего, завещавшего мне лучше в лапти обуться, да правды держаться и никогда не изменять истине, коего держались предки наши всегда и везде и во всем, были милованы Господом Богом и хранимы Его благостию, решился на всевозможные страдания, лишь бы только не оскорбить ничем великого иерарха Божиего и не солгать на него или, что одно и то же, на Святую Церковь Божию, то он арестовал меня, обобрал все бумаги мои и при донесении своем послал их к министру внутренних дел господину Димитрию Николаевичу Блудову.

В донесении же своем, которое, впрочем, показал мне, он писал господину министру, что, арестовав симбирского помещика, действительного студента Мотовилова и отобрав от него все его бумаги, он был к тому возбужден следующим. Первое, что Мотовилов познакомился в Воронеже с людьми известными. Второе, что он, будучи недурно образован, хотя и не бегаёт света, но и не так привязан к нему, как бы молодому человеку его лет следовало. Третье, что о вере он говорит так сильно и увлекательно, что речь его и на образованных людей остается не без значительных впечатлений, и на массу народа, проходящего к нему толпами под предлогом расспросов о его исцелении воронежском, и еще сильнее действует.

Так что если какое-либо воспоследует в России движение или переворот, то сторона, на которой он будет, окажется не только весьма значительною, но и сильною, что Мотовилов принадлежит к числу каких-то особенных мыслителей, сущность мышлений которых он, однако же, вполне постигнуть не может, почему на основании сих причин он решился обратиться у меня бумаги все для представления на благоусмотрение его высокопревосходительства в чаянии, что он, как более опытный, может быть, раскроет то, что могло ускользнуть от его пытливости.

Не буду говорить о пытках, подобных описанным выше, на разные вариации деланных мне в течение все трех месяцев сего ареста. Должен же сказать, что по высочайшему повелению я был выпущен из-под ареста господином министром юстиции Димитрием Васильевичем Дашковым во время приезда его в Симбирск в 1833 году по случаю отпуска в Ставропольский уезд в имение его. Но и за всем тем губернатор Загряжский, выпуская меня из-под ареста, сказал мне, что я могу ехать всюду, куда хочу, кроме Воронежа.

* Доктор права А.Ф. Кистяковский так описывал колесование в России: «К эшафоту привязывали в горизонтальном положении андреевский [(косой)] крест, сделанный из двух бревен. На каждой из ветвей этого креста делали две выемки, расстоянием одна от другой на один фут. На этом кресте растягивали преступника так, чтобы лицом он был обращен к небу; каждая оконечность его лежала на одной из ветвей креста, и в каждом месте каждого сочленения он был привязан к кресту. Затем палач, вооруженный железным четырехугольным ломом, наносил удары в часть члена между сочленением, которая как раз лежала над выемкой. Этим способом переламывали кости каждого члена в двух местах. Операция оканчивалась двумя или тремя ударами по животу и переламыванием станового хребта. Разломанного таким образом преступника клали на горизонтально поставленное колесо так, чтобы пятки сходились с заднею частью головы, и оставляли его в таком положении умирать». Пятерение – четвертование (отрубание рук и ног) плюс отрубание головы.

Это побудило меня прямо ехать в Санкт-Петербург и явиться на лицо господину министру внутренних дел, ныне его сиятельству Димитрию Николаевичу Блудову, который мне изволил сказать, что дело это мое так встревожило Государя императора, что он приказал немедленно ему самому заняться им. Два месяца переписывали набело бумаги мои, и месяц он сам составлял всеподданнейший доклад по оному. Но что в результате оказалось, что, кроме богословско-философических мнений религиозных и верноподданных усердных к Его Величеству чувств, он ничего более не мог найти в моих бумагах и что по высочайшему повелению был сделан выговор Государем губернатору и меня велено освободить.

Когда же я просил господина министра оправдать меня явно и вознаградить за претерпенное несправедливо страдание во время ареста, то он сказал, что Государь император в Штеттине и что до возвращения Государя он приглашает меня к себе на дачу – на обед, нарочито для меня им назначенный, чтобы подумать между тем, какое вознаграждение мне можно будет у Государя за то ходатайствовать. Хотя я вполне понимал, что мне могла предстоять самая блестящая карьера в жизни и что, разумеется, никакими благами в жизни я не мог бы быть отторгнут от удовольствия быть на министерском для моей личности предложенном обеде.

Но память моего согрешения пред Богом и высокопреосвященным Антонием и неведение, как на это благоволит взглянуть Господь Бог с высоты Своего Престола, заставила меня прибегнуть лишь к Самой Царице Небесной, как всегдашней Заступнице моей, с усердною мольбою, чтобы явила мне, что делать: ехать ли на столь драгоценный по высоте чести, деланной мне, министерский обед или в Воронеж, и когда три раза выпал мне жребий ехать в Воронеж, то сколько ни рад я был благосклонности министра, а поехал прямо в Воронеж – накануне обеда сего.

Я не пишу историю жизни моей, а вскользь перебираю только те происшествия, которые по крайнему разумению имеют связь с моим главным до сей записки относящимся делом, и потому, умалчивая о многом, скажу, что в сей проезд мой в Воронеж, второй в жизни моей, высокопреосвященному явилась Царица Небесная и изволила ему сказать, что он напрасно меня пожурил за слово мое, что я служка Серафимов, и прибавила, что я Ей Самой служу, приказывала ему быть нам в близких между собой сношениях, как одинаково Ей служащих и под одним Ее небесным покровом находящихся.

А святитель Митрофан приказал ему, чтобы он объявил мне сими словами о величии раба Божиего Серафима: «Скажи Мотовилу: зачем знавшие Серафима ищут помощи еще и Митрофана себе, разве они не знают, что Серафим такую же, как и я сам, получил благодать от Господа. У тебя тут есть сироты отца Серафима^{*}, они принесли тебе частицу камня, на котором Серафим боролся с бесами 1001 день и 1001 ночь и победил их. О чем он сам при жизни своей лично Мотовилу подробно рассказывал, то скажи ему, что этот камень за такой подвиг – ради Христа претерпенный Серафимом – получил дар чудотворений, именно, что пьющие воду с него будут получать исцеления от разных болезней, а хранящие его у себя с верою будут избавляться от козней бесовских.

Так пусть он даст одной из них, болящей, испить воды простой, которою сперва облить этот камень, и она исцелее». И приказал святитель, чтобы я, Мотовил, всенародно объявлял сии слова и всем раздавал осколки камня сего, что не только я, но и другие, с передачи моей слов святителя Митрофана с того самого 1833 года, стали делать.

^{*} Анна Лаврентьевна Лыжина под №37, исцелена святителем, как значится в книжке современной его исцелений, Анастасия Куликовская и Анна Феодоровна Дивеевская. – Примеч. Н.А. Мотовилова

О каких-то словах я имел счастье чрез господина министра Императорского Двора его сиятельства графа Владимира Феодоровича Адлерберга доводить и до высочайшего сведения, при всеподданнейшем представлении Высочайшим Особам Императорской Фамилии изображений великого старца Серафима, рисованных на осколках камня сего в 1854 году.

Пропускаю все затем прошедшее почти около года время по осень 1834 года и приступаю к описанию самого страшного и явного нападения на меня уже не людей, смущаемых бесами и служивших орудиями неисчислимых козней их, но самого беса, и притом самого хитрейшего именно же: Аббадоны или Аввадоны – по-гречески же Апполиона* – и второго по Люцифере, то есть Деннице – главном и начальнейшем из всех отпадших от Господа Бога ангелов.

При этом случае я не могу не привести слов древних сказателей о дивных аскетических происшествиях: «имите ми веру, отцы и братия, яко все глаголемое мною истинно», – потому что при современном ложном направлении человеческого просвещения, выражающим себя мнимым прогрессом и цивилизацией, и эмансипацией от всего христианского, – это, разумеется, почтется чистойшею рутинною, – а меня будут выдавать за сумасшедшего в полном смысле слова, за изувера, за мистификатора, за ханжу и за прочие поносные эпитеты, придаваемые христианам, боящимся Бога и хранящим заповеди Его, но, как бы то ни было, вручаю судьбу мою вполне Вседержителю Богу, сохранившему меня доселе чрез пятьдесят два года от пагубных наклонностей Аббадоны, имя которого толкуется истребителем, и повторю в начале сего мною сказанное, что слово Божие не вяжется, хотя бы кто вопреки воле Божией и вздумал оное чем бы то ни было связывать.

Было же это так.

Осенью 1834 года, бывши в Воронеже на памяти моего исцеления, то есть на день Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, я после оногo пожелал ехать в Курск, на родину батюшки отца Серафима, как для собрания сведений у родных его и близких знакомых, еще в живых находящихся, о первых годах его жизни, так и для покупки двух тысяч деревьев яблоней для насаждения в его Мельничной Дивеевской общине сада, о коем он меня, между прочим, сам еще при жизни своей просил.

Высокопреосвященный Антоний, от коего я ничего не скрывал, сказал мне: «Я бы советовал погодить и пожить здесь в Воронеже, понасладиться благ Господних, которыми, я вполне убежден, за все Ваши злострадания все-таки не иначе как чрез Воронеж вознаградит Вас Господь и в сем веке, и в будущем. Мне кажется, что намерение Ваше ехать в Курск бесполезно будет для Вас. Мне сдается, что тут кроется какая-нибудь кознь бесовская, то или вовсе отложите эту поездку, или по крайней мере повремените, не даст ли Господь мне пояснее узнать, что это сердце мое вещует, что от этой поездки не будет Вам добра».

Но я был столько безрассуден или судьбам Всевышнего угодно было попустить мне то, что я последовал не совету его благому и отеческою любовью ко мне возбужденному, но неосновательной воле сердца моего, внутри себя полагая, что будто бы я кое-что в путях Господних разумею и доволен сам по себе один, без отчета кому бы то ни было на свете, управлять путями жизни моей, и отправился в Курск. Но опять пропускаю все подробности разнообразных искушений, бывших сверх чаяния моего со мною в пути сем, хотя Господь и защитил меня; но много растерял я благодатных милостей Божиих, полученных мною в большом избытке в Воронеже в этот приезд мой к святителям Воронежским: Митрофану и Антонию.

* Аваддон (евр. – губитель), или Аполлион – ангел бездны, под которым древние комментаторы Священных писаний подразумевали сатану.

Скажу только, что в Курске, в гостинице Полторацкого, где я около недели простоял, стали явно нападать на меня бесы и видимым образом терзать внутренность мою и все тело и в насмешку надо мною и тем, что я сочинитель службы святителю Митрофану и что высокопреосвященный и до тех даже пор все-таки не представил ее Государю Императору, говоря о том между собою, по-славянски прибавляли: «рцы же ми, брате мой, яковая бывает кончина таковым людем?» – «Сицевая»^{*}, – отвечал ему другой. И они начинали рвать меня со всех сторон, разрывая по видимому и по чувственным ощущениям на куски тело мое и плоть мою.

Я хотел было омыть себя всего святою Богоявленскою водою или из источника батюшки Серафима, взятою и именуемую, по собственным словам Царицы Небесной, сказанным великому старцу, равную благодать с водою из источника Вифезды, известного из Евангелия по благодатности своей^{**}. Но последнюю, как оказалось, я выпил всю до капли, не доезжая еще до Воронежа, ибо ехал туда не прямо из Саровской пустыни, где сей источник находится, но чрез Симбирск – Хвалынск и Пензу, и первая испортилась в дороге, каковая порча знаменовала, что благодать Божия отступила от нее.

Я хотел было испить воды с чудотворного камня отца Серафима и омыться ею. Но и камень куда-то пропал, или я потерял его дорогою, хотел покуриться ладаном, из Дивеевской обители Мельнической Девической взятым, а также из Сарова и из Воронежа особо хранившимся у меня; но и их растеряли дорогою. Стал креститься, но рука ослабевала от творения на персях и на челе знамения крестного, онемев, не могши более ограждать меня крестом, и муки снова начинались с большею яростию и с злейшими насмешками, отчего, изнемогая вовсе от страданий, я едва не лишился рассудка, и мне бы скорее торопиться возвратом в Воронеж, а я по совету одного человека поехал в Белгород, уездный город Курской губернии.

Но там у святителя Иоасафа Горленки, когда надели на меня его митру архиерейскую, то голову мою так сжало и стеснило мозг мой, что слезы брызнули из глаз и искры посыпались. Я думал, что тут же умру, после же бесчисленных искушений по дороге из Белгорода до Воронежа, в которых будучи и сам не понимаю, каким дивным Господу единому доведомым способом Бог сохранил меня от греха. Я очутился в такой и кроме того уже явной борьбе прямо уже не со страстями моими, но и с бесами – отдельно, что они стал вслух разговаривать со мною: «Куда ты едешь теперь и зачем едешь в Воронеж? Поезжай в Симбирск, там ждет тебя Катинька Языкова, а тут чего ты дождешься от Антония. Он и службы Государю не представил, и другого не получишь ничего, да и остальное все растеряешь. Поезжай лучше в Симбирск».

Но когда я утвердился в мыслях ехать прямо в Воронеж к высокопреосвященному Антонию и твердо решился на то, сказав в сердце своем: нет, что бы ни было, еду прямо к отцу и благодетелю моему духовному и буду просить прощения во грехе моем хулы на Духа Святого. Тогда бесы с громкими восклицаниями напали на меня: «А когда так, ты не хочешь нас слушаться, а хочешь ехать к Антонию твоему в Воронеж – поезжай же, ну так вот, он и отнимет у тебя твою Катиньку».

«Нет, – отвечал я, – Бог обетовал мне ее». «Обетовал, – отвечали они, – посмотрим, как ты получишь ее, эту обетованную тебе. А вот увидишь, Антоний отнимет ее у тебя, а лучше нас послушай – поезжай в Симбирск, Катинька будет твоя, и насладишься всеми благами земными». «Нет, – отвечал я, крестясь со всех сторон, – нет, что бы ни было со мной, как бы ни устрашали Вы меня, а я все-таки в Воронеж прямо еду – и никуда помимо Воронежа сворачивать не хочу». «Ну, когда так, – крикнули они разом, – так уж мы с тобой по-свойски разделаемся».

* Сицевая – таковая, соответственная.

** Вифезда («дом милосердия») – исцелительная купальня в Иерусалиме.

Страшное темное холодное облако влетело в тарантас, руки мои опустились, я не мог уже креститься более, ноги вытягиваться стали, рот невольно кто-то разжимал, как я ни стискивал зубы и губы, рот растворен был широко, а темное облако холодным и отвратительно вонючим потоком стало как бы вливаться мне в рот и горло, проходя в утробу мою, и когда все вошло в меня, то рот сам затворился, зубы сцепил кто-то изнутри меня, и в одно мгновение от почек огненный поток с самым жгучим ощущением потек по спину хребту и мозгу, в нем находящемуся, прямо в головной мозг мой и схватил меня за темя, сжав его у себя, как бы зубами во рту, распер всего меня, упираясь в пальцах рук и ног моих, так сильно стал жать меня, что я всю дорогу до Воронежа во время этой последней станции лишь только икал да икал беспрестанно.

Приехав же в Воронеж, когда я пришел к высокопреосвященному Антонию, то он, видя мое страшное внутреннее бедствие и проразумевая духом, что со мной сбилось, проследил за мной. «Как Вас Бог милует?» – спросил он меня.

– Я согрешил пред Богом и пред Вашим высокопреосвященством, – сказал я ему, – что, не послушав отеческого совета Вашего, поехал в Курск.

– Что делать, – сказал он мне, – испорченное Бог один силен исправить, паки и восполнить Своею благодатию и оскудевающее восполняющею, по крайней мере хотя отчаянию не предавайтесь, – Петр и Иуда оба апостолы были и равных дарований сподобились Духа Святого, и оба согрешили одинаково равным падением. Отцы Церкви Святой не полагают разницы в тяжести их грехопадений, но как оба одинаково погибнуть могли, так равнообразно оба же и без всякого препятствия получили бы, и полное всепрощение, и полную даже преизбыточествующую и противу прежнего множайшую благодать, но один шед удавился, и сколько ни просил его Господь со Креста Своего, еще не отойдя от сей временной жизни, чтоб он не отчаивался; что Он его простит, и прощает, и вчинит его в первый апостольства чин, но он и Его милостивого зова на спасение не принял, а совершенно предался отчаянию и оттого единственно погиб, удавившись, проседшейся утробе его, что сам себя уверив вопреки слова и уверения Христова, что будто бы грех его столь тяжек и велик, что и прощенным быть не может.

– Вот вина гибели Иудиной, вот отчего отчаяние называется тяжчайшим грехом из всех грехов на свете. Ибо оно есть отвержение Всемогущественных Сил благодати искупления, дарованных нам бесценными заслугами страданий Христовых, и это-то есть истинная хула на Духа Святого, ибо если целого мира грехи Христос на себе понес, то наших ли грехов не сможет снести и омыть Пречистою и Животворящею Кровию Своею и наших ли язв душевных и телесных не сможет уврачевать Своею обожненною Богочеловеческою Плотию. Так нечего было и Иуде отчаиваться, мог бы и он спастись. Ибо вот другой апостол, именно Петр, одинаково с ним согрешивший, не предался же отчаянию, но шед плакался горько. И вот он не только прощен, не только помянут о нем рцыте же и Петрови, не только он один из двух первоверховных апостолов – опять по-прежнему возлюбленный Господу, но и именно тот самый, про которого Сам Бог Слова сказал ему, ублажая веру его непоколебимую, что «ты еси Петр», то есть твердый, как камень, «и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей».

– Так вот, на что взирая, чему подражать должно, чтобы и про нас Господь наш возмог священно-тайно сказать, но ощутительно в сердце нашем – и «ты еси Петр» по твердости веры твоей подобно камню, «и на сем камени созижду Церковь Мою» внутрь тебя, «и врата адовы» разнообразных козней бесовских «не одолеют ей», и вселюся в ней, и похожу в скинии плоти твоей, и будеши Мне в люд – святой и избранный, и Аз тебе буду в Бога, и ни во дни солнце не ожжет тебя ниже луна нощию; но Господь покров твой вовеки и Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века.

– Вот на что уповая следует нам ныне стать добре и со страхом Божиим внять спасению нашему, ибо во время благоприятно послушах тя и в день спасения помогах ти, а се ныне время благоприятно и се день спасения ныне настоит нам, ибо Господь говорит: «Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя».

Таковыми-то и сим подобными беседами – из глубины отеческою любовью растворенного ко мне сердца своего – высокопреосвященный Антоний, усладив унылую и в отчаяние чуть-чуть не вдавшую от тяжести страданий душу мою, отпустил меня на квартиру мою.

Вот в эту-то первую по приезде моем из Курска ночь с 18-го на 19-е и на 20 октября 1834 года увидел я в первый раз святителя и угодника Божиего Митрофана, который лично сам явился мне во сне, держа в руках огромную железную цепь и большой замок, сказав мне: «Есть мудрость свыше снисходящая но та, не такова – а тиха, мирна, кротка исполнь дел благих и милости, – а это все, что в тебе ни есть, – все от духа злобы». А я, попавши с двенадцати лет в круг и знакомство архиереев русских, – так знал Библию Святую почти наизусть, что мог, если надобность была, хотя по целому пророчеству целиком прочитывать наобум.

Я это привожу, разрывая речь святителю для того, чтобы понятно было, о чем угодник Божий Митрофан изволил говорить, – «а это все, что в тебе ни есть, – все от духа злобы», – ибо, как увидим далее, было нечто и от милости Божией, как он же сам изъяснил архиепископу Антонию, сказал мне святитель в эту ночь, – и явление свое первое во сне: «Вот смотри, враг диавол, как камень, залег в тебе, и посмотри, сколько в тебе осталось человеческого духа твоего».

Он указал мне на ту высунувшуюся возвышенность горла, которую в просторечии кадыком зовут, и мне каким-то образом у самого себя видно стало на этом месте небольшое, с пятак медный, беловатое пятно; а все прочее тело мое, как уголь или сажа, показано было все черным. И затем сказал мне святитель Митрофан: «Но я помогу тебе». Взявши цепь в обе руки свои, стал оцеплять в руках, ногах и во всем во мне бывшего духа злобы – в виде темного облака, вошедшего в меня, как я выше пояснил, и, обложив его цепями во всех частях тела моего, запер концы цепи сей на замок, повешенный на языке моем, и, взяв ключ от него к себе, прибавил: «Вот я связал его теперь, чтобы он не истребил тебя, а ключ у себя буду беречи до времени». Благословив меня крестным знамением, скрылся от очей моих.

Проснувшись на другой день, утром пошел я к высокопреосвященному Антонию, и он меня встретил следующими словами: «А ныне в ночь посетил меня святитель Митрофан и сказал мне, что он оковал в нынешнюю ночь цепями великого врага церковного и запер его на замок до времени, а ключ от него к себе взял».

Я сказал, что это меня оковал святитель Митрофан цепями. «Нет, – отвечал высокопреосвященный и, вероятно, отвечал не мне, но бесу, вошедшему в меня и связанному цепями святительскими. – Нет, Николай Александрович Мотовилов – сын Церкви Божией и Царицы Небесной слуга, его нечего оковывать, а тебя окаянного действительно связал святитель Митрофан, чтобы ты не вредил рабу Божиему Николаю. А Вы, – продолжал он, обращаясь ко мне, – не отчаивайтесь и благодарите Бога за то, что хотя Он и посетил Вас такую скорбью, попустив врагу так озлобить Вас подобным бедствием, но Господь оставил Вам разум в полном действовании и память и волю не допустил у вас лукавому связать сетями своими хитросплетений».

Ибо я, видев, что делается во мне, рассуждал так: «Что, сколь ни велико было тогдашнее бедствие мое и мне грустно было, что несмотря на любовь мою к высокопреосвященному, такими терзаниями, страхом и муками нерасторгнутую, а Господь попустил врагу вселиться в меня, человека Своего, всеми силами души, и духа, и плоти ни к кому, кроме Господа Бога, не хотевшего привергаться, ибо если и Языкову любил – страстно, – и желал непременно получить в жену, то любил как обетованную от Бога невесту, хотел иметь ее женою непременно, а не какую-либо другую, то потому, чтобы слава имени Божиего не хулилась, что вот-де обетовал Бог, да где же Его обетование».

И потому мне безмерно тяжело было страданье не по физическим, но по моральным – духовным страданиям, но и за всем тем остатки здравого смысла говорили мне: «что же делать, вероятно, так Богу угодно, чтобы я страдал всю жизнь мою от рожденья. Ибо вот Давид – избранник Божий и Богопомазанный Царь возлюбленного народа Божиего^{*}, а и тот некогда пены точил из уст, притворяясь бесноватым, когда бегал он от врагов своих. Он был праведник и то притворялся, я же – грешник и за грехи свои достойно и праведно наказуюсь таким страшным бедствием.

А хотя враг диавол и действительно, как камень, залег во мне, но лишь бы Господь Бог не оставил меня Своею благодатию, то враг диавол не одолеет силы Христовой, и истинный камень – Богочеловек Иисус, если захочет, то раздробит всемогуществом Своим в мелкий песок этот богопротивный и законопреступный камень и до конца истлит все козни его, на меня им воздвигнутые, и подаст некогда мне над ним всесовершенную победу, как некогда дал батюшке отцу Серафиму победу над бесами после 1001-дневной и 1001-ночной борьбы его с ними, дарованной ему предстательством Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и что, верно, для этого-то предупредительно и рассказывал мне батюшка отец Серафим про эту дивную, всепобедную борьбу его с бесами, что я сам должен буду некогда ее испытать». И эти-то мысли проливали некоторый свет духовный и малую отраду в угнетенную столькими скорбями исстрадавшуюся душу мою. Но тут не конец, а только начало моих безмерно тяжелых страданий.

Высокопреосвященный Антоний утешил и ободрил меня продолжительною духовною беседою, между прочим, еще сказал мне о святителе и угоднике Божиим Митрофане. Что когда пришло ему помышление, что кто же согрешил, Мотовилов ли, я или родители его, что он так тяжело страждет, и с которого времени началось в нем это бедственное страдание, то святитель отвечал ему:

«Неужели ты забыл слова евангельские, по подобному случаю, когда ученики Господни спрашивали Богочеловека Иисуса, кто согрешил, сей ли, или родители его? про слепорожденного, – а Мотовилов хотя и не слепорожденный, но страждет с Крещения своего, – так и про него Господь отвечает: ни сей ни родители его, но да явятся дела Божии на нем. Родители его были добрые и верные Христу Богу христиане. И он есть им Богом обетованное чадо, и до Крещения своего ничем не мог прогневать Господа Бога, так и ему дано страдать от самого Крещения и, по слову апостола, не токмо веровати, но и страдати, но не с тем, чтоб погибнуть в безотрадном страдании сем; но да явятся дела Божии на нем по чудному Промыслу Божиему, допущенные ему изведать на самом себе.

Вспроси его: как он родился, что было при Крещении его с ним и как и когда наречено ему имя? Он скажет тебе, что имя ему дано святителем Николаем Чудотворцем за несколько лет, не только до рождения его, но и до самого бракосочетания родителей его; что во время Крещения он закричал чрезвычайно громко, и из черных как смоль волос сделались белые как лен, и все подумали, что он громко закричал единственно потому, что вода была очень холодна и он испугался холода.

^{*} Давид – царь иудейского народа.

Но это произошло оттого, что при сошествии благодати Святого Духа на крещаемого дозволено было в то же время и бесу войти в него и разбить весь состав его, чтоб можно было ему вместиться в нем, и вот от этого-то лишь только и закричал он так страшно. Он скажет тебе и то далее, что он должен был долго страдать на первом году и врачи называли болезнь его каменною болезнью^{*}; но это была боль от вселившегося в него по допущению Божию беса, производившего в нем эту боль.

Вспроси его, были ли с ним после этого и такие странности, что, например, он согнется в кольцо, закинув ноги за уши, и на спине завертится, как кубарь, так что уже не видать ребенка, а только один вертящийся круг живого существа вместо неодушевленного, вертимого постороннею силою, потому что неужели младенец мог сам это делать?

Тебе именно говорю, что это в нем действовал бес, тем более что по окончании работы этот враг мгновенно развертывал его и ударял руками и ногами об пол, чего он сам делать не мог, почему родители его, не зная, что в нем делается, и подстилали кошмы и подушки в той комнате, где он проводил бессонные ночи, ибо до трех лет он спать по ночам не мог, а утешался, только глядя на звезды и месяц, и, дождавшись восхода солнечного, лишь тогда засыпал, и многие другие странности, будто бы капризы его, происходили лишь только от действий в нем этого же беса.

И вот за то-то и для того-то, чтоб он не погиб от его злоумышлений бесовских, и дана ему благодать Божия, что он сподобился многих истинных видений и откровений Божиих; для того-то Господь свел его с великим старцем Серафимом и с тобою, и вот нам дает помогать ему, чтоб защищать его от действий врага диавола и всегубителя, которому хотя и дозволил по Своему непостижимому Промыслу вселиться в него в час Крещения его, но не для того, чтоб погубить его, а для неведомых судеб Своих, причину коих Он Сам откроет, когда изволит и тому predeterminedенное время придет».

Далее святитель приказал меня отчитывать^{**}, что поручено было высокопреосвященным Антонием духовнику его собственному отцу Варлааму. Но прежде всего мне велено было отслужить молебен с водоосвящением святому Михаилу Архистратигу, и когда я отслужил молебен в Архангельском соборе чрез очередного служителя церкви, то бес так стал жечь меня, что с кожи моей явственно стала по нескольку раз в день сходить сажа. Я принужден был неоднократно сменять белье почерневшее, как будто вынутое из трубы, потому что вместе с тем и пот выходил из меня, по нескольку раз умываться в день, иначе лицо мое было подобно лицу эфиопа от сажи, выходявшей изнутри и покрывавшей его чернотю.

Невозможно никаким словом описать, никаким умом без этого ужаснейшего опыта придумать, как неизъяснимо страшны, тяжки и, когда бы свыше Бог ни посылал силы, неудобопереносимы эти вечные муки, продолжавшиеся со мною около трех суток сряду без самонаименьшего хотя бы на миг времени послабления, так что я и спать в эти трои сутки не мог, а если что и пил, и ел я по немощи плоти человеческой, не могущей жить без пищи, то все это мигом исчезало внутри меня, как будто бы вовсе не пил и не ел. И кто-то невидимый, но милостивый и добрый до меня, голосом тихим и ощутительно смягченным говаривал мне во все это время.

* Образование камней во внутренних органах, прежде всего в почках.

** Читать над одержимым бесами молитвы, составленные святителем Василием.

И как пишу это теперь 1861 года в 12-й день августа, накануне открытия мощей святителя Тихона Задонского, в монастырской келлии Богородицкого монастыря, то сдается мне, что все то говоривший со мною был великий старец Серафим, коего душа и дух часто являлись высокопреосвященному Антонию, заявляя и при всей высокоблагодатной и многомогущей святине его еще при жизни в нем бывшей, все то, что, как видим из житий канонизированных святых, по непостижимости судеб Божиих могло и от их духовной острозрительности иногда ускользать из видимости. Ибо Един Бог всесовершен во всем и Всевидец во веки всех грядущих веков, ибо и несоделанное Его рабами видите Очи Его, и в книзе Его вся написано суть, не только написано, но и во дних своих соиздается непременно, ибо Един Свят, Един Господь, вполне Всемогущий Господь Бог наш Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь. Ибо изыдет из уст Его глагол и не возвратится к Нему тощ дондеже исполнит вся елика восхоте Душа Его.

Вот ведь каковы будут-то муки огня гееннского и того несветимого и негасимого пламени, в коем грешники будут вечно гореть не сгораючи и в коем богатый, мучимый нестерпимою и ничем не утолимою жаждою, просил у Лазаря, убогого в жизни сей, но богатого в жизни будущего века – и на лоне Авраамовом упокоеваемого, хоть каплю воды для утоления жажды своей, и не получил, потому что не попекся об исполнении заповедей Господних и хранении Закона Божиего в здешней временной жизни, а потому лишился отрады в жизни будущего века.

Ибо здесь, на земле, есть время спяния и добра, и зла, а там – время жатвы и мздовоздаяний комуждо по делом его, и что Бог это мне, кончившему полный курс наук в университете, дает испытывать и вполне чувственно осязать на себе для того, чтобы я всё и ученой собратии моей, а в особенности духовнообразующимся и готовящимся в саны священнические, архимандритские и разных степеней иерархические засвидетельствовал некогда, что мука гееннского огня вечного будет именно такова же и не одною совестью или сожалением о прежних грехах или стыдом и укоризною будут мучиться грешники в аде в начале и потом в геенне, но истинными физическими болями.

Ибо по воскресении из мертвых все мы восприимем ту же самую теперешнюю нашу плоть, которую из утроб матерей наших и от семян мужеских отцов наших получили. Что же говорит апостол о храмине новой, то относится не до плоти нашей, которая будет одинакова такова же и на нас, какова на Господе нашем Иисусе Христе с язвами и прободением в ребра, на Кресте полученными, и доселе пребывающая, в каковой и являлся святым Своим апостолам, уверяя их ядением и питием, что Он не дух или привидение, но имать и кости, и плоть ядущую и пьющую, каковая и на Царице Небесной, в третьи сутки воскресшей преславно, была.

С каковыми именно плотями, а не иными живут Они доселе на небесех, посещая в них и являясь очевидно и осязательно всем верным и явлений сих достойным рабам Своим. И что лгут новые богословы, что того не будет, чтобы сии же самые наши плоти воскресли некогда, и тем погубляют души, малоутвержденные в вере.

И что если они, новые богословы сии, и сами не покаются, и других, соблазненных ими, не привлекут своим всенародным покаянием к вере в истины Божии, мною тогда и на себе самом испытыванные, то есть что муки вечные, проповедуемые Евангелием, будут не привидением, но истинною, таковы, как писано и как я отчасти и на себе самом испытал, – то и они сами на себе самих действительно испытают то же, если не тягчайшее жжение от огня гееннского, которым я тогда горел не сгорая, но видимо для всех по воле Божией покрываясь сажею в уверение всех того, что муки жжения внутреннего во мне не есть иллюзия или обман чувств; но истинно фактическим событием в глазах свидетелей посторонних оправдываемая Богом, во спасение многих любящих Бога и в справедливый укор ненавидящих свидения Его.

Я все то рассказывал подробно высокопреосвященному Антонию, и он заповедал, «храня до времени все то в сердце и сообщая боящимся Господа Бога, возвестить, когда время придет, и целому миру».

И вот его собственные слова, неоднократно мне сказанные по сему случаю:

«А разве на то Господь так много чудодействовал в жизни Вашей и такие дивные дела Свои открыл Вам, чтобы это нужно было только для одного Вас самих утверждения в вере своей? Вы и без таких чудес были бы верны Ему и могли бы спастись; но это нужно было миру – во уверение истины, – что Иисус Христос вчера и днесь Той же и вовеки, что Дух Божий, как прежде действовал в избранных Своих, так и ныне дает, ему же хочет, Свои дарования. Так и Вам это все не для Вас только дано одних, но для возвещения целому миру, о чем, когда не будет меня и кончится термин* страданий Ваших, возвестите во славу даровавшего Вам то Господа Бога, в пользу и назидание всем хотящим спастись, и не только им, но и не хотящим своего спасения или не понимающим крайней и необходимой нужды в этом великом деле для каждого человека, потому что Господь наш Иисус Христос и неищущим Его явлен бысть».

Что ныне и делаю сам по его священному завещанию.

Но, продолжая рассказ о бедствиях моих, скажу, что к концу третьих суток огонь гееннский, жегший и не сжигавший до смерти, а только неимоверно и неизобразимо мучивший меня, до того усилился, что кости мои в ногах затрещали ощутительно и явственно для меня от пламени, пожиравшего их.

И я в неизъяснимо ужасном страхе прибежал к высокопреосвященному Антонию и сказал: «Я погибну вечно, если Вы не дадите мне отрады, у меня ум исступает, я боюсь, чтобы в беспмятстве моем от болезней этих внутренних я не посягнул на самоубийство, но если не поможете, то здесь же и умру у ног Ваших, потому что кости мои трещат от пламени гееннского, пожирающего всю внутренность мою». Он взглянул на меня своим добропроницательным взором и сказал: «То-то вот грешить-то мы мастера, а каяться и нет охоты, ведь покаяние-то – не простая лишь только исповедь грехов есть, но и совершенное и полное за них по истине удовлетворение, даже до последнего кодранта**, как Спаситель сказал».

Я впал в отчаяние, ноги подкосились, зашатался и упал бы тут у ног его, если бы он сам, бросившись ко мне, не поддержал меня. «Что же делать, – сказал он мне, – если тяжки Ваши страдания, то уже хотя не отчаивайтесь по крайней мере и надейтесь на непреодолимую помощь Божией Матери и Ее за Вас заступления, вспоминайте все Ее милости, неужели же и после стольких Ею сделанных для Вас вспомоществований Она Вас бросит теперь без отрады; нет, Господь милостив ко всем кающимся грешникам и чрез Нее умоляющим Его о всепрощении грехов своих», – и потом вынес мне большой стакан виноградного вина какого-то, сказав: «Вот это Вам от святителя Митрофана», дал мне выпить, и, казалось бы, воспаление – если бы то было действительно естественное внутреннее телесное воспаление – могло усилиться, но, напротив того, сладкая прохлада, ослабление и успокоение, проливаясь мало-помалу, стали расходиться по жилам моим.

Я чувствовал, как пламень утишался мало-помалу и болезни мои стали быть менее чувствительны мне, и высокопреосвященный Антоний сказал мне: «Идите к отцу Варлааму теперь, исповедайтесь ему во всех грехах Ваших и причаститесь завтра Животворящих Тайн Господних». И когда я исповедался, то все кости мои как бы распались во мне или рассыпались, и мне казалось, что руки и ноги отпадают у меня, и я принужден был поддерживать руками живот свой на ходьбе, ибо не только казалось, но и чувствовалось, что он вываливается.

* Термин – срок уплаты найма, выполнения обязательства и т.п.

** Медная римская монета, стоила на российские, царские деньги около ½ копейки серебром.

Когда же я стал причащаться в Крестовой церкви, то правая рука моя так отброшена была наотмашь, не моею, но чужою силою, что чуть не вышибла потира с Пречистыми Тайнами из рук иеромонаха, причащавшего меня. После причащения сего я получил на три или четыре дня отраду.

А отчитывание все-таки продолжалось, ибо бес не сказывал своего имени, и немного времени спустя – сколько? – в точности не помню, а лгать на истину Божию и в неважном счислении дней не хочу – напал на меня такой нестерпимый холод или, лучше сказать, лютей мраз, что я не только на горячей лежанке или печке легши, но даже и противу огня, в печи горевшего, ставши никак не мог нимало согреться.

И что еще и того страшнее и страннее, что и самый огонь как будто в отношении меня лишился своей огнепалительной силы и не мог нимало сжигать плоти моей – студенее льда охолодевшей, – если бы я, например, клал на горящий огонь руку мою и долго держал оную над ним, то он не только не сжигал, но даже и не согревал нимало ее, а только всю покрывал ее сажею.

Услыхав о том, его высокопреосвященство архиепископ Антоний изволил спросить меня: «Неужели это правда, что Вас и огонь не жжет, – можно ли мне в этом удостовериться?» «Очень можно, – отвечал я, – и это суцая правда, к несчастью моему, ибо я не могу не только гореть или согреться ни на мгновенье, но не чувствую даже и тепла, прикасаясь к огню». И когда подали свечу, то я с четверть часа продержал руку мою над ней, и она не только не опалилась, но даже и не согрелась нимало, а была холодна как лед и только вся покрылась сажею от копоти свечной.

Этот нестерпимый холод продолжался двое только суток, в которые я был чисто как окоченелый. Как я жил и мог стерпевать его, должен был бы весьма справедливо сказать, не знаю, если бы не видел чувственно, что и за всею нестерпимостью его Господь Бог милосердием Своим изволил помогать мне переносить это действительно без сей помощи Его совершенно нестерпимое страдание.

Ибо кто-то опять невидимый тем же, как и прежде, тихим и любвеобильным – растворенным радушием – голосом разъяснял мне, что это тот самый мраз лютей вечного тартара, ниже всех миров находящегося, и ничем не согреваемого, и ни под каким видом, кроме Всемогущей силы Божией, согреться немогущего; существование которого с прочими муками от Святой Церкви Божией проповедуемыми хотя и отвергают новые богословы, но он действительно существует и будет по преимуществу их жребием в бедственных мучениях гееннских и во тьме кромешной, то есть обретающейся вне всех миров под последнею восьмою твердию, если считать от предвечного Эмпирейского неба, где искони был, есть и будет во веки всех грядущих веков всегда неизменно существовать Престол Всетворца Бога – Триипостасно Единого, а вместе с тем и нераздельно неслиянного, про что в Священном Писании говорится про миры: небеса небес; а про Эмпирейское небо или про твердь под ним суцую: «и вода, яже превыше небес», – и, обращая снова к последней, восьмой тверди над бездною, он продолжал: «В каковой бездне тартара суть и пребывают во веки, с огнем гееннским несветимым и негасимым этот мраз лютей и червь неусыпаемый, и смерть вторая, которой и демоны или бесы трепещут, уготованные диаволу и ангелам его».

Потом высокопреосвященный Антоний благословил меня снова причаститься Пречистых и Животворящих Тайн Господних, которыми «всяк оживляется и обожается, ядый же и пий чистым и сокрушенным сердцем с верою и любовию, – как он прибавил, – и от которых сила и власть диавола ослабляется и совершенно разрушается, если на очищение души же и плоти человеческой и то разрушение власти бесовской изъясляется особою волею Вседержителя Бога».

Но не тут конец испытаниям вечных мук – предназначенным для меня Его благомыслительною десницею, – и после трех или четырех дней сладчайшей благодатной отрады я испытал на себе еще и вечное третье мучение – это мука червя неусыпающего, но это уже продолжалось только полторы сутки, а и за всем тем это такая страшная мука и во столько крат страшнейшая прежних двух мук вечных же, но показавшихся мне легчайшими противу этой последней и до того ужасной, что при всей очевидной и ясно сознаваемой помощи Божией, подававшейся мне, каким образом я оную вытерпел и до сих пор понять не могу.

Эта мука страшнее всех мук на свете, и если она и в полторы сутки или, вероятно, не более пятидесяти часов [продлившаяся] показалась мне так страшною, то какова же она будет в несветимой тьме кромешной в отсутствии всякой помощи Божией и в безотрадной уверенности, что она вечная, ничем не утолимая?!!!

Представьте себе, что в вас кишат, как мошки, ползают, гомозятся, грызут вас во всех частях тела вашего и готовы сейчас же из всех отверстий тела вашего выползти наружу миллионы червей, чтобы покрыть всю поверхность плоти вашей столь же разнообразными, но более лютейшими муками, ибо видимы для глаз и осязаемы руками, без всякой возможности хоть на мгновенье от них избавиться.

Вообразите, что все, к чему бы вы ни прикоснулись, все в одно мгновенье, несмотря на то что до этого времени ничем не было вредимо, а тут закишит видимым образом осязаемыми, но вами лишь одними видимыми и осязаемыми, червями, так что вам ни пить, ни есть ничего невозможно, в противном случае принуждены будете и пить, и есть лишь одних этих вечных и ничем уничтожиться не могущих червей.

И вы получите только слабое и отчасти познаваемое понятие о том, что это такое – мука вечного неусыпающего червя и что я претерпел в эти должайшими многих столетий показавшиеся мне полторы сутки или пятьдесят часов времени, и едва ли более. Потому что и тут я едва не умер с голоду; потому что мне вовсе ничего нельзя было ни пить, ни есть от ужаса, и омерзения, и неизъяснимой тошноты, неудовлетворявшейся рвотою, ибо сколько сама по себе рвота ни тяжка для человека, а в этом бедствии и она могла бы почесться желательнейшею и сладчайшею отрадою.

«Таково-то будет в вечности страшное мучение этого червя неусыпаемого», – сказал мне прежний священно-тайный, всегда отраду приносивший мне голос благодетельного невидимого существа, присущего тогда мне и все страдания мои подробно мне объяснявшего.

И только у высокопреосвященного Антония после этого мучения нашел я первую пищу без червей – поданное мне им яблоко со словами: «Совершишася, не горюйте же – Господь помилует Вас, но когда Он открыл мне о том, что Вам неминуемо предлежит все это вытерпеть, испытав подробно на себе самом все эти муки, то я смутился и подумал: «Как же это будет? И выдержит ли все это человек на земле?» – то Господь отвечал: «Выдержит – от человек невозможно, но от Бога вся возможна суть. Я так создал Мотовилова, что он выдержит все, и не это еще, ибо он сотворит всю волю Мою – вся хотения Моя исполнит, – и тогда Я благословлю его, и, благословляя возблагословлю и умножу милость Мою с ним, так что все удивятся милостям Моим к нему, и тогда-то сбудутся и твои слова, говоренные тобою ему по внушению святителя Моего Митрофана о милостях Моих, обещанных ему тобою».

– Я, – продолжал, говоря со мною, высокопреосвященный, – дерзнул спросить: неужели есть еще что-нибудь и этих трех мук вечных страшнейшее?

– Есть, – отвечал Господь, – но и это все Меня ради вытерпит Мотовилов, ибо Я положил на него руку Мою, и десница моя совершит в нем все, что Отец Мой благосволил, и во всем том поможет ему Дух Святой, от Отца исходящий и во Мне пребывающий и ради заслуг Моих пред Отцем Моим Небесным, за спасение мира подъятых Мною на Себя страданий Моих, в мире посылаемый по умолению Моему Его о том, как равночестного Богу Отцу Моему и Мне Единосущим и Едино-Господственным с Ним во всем и над всем.

– Что же это такое? – дерзнул я спросить Господа еще, видя Его такое милостивое ко мне благоволение.

– Увидишь что, – отвечал Господь, – Я тогда скажу тебе, ибо Я не таю от тебя ничего из дел Моих за любовь твою ко Мне и к Пречистой Матери Моей.

И когда вслед за сим начались уже явные страхования и явления бесовские очевидно вокруг меня, то высокопреосвященный Антоний стал позволять мне чаще причащаться, иногда даже на 3-й день, по два и даже три раза в неделю – друг за другом, – вкушать постоянно одни просфоры, из рук его собственных получаемые, и благословенные хлебы, от него же только мне подаваемые, пить во всякое время Богоявленскую воду, а поутру натощак употреблять артус* в пищу прежде всякого съестного, по довольной части принимая его, куриться Херувимским ладаном и переписывать все Евангелие от святого Иоанна Богослова, как преимущественно имеющего власть на уничтожение сил духов злобы и отгнание всякой бесовской прелести и злоковарных их злоухищрений, каковая благодать ему как наперстнику и другу Христову в особенности от Бога дарована.

В одно подобное сему время, когда я занимался перепискою Святого Евангелия от сего евангелиста Иоанна Богослова, явился мне бес – в полном митрополитском облачении в виде одного митрополита, в живых тогда бывшего, – и стал грозно запрещать мне продолжать это занятие, и стал требовать, чтобы я вовсе оное оставил, а слушался бы его одного, потому что он такой-то митрополит и что он столько свят, что подобно Христу Спасителю будто бы дверями затворенными вошел ко мне. Я посмотрел на него, и признаки явной безблагодатности и закоренелой злобы были на нем.

Я перекрестился. Но он все стоял и даже похвастался, что не боится креста. «Врешь, – отвечал я бесу, – ты не митрополит такой-то, я его знаю и тебя понимаю, что ты бес, но не хвастайся же, что ты не боишься Честного и Животворящего Креста Христова, вот же силу его-то, сокрушающего козни твои, и исчезнешь ты окаянный».

И не знаю, откуда у меня взялась смелость при привидении. Я встал с места и, подойдя к нему, стал крестить его со всех сторон; но когда он, со страшным громом, треском, разметывая во все стороны искры, рассыпался в глазах моих, как ракета, то я так ужаснулся, что едва не умер от страха, и как в чем был (а это было часов в одиннадцать ночи), так несмотря на то, что ноябрь месяц был и зима уже стояла на дворе, прибежал я к его высокопреосвященству.

– Что с Вами? – спросил меня высокопреосвященный. Я рассказал все и просил перевести меня куда-либо в дом свой. Он отвечал: «С любовью готов сделать все для Вашего утешения и успокоения; но врагу диаволу и в алтаре, и во время священнослужений дозволено действовать свои пакости и смущать даже служащих алтарю во время самой литургии; так будет ли Вам, полно, легче от этого, а молитесь лучше Божией Матери». И он дал мне тогда списать Псалтирь Божией Матери, сочиненную протоиереем Московского Успенского собора и потом поисправленную немного в Троицко-Сергиевской лавре, и еще печатную молитву Божией Матери, так называемую большую Богородичную молитву, начинающуюся так:

* Артос – квасной хлеб, освящается особенной молитвой в день Святой Пасхи.

Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, яко зачала еси плотию Сына Божия.
Радуйся, яко Его во чреве Твоем носила еси.
Радуйся, яко Его родила еси.
Радуйся, яко Его сосцы питала еси. И прочее и прочее.

И сказал, что Царица Небесная не только архиепископу Фоте, но и ему самому лично обещала, что, кто читает каждодневно и, сколько может, чаще сию молитву, тот всегда будет состоять под Ее личным покровом, и Она Сама заступит его от духов злобы не только в жизни сей, но и в день кончины его Сама явится ему, и, взявши в Пречистые руки Свои душу его, Сама защитит от миродержителей тьмы века сего – и в сопровождении Ее сонмом ангелов и архангелов проведет к Престолу благодати Вседержителя и Всетворца Бога нашего и Бога Слова Сына Ее Единородного и Святого Утешителя Бога Духа Святого – и вовеки, – как Едина по Боге Всемогущая удостоит с Ним и с Нею вечно радоваться в не-вечернем дни Царствия Своего.

Сказав это о чудной и всеспасительной молитве сей, высокопреосвященный продолжал: «Отцу Варлааму скажите, чтобы он продолжал Вас отчитывать и настоятельно требовать от беса, как имя его, и кто он таков, и когда вошел в Вас». И одновременно с сим тяжким явным бесовским на меня нападением сверх помянутых выше благодатных помощей, даваемых мне в подкрепление, и утешение мое, и в защиту от столь жестоких нападений бесовских, приказал он во всех церквах совершать особенные за здравие болящего боярина Николая ектении* и молитвы, особо на предмет сей Святою Церковию установленные.

И вот, наконец, на двенадцатом отчитыванье бес отвечал, но при страшном плаче, который сначала почтен был мною за мой собственный плач. Но силою отчитываний по действию благодати Божией увидел я сам в себе, что это не я плачу сам, но плачет во мне иное и несродное с человеком существо, произносящее следующие слова:

– Я целый век мой был несчастлив – сюда пустил меня Сам Бог, – и тут выгоняют, я Аббадона, который будет жить в антихристе, что же тут еще спрашивать меня, когда и как я вошел в него и что делал. Митрофан сказывал ему, Антонию, всё, что же еще ему надобно от меня?

Сверх того, еще прибавил к тому бес, что он меня три раза хотел утопить в черном озере в Казани и в четвертый раз вогнать в атаманы разбойников, да Мария, разумея под сим Божию Матерь, помешала ему в том, когда троекратно в сиянии огня небесного являла мне икону Свою в темную глухую ночь над черным озером и невидимую силою отталкивала меня от берега над озером, с которого хотел я бросаться в глубину озерных вод, и когда говорила мне от Образа Своего, что Она всегдашняя моя Заступница, и в четвертый раз, когда явилась Сама лично вся в полноте Своего тридневного из мертвых воскресшего всеполно-благодатного триединого существа человеческого приснодевственного, окончательно сказала, что Господь всецело отдал Ей власть и силу надо мной бедным и недостойным великонеизреченных милостей Ее и что только Ее единственным заступлением я был исхищен от всеистребительных злоухищрений.

* Последовательные молитвенные прошения.

Когда же все то передано было отцом Варлаамом и самим мною его высокопреосвященству архиепископу Антонию, то он на другой день после этого сказал мне:

– А я опять видел святителя Митрофана и говорил с ним о Вас, и вот по какому случаю. Когда отец Варлаам и Вы мне все сказали, о чем бес объявил сам о себе вам, то я подумал: «Что же это значит такое, что святитель Митрофан столько свят, как мне достоверно и яснее многих уверено и изъяснено от Бога, и такую великую силу на изгнание бесов имеет, а бес и после двенадцатого отчитывания не выходит из Мотовилова, что же это значит?»

– Неужели святитель оскудел силою благодатною или бес столько силен этот, что и сила дарований Духа Святого как бы недостаточна на изгнание его, чего, однако же, ни в том, ни в другом случае быть [не может]?» Так, недоумевая, задумался я о том, что же бы такое значило это? Увидел я святителя Митрофана.

– Как ты чуден для меня, – сказал он мне, – сам все можешь сотворить так же, как и я, и знаешь, что и тебя так же бы послушал скоро Бог и мгновенно бы изгнал беса, если бы по смирению твоему не отклонял ты от себя дела сего, а все-таки думаешь, отчего я не изгоняю беса, – неверствию не могло и не может быть во мне места, ибо я давно прешел пределы земные и теперь лицом к лицу зрю его яко же есть; а что было отчасти, то давно миновалось, и по благодати, данной мне от Господа Бога, мне бы стоило только дохнуть на беса – его бы не было в Мотовилове. Но провидению Божию благоугодно было Самому допустить Мотовилова до такого страдания согласно видам Своего неведомого и ангелами Божиими Промысла, и вот он страждет по воле Божией, и это страдание его есть прежде смерти смерть – прежде аду ад, – прежде вечной муки мука.

– Но и за всем тем это не в пагубу, но во спасение, потому что про грешника даже коринфского, когда хотя он прямо за грех свой казнен был подобным состоянием, хотя и сказано предать душу его сатане во измождение плоти, но и тут прибавлено и то – что да дух его спасется в день Господа Иисуса Христа. Так тем более Мотовилов, страждущий по воле Божией Святой и всегда во всех путях Своих свидений всецело непорочной, праведной, истинной, благой и Всеспасительной всем человекам, не на пагубу отдан ему.

– Может быть, он и долго еще страдать будет, хотя уже и не так явно, а внутренно – тайно и невидимо для других и для посторонних, но для него ощутительно и тягостно. Скажи ему, что для многих подобные страдания оканчиваются только смертью одною, однако и это не есть кара Божия и отчуждение [Божие] спасения, но паче милость Божия и взыскание Его нас погибающих в Свою вечную, Его Божественную милость, ибо двух казней нет, и приемлющие по суду Божию здесь на земле злая и благодушно терпящие это страшное, прежде смерти, адское мучение не только не погибают, но еще и венцов небесных сподобляются, и приумножением славы небесной вознаграждаются. К ним-то по преимуществу относятся слова святого апостола: Блажим терпящие – страдания Иовля слышасте и кончину Господню видесте – и хотя Иов видимо на огнище сидел и страдал люте укоряем был от других и от жены своей*.

* Из книги Иова: “За один день сатана обрушивает на праведника множество бедствий: Иов разорен, дети его погибли. Однако Иов не поколебался и стойко выдержал испытания. Тогда сатана предлагает поразить самого Иова, т.к. уверен, что тяжкий недуг заставит его отречься от Бога. Но и тут праведник остается тверд. Одиноким, терзаемым болезнью, сидит Иов в пыли, повторяя: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» В эпизоде святое терпение Иова вознаграждено. Он исцелен, к нему вернулось богатство, у него родились дети, и он «умер в старости, насыщенный днями»”.

Но сии в самих себе лютейшее всякого Иовлева огноища явного, тайное огноище, кознями бесовскими устрояемое, носят и более Иова поносимы несносно бывают, ибо не только друзья и жены, но и все люди чуждаются их, и гонят хуже всякого прокаженного – что-де с ним говорить, он беснующийся, – и вменяют их хуже всякого отверженного Богом, тогда как они, сознавая бедствие свое, плача и сетуя о безвыходном состоянии своем Единому лишь только Богу вполне доведомом, не только не отвержены Им, но и в величайшем благоволении Божиим находятся.

– Ибо к ним более всего относятся слова сии: «егоже бо любит Господь, наказует, бьет же всякого сына, егоже приемлет», и «аще наказание терпите, яко[же] сыновом обретается вам Бог», – аще ли без наказания, убо прелюбодейчищи есте, но в мале – во временной жизни сей наказани бывше во многом облагодетельствовани будут в день тот, его же уставы Господь «Судити вселенней в правду, и людем истиною».

– Но ему, Мотовилу, скажи именем моим, что Господь Бог назначил ему страдать этими внутренними болезнями его до самого открытия мощей святителя Тихона Задонского и что до тех пор он не может получить никакими средствами от этих внутренних страданий его избавления, так пусть ждет открытия мощей святых, и тогда его Господь Бог помилует.

Святитель Митрофан чрез высокопреосвященного Антония тогда же приказал мне немедленно из Воронежа ехать сюда в Задонск, обещавши мне от святителя Тихона облегчение, каковое тогда по пробывии здесь с неделю времени и по причащении Пречистых Животворящих Тайн Господних я и получил. С радостью возвратившись в Воронеж, к еще большей радости моей получил письмо из Симбирска от одной дамы уведомлявшей меня, что Языкова Екатерина Михайловна в Симбирске и удивляется, что я медлю в Воронеже, почему не спешу к ней, и обещала, что наше взаимное счастье с Языковой могло быть устроено в эту зиму с 1834 на 1835 год.

Но каково было мое удивление, сердечные скорбь и болезнь объяввшие меня, когда высокопреосвященный Антоний, услышав о том, сказал мне: «Я думаю, что это еще новая какая-нибудь кознь бесовская, хлопчущая только отвести Вас от дела Божиего, бросьте всю эту дрянь, все Ваши привязанности, идите в монахи, славный архиерей будете».

– Знаю, – отвечал я, – потому что и батюшка отец Серафим мне тоже говорил, что если бы я пошел в монахи, то сделал и бы меня архиереем и я бы был более святителя Василия Великого, и я дерзнул сказать ему, что об этом ангелы возвещают людям, а не люди, забывшись, что я говорю с великим угодником Божиим, и в точности по слову евангельскому не ведый, что говорю, а батюшка отец Серафим встал и выпрямился молодцом, в каком положении я его никогда не видывал, и сказал: «А тебе Серафим, а не ангел говорит, а знай, что насколько Серафим более ангела, настолько слава моя более возвещения ангельского. Так это истинно». Но потом небесною радостью засияло лицо его, и он сказал: «Ну что же делать, батюшко ваше Боголюбие, иные люди роятся для девственной жизни, а другие для чадородия, так то и до вас относится».

– Как же, – спросил высокопреосвященный, – Вы и жениться хотите, и между девушек с утра до вечера живете по монастырям.

Я отвечал:

– Ведь Вам Сама Царица Небесная сказала, что я служу Ей, как и Вы изволите служить, так Она Сама же изволит знать, как я живу там, и лучше Вам разъяснит, Ее слову Вы лучше поверите.

И он опять спросил:

– Отчего же и после этого нейдете в монахи, славный митрополит будете.

И я отвечал:

– Знаю и это, но пред Богом скажу – что уже и Синод тогда не устоит, ибо я не только настоятельно тогда стал бы просить Его Императорское Величество, чтобы в России было, как и в старину, Патриаршество да Патриархом первым чтоб меня же и поставили. Да что пользы было бы из этого – перед людьми я был бы действительно Святейшим, ну а перед Богом-то грешнейшим, ведь Его нельзя обмануть.

– Он лучше всех знает, что я многогротнейший чело век и в самом деле не знаю, как живу, но мне Господь обетовал Языкову устами Серафима дать в невесту, и я жду обетования, и, как бы ни трудно было мне, как бы ни приходилось мне страдать, что и Вы, вероятно, видеть изволите, я говорю тогда в утешение души моей: «бедная многогрешная, потерпим за безумные грехи наши, что мы с тобою понаделали в жизни», – и, обращаясь ко плоти и ей, прибавляю: «потерпи и ты, глупенькая, придет время – Бог исполнит Свои обетования, отдохнешь и ты, малотерпеливая, да отдохнешь в милости Божией и в Его пренебесном благословении, насладишься радостями земли».

– А ведь Вы же сами изволите говорить, что с Богом и в аде хорошо; насчет же девиц, которым службу поручила мне Царица Небесная чрез батюшку отца Серафима, то я скажу Вам по совести, ибо не хочу, чтоб Вы и подозрениями смущались. Что если бы Государыня, Ее Императорское Величество изволила поручить мне службу Их Императорским Высочествам, ее августейшим дочерям, то не должен ли бы я был с самым величайшим благоговением обращаться с ними как со дочерьми Ее Императорского Величества. А это дочери не царей земных – а Царя Небесного и Царицы Небесной, высокопреосвященные благодатию Божиею дочери, так вот я как, по милости Божией, смотрю на врученное мне, чрез великого старца батюшку отца Серафима, дело, от лица Самой Царицы Небесной повеленное ему, действительно самой вещь из рук в руки переданное мне послушание его, им самим при свидетельницах из обители сей*.

– А что же изволите Вы думать и о санах церковных? Неужели Вы изволите полагать, что преподобный Сергей отказался от митрополитства лишь только по одному глубокому смирению? Нет, если дозволите правду, как я в душе думаю, сказать, то я полагаю, что он сделал это по глубокой уверенности, что сан – один сам по себе не прибавляет большего обилия даров Духа Святого, если сами от себя не приложим тшания о усерднейшем и множайшем стяжании благодати Всесвятого Духа Божиего, или, иначе говоря и уясняя предмет слова и речи сей, сан церковный не есть сам по себе – благодать Божия, но только средство, дающее право по мере возвышения сана стяжевать множайшую благодать Божию.

– Но и тут все-таки не иначе как когда и сами мы приложим гораздо более прежнего тшания о стяжании Духа Святого, как мне батюшко отец Серафим говорил, когда разъяснял мне, как Дух Божий живет и действует в богоносных человеках. Так пустите же меня в Симбирск. Женившись на Языковой, я все дела мои, здесь у Вас начатые мною для святителя Митрофана, покончу и, сколько Бог поможет, буду служить и Царице Небесной.

Так кончился тогда наш – с его стороны отечески-милостивый, а с моей – простодушно-детски-откровенный – диспут. Но на другой день владыко снова сказал, что мне надобно непременно ехать в Киев, что на это есть воля Божия, особо ему в эту ночь изъявленная.

* Первой, Евдокии Ефремовны Ломновской, иначе глухинькой названной от великого старца, но не глухою к словесам Божиим и Царицы Небесной, ей глаголанной, коей ныне 80 с лишком лет, и другой, Ирины Семеновны Зеленогорской, которая была начальницею Дивеева в общине <неразбр.> несколько месяцев и скончалась в 1835 году – Примеч. Н.А. Мотовилова

«Что же, поедете ли Вы туда?» – спросил он меня.

«Как же не ехать, – сказал я ему, – когда есть на это воля Божия и Божией Матери. Я Божий и Божией Матери вековечный Раб и служка Серафимов по жизнь мою, то куда Бог велит, туда и поеду, что Бог велит, то и делать буду. Только я не люблю против совести жить и действовать, не люблю и людей обманывать, а Бога и обмануть нельзя. Так поэтому и должен Вам сказать, что ни за миллионы миллиардов не решился бы теперь никуда, кроме Симбирска, ехать, потому что там ждет мое счастье и временное и вечное, ибо без получения Языковой в жены я и погибнуть могу весьма легко – так тяжело мне расставанье с нею.

– Но если есть воля Божия на то, чтобы я ехал в Киев, то Бога люблю и что более всего на свете и Царицу Небесную по Боге люблю больше Языковой. Так извольте, с любовью еду, ибо Бог – моя надежда, Царица Небесная – мое утешение, и я весь Их и в сей, и в будущей жизни. Только что же будет с Языковой?» – спросил я его.

Высокопреосвященный скоро и быстро взглянул на меня, сказал второпях: «Ну что же, а Языкова выйдет замуж, а Вы в монахи идите». «Нет, – отвечал я, – не пойду, если она выйдет замуж, я умру и погибну, но в монахи все-таки не пойду», – и, зарыдав, без памяти упал на пол.

Опомнившись в мыслях, сказал: «Матушка Царица Небесная, где же Твое заступление, обещанное лично Тобою мне с юных лет?» – и вот отчего я рыдал горько, что меня объяло чувство незащитности, никаким словом не описанной, ибо сбылась похвальба бесов, и тот, кому я отдан был Богом на мучение, торжествовать мог, а тот, для которого я не убоялся и его [дьявола] бесовских прещений, отвергал меня и словом могущественным по заслугам его [владыки Антония] пред Богом отторгал меня от того, что составляло единственное счастье в сей безотрадной жизни моей, в чем заключалась жизнь и смерть моя, – следовательно, горе мое было неизмеримо.

Высокопреосвященный поднял меня: «Что Вы так горько заплакали?»

«Хорошо Вам говорить так легко, вы монахи и от всего земного отрешились, так Вам, может быть, не только непонятно, но даже и смешно мое страданье, но я Вам укажу на высочайший пример Господа нашего Иисуса Христа. Он как Богочеловек не мог иметь страстей и привязанностей земных, подобно моей любви к Языковой. Он чище был всякого монаха – в Нем ничего не было греховного, – а и Он прослезился о друге Лазаре, когда видел его умершего четверодневною, а так и Языкова для меня умерла уже, но это не простой друг Христов Лазарь, а обетованная мне от Бога невеста, которой я ждал столько лет, уповая лишь только на Его Всемогущество и на верность Божественных обетований, так тут не одна плоть разрушается, тут страждет и душа и дух – тут все разрушается, и гибнет моя надежда на Бога, – так поневоле заплачешь.

Простите меня, что я не могу удержаться от слез, но эти слезы – последние слезы жизни моей, угасающей во мне, я расстаюсь со столько сладкими надеждами, что смерть теперь уже плевка не стоит для меня. Простите меня бедного грешника», – и я еще горше зарыдал и в слезах упал ему на руки.

И когда долго без памяти рыдая на руках его выплакался и память ко мне начала возвращаться, то высокопреосвященный сказал: «Ну как же Вы в Киев-то поедете, если так горько Вам не ехать в Симбирск!» «Так же, – отвечал я, – как Авраам поднял нож на Исаака. Легче ли ему было моего, неужели с сухими глазами решился он на заклание сына? Наши богословы не смыслят этого дела, если говорят, что мужественно перенес это. Поеду, если Бог велит».

«Так Вы решаетесь?» – спросил высокопреосвященный. «Да, решаюсь, – отвечал я, – тем более что родительница моя по выходе моем из университета хотела прямо везти меня сперва в Задонск к святителю Тихону, а потом в Киев, потом уже определить в службу».

«Да, – отвечал его высокопреосвященство, как бы не слышав этих слов моих и занятый мыслью отправки моей в Киев. – Да, Господь сказал мне, что Он там покажет Вам дивное и великое, только просите соборных старцев, чтобы они исходатайствовали Вам у митрополита Евгения позволение переночевать в келлии преподобного Феодосия, в день которого и родились Вы, и Вы там после того увидите то дивное и недоуменное, о чем Он возвестил мне, что Он там откроет Вам оное. Только после переночевания этого причаститесь Пречистых Тайн Господних в церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы».

Что же касается до вышеписанных воронежских происшествий моих – нападений на меня бесовских, – то во все течение оных не только сам высокопреосвященный усердно молился о мне, чтобы Господь Бог помог мне в моих страданиях, но и во всех церквях воронежских приказал постоянно совершать каждодневные не только на ектениях поминовения за болящего Николая, но и особенные совершать молебствия о том, как я выше сказал, что и по отъезде моем шло, и мне, будучи известно, много помогало в тех невероятных страданиях моих. Неимоверными называю потому, что в настоящее время под предлогом очищения веры от предрассудков – и уже мнимолучшие христиане – не верят даже и самым неопровержимым истинам Христианства. Но тем не менее все сказанное мною совершенно справедливо и было поистине так, как я хотя и в слабом рассказе, но приблизительно верно описал.

По приезде моем в Киев, куда я поехал в одно время с другом матушки моей, Надеждою Ивановною Саврасовою, казанскою помещицею, в 1835 году, в январе месяце, я забыл было об этом совете и указании его высокопреосвященства, но он озаботился уведомить меня о том письмом своим в Киево-Печерскую лавру, и когда соборные старцы доложили о том митрополиту Евгению, то на докладе оном с вопросом: «можно ли симбирскому помещику, действительному студенту Императорского Казанского университета Николаю Александровичу Мотовилову, приехавшему из Воронежа и по благословию архиепископа Антония, письмом ему переданного, дозволить переночевать в келлии преподобного Феодосия?» – высокопреосвященный Киевский и Галицкий митрополит Евгений подписал своею рукою: «Не только в келлии преподобного Феодосия, но и Антония, и даже в келлии Илариона митрополита, и показать ему все замечательное в лавре и всю лавру, как бы она была показана самому архиепископу Антонию Воронежскому и Задонскому, если бы он теперь посетил ее».

Вследствие чего параекклисиарх, или великий пономарь, святой чудотворной Киево-Печерской лавры обязан был каждодневно являться ко мне в занимаемую мною на гостинице лаврской келлию и спрашивать меня, что угодно мне видеть и осматривать в лавре в этот день. И из уважения к милости высокопреосвященного Антония, мне оказываемой, дозволено было мне даже пить по рюмочке мира от святых мироточивых глав и голеней святых угодников Божиих, каковое счастье доставлял мне отец архимандрит и наместник лавры сей Серафим, что потом архимандрит Задонский и строитель собора, где положиться имеют мощи святителя Тихона.

Но самая главнейшая и недоуменно великая милость Божия была для меня в лавре сей истинно многочудотворной Киево-Печерской – та, что когда в первый раз при мне спускали Образ Божией Матери Успения, то я имел счастье видеть не Образ сей, а Саму Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, явно вместо образа сходившую с небес с милости во ослабленном* лицом, и, зарыдав громко, упал пред Нею на пол, обратив поневоле всеобщее на себя внимание до того, что отец Пафнутий, что потом иеросхимонах Парфений, подумал, как сказывал мне сам он, что я сумасшедший, что так громко кричу в рыданиях моих. А я, не помня сам себя от радости, что удостоился не по грехам моим видеть Царицу Небесную, закричал: «Матушка Царица Небесная, спаси всех нас».

При вкушении мира, святомироточивыми главами [и] голеньми святых источника, я ощущал необыкновенное успокоение внутреннее – тишину, мир, сладость и неизъяснимое утешение, таковое же, какое чувствовал, когда видел батюшку отца Серафима в Свете неприкосновенной славы Божией, паче солнца сиявшего и вместе с тем чувственно и меня самого в то же время вместе с ним по его собственному слову одинаково осиявавшего; что сбылось со мною в 1831 году осенью в ноябре месяце.

Вся плоть моя смягчалась так, что кожа моя делалась как бы бархатная, благоухание же от мира сего было подобно благоуханию чистойшей плоти младенческой – нередко, вероятно, от благодатных младенцев, издающих особенно приятное благоухание.

Но много и тут в лавре пострадал я от бесов, прежде нежели сподобился переночевать в келлии преподобного Феодосия. Каковые козни врага помогла мне распознать и преодолеть великая старица схимонахиня и постриженница Иерусалимская Параскева, Евфросиния Дмитриевна Махановская.

Узнавши о препятствиях сих по особому Божиему извещению о том, она не велела мне ни есть, ни пить накануне этой великой по последствиям ночи с 8 на 9 февраля 1835 года и ни с кем ничего не говорить, а пришедши из пещер обоих, и Ближних Антониевских, и Дальних Феодосиевских, которые каждодневно все обходить заповедал мне высокопреосвященный Антоний до обедни и после обедни, идти прямо к ней. Где она напоила меня своим чаем и своим обедом, по ее объяснению, приготовленным для меня по распоряжению княгини Екатерины Даниловны Кудашевой, в квартире которой в лаврском доме она близ Воскресенской церкви жила и о которой хозяйке она говаривала мне, что по высоте жизни своей и обилию благодатных дарований Духа Святого и она живет как схимонахиня.

После обеда и вечернего ее же чаю она послала меня прямо в пещеры Дальние, и отец Иларион проводил меня в келлию преподобного Феодосия, окурив не только келлию угодника Божиего, но и всю пещеру росным Херувимским ладаном, окропил меня, келлию и всю пещеру святою водою. Ибо, по его словам, согласным с прежде еще в Воронеже мне сказанными словами высокопреосвященного Антония, много пакостей делают бесы ночующим в пещерах, и многие умирали даже от ужаса; почему лаврское начальство и принуждено было воспретить свободное для всякого невозбранное ночеванье в пещерах, как было некогда в давние прежние времена, кроме особых письменных на то от самого митрополита разрешений, как и мне было дано.

Во всю эту ночь до самого утра пробыл я без сна, совершая правило причастное и читая потом патерик Печерский. Чувства, испытанные мною, тут были следующие: кроме необыкновенной тишины внутри и явно, и чувственно с головы до ног осенившей и, как прилично выразиться, препоясавшей меня благодати Всесвятого Духа Божиего, все стало ходить во мне, то рассыпая, то собирая во мне всю кровь, то гоня ее из головы в ноги и из ног опять в голову.

* Ослабиться – улыбнуться.

Я хотел было вовсе не спавши приступить к причащению Пречистых Тайн Христовых, но когда нужно уже было в церковь к обедне идти, то я до того изнемог от необыкновенных благодатных ощущений, а вместе с тем и от изнурения чрез бдение плоти моей, что, по выражению святого пророка Давида, действительно разсыпашася кости мои во мне, и я заснул до того крепко на полу келлии святого угодника Божиего Феодосия Печерского, что насилу разбудили меня в одиннадцать часов утра, – спасибо доброму иеромонаху, что он потрудился подождать меня и не начинал до пробуждения моего заказной обедни.

Но я уже так слаб был, что меня довели с трудом до церкви пещерной Введения во Храм Пресвятой Богородицы, отстоящей только на несколько шагов от келлии преподобного Феодосия, и я поэтому противу воли моей должен был просидеть всю обедню на скамье церковной, кроме причащения, пред которым начали показываться у меня силы, и я встал для принятия Животворящих Плоти и Крови Христовых.

Когда же иеромонах, служивший обедню, стал отправлять молебен Божией Матери с водоосвящением, над головою моею вычитывая молитвы, как научила меня сделать схимонахиня Параскева Димитриевна, то во мне такое поднялось чиханье, что я не помню, сколько десятков, а может быть и сто раз, пришлось мне чихнуть, и с меня как тяжелая гора свалилась такая тяжесть, и мне стало так легко и весело, что я не могу это никаким словом прилично выразить, ибо все будет слабо.

Твердо молодцем, а не дряхлым, как было до того прежде, сделался я и пошел к великой старице схимонахине Параскеве Димитриевне, и когда, пришедши к ней, хотел поцеловать руку ее, то она, отняв, ее сказала: «Нет, батюшко, теперь не тебе мою руку, но мне твою бы следовало поцеловать, за дар Святого Духа, пожалованный тебе от Господа Бога, да я старуха попросту живу и люблю тебя, как сына, так матери у сына нечего руки целовать. Пойми же, какой великий дар благословил тебя получить теперь Господь за твои страданья. Я много на своем веку видела милости Божией и благодати Его, а подобный настоящему твоему от Бога ныне полученному дару нечасто видывала, иной и архиерей до того не испытал на своем веку. Вот что тебе святители Воронежские: Митрофан, Тихон и Антоний, батюшко мой владыко со святителем Николаем Чудотворцем и батюшками Антонием и Феодосием, Киево-Печерскими чудотворцами, и Материю Божию у Господа Бога исходатайствовали. Береги, батюшко, этот дар, великий и бесценный Божественный дар», – и, напоивши меня своим чаем и угостивши обедом, приказала идти прямо в гостиницу и в келлию мою, ни с кем не кланяться, ни даже просить у кого бы то ни было из иеромонахов благословения, но молча пришедши в келлию лечь и успокоиться, и что будет тут со мною во время этого успокоения, обо всем этом, придя к ней после вечерни, подробно рассказать.

Но откуда я возьму столько разума, откуда приобрету столько премудрости и наберу столько красот слова, чтобы выразить, хотя отчасти, хотя как в зеркале и гадании, все то, что я тут видел и испытал, что было показано мне тут Господом нашим Иисусом Христом, пришедшим ко мне во внутреннюю храмину души моей и действительно не мысленно, но чувственно свечерявшим со мною ощутительно и ясно-зрительно и для самого меня.

Неизъяснимая сладость из сердца моего, того самого, которое есть средоточие нервной системы кровеобращательной, потекла, как из бездны морской, неизъяснимо восхитительными райских сладостей потоками от тука дому Господня истекающими*, ибо сердце мое и плоть моя возрадовались неизреченною радостью о Бозе живе, вселившимся тогда в меня.

* Тук, или жир часто употребляется в иносказательном смысле для обозначения лучших и богатейших земных произведений, равно как для означения отрадных духовных благословений. Откормленное животное обыкновенно называется в Священном Писании тучным или упитанным.

И потоком сладостей тех напился я до такой степени веселия духовного, что и сам про себя сказал бы: «пьян я стал», если бы одновременно вместе с тем не чувствовал глубоко всю трезвость духа, души и плоти моих, восторгавшихся лишь порывами радости, Духом Святым Божиим подаваемых человеку священно-тайно и вместе с тем благоговейно и тихо-мирно, и неизъяснимо усладительно, и вышеестественно-успокоительно.

Сладость эта потекла из сердца моего невыразимо сладкими струями по всем жилам моим и по всем мозгам моим во все кости мои и таким неописанным веселием исполнила дух мой, душу мою и плоть мою, что человеческого слова не достанет на выражение всего этого в достаточной полноте, все кости мои действительно рекли безмолвным, но ощутительно слышимым для меня языком.

«Господи, Господи, кто подобен Тебе» в милостях богатому и в судьбах Своих непостижимому, и в стезях путей Твоих неисследимому, они, скажу без преувеличения, повыскакали из всех составов моих, и эта разливающаяся по мне сладость стала собирать их в одно новое целое, никогда мною неощущавшееся, внутрь меня, и я как будто бы сосредоточиваться, а вместе с тем и уменьшаться стал в размере роста моего.

– Ты действительно теперь меньше стал прежнего твоего роста, – сказал мне некто таинственно и для глаз моих невидимо, посетивший меня и ставший растолковывать мне мои внутренние ощущения и видения тогдашние.

– Ты действительно меньше теперь, ибо Господь очистил тебя от всякия скверны^{*} и сделал тебя таковым, каким ты вышел из чрева матери твоей и каковым был прежде, нежели разбил и исказил тебя бес Аббадона, во время Крещения твоего допущенный Промыслом Божиим войти в тебя, а ты тогда был чист и нетленен, и исполнил теперь тебя такой благодати, каковою исполнил Он некогда Адама первозданного, когда вдохнул в него дыхание жизни, то есть Благодать Всесвятого Духа Божиего.

И я собственными внутренними очами увидал во мне самом, что внутри меня воссиял свет необыкновенный, и мне стала видна, как на ладони, вся моя внутренность. Каким это образом случилось со мною, что я стал видеть это, – не могу пояснить, но истинно видел. И вот что увидал я, и осязательно почувствовал в это время, и услышал от того же невидимого пояснение всего. Вот что он продолжал сказывать далее мне, показывая ясно все внутри меня:

– Ты с двенадцати лет стал утверждать, что человек троичен – дух, душа и плоть, – что в этом лишь только и есть и состоит Образ Божий, по которому Сам Триипостасно Единый Всетворец Бог наш создал Адама. Эта мысль не твоя, но Тот, Кто на девятом году жизни твоей явил тебе Таинство Пресвятой Троицы Своей, Кто в гласах громов многих сказал тебе на том же девятом году жизни твоей во ушью твою: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих» и прочие глаголы живота вечного как до него, Богочеловека Иисуса Христа, так и до тебя самого относившиеся, и прибавил, что Он, когда отцу твоему открыл о том, что скоро возьмет его от земли, отец твой горько и долго плакал о тебе и думал, «кто же воспитает сына моего без меня – обетованного и пронареченного Им Самим?» – то Он обещал ему воспитать Своими собственными наставлениями и уроками и прибавил, что это был первый урок его.

^{*} На сем месте импровизации подлинной в Задонске я остановился и пошел к первой священной процессии изнесения святых мощей святителя Тихона в 12-й день августа 1861 года. – Примеч. Н.А. Мотовилова

– Тот же самый в числе других уроков дает ныне и сей следующий вдобавок к подаваным неоднократно прежним. Смотри же в себе самом все, что буду тебе показывать, и слушай. Это будет один из Его же Пребожественных уроков – священо-тайных, о которых ты должен рассказать сначала здесь схимонахине Прасковье Димитриевне, а в Воронеже архиепископу Антонию. А потом, когда время придет и Господь Сам тебе укажет, передать это и всему миру во вразумление его и во всецелое всего рода человеческого спасение. Слушай же и запомни, что я говорить буду. Ты, сообразив твое пониманье о троичности человека со словом святого апостола Павла, стал утверждать так безбоязненно эту троичность, что претерпел за нее от протоиерея, законоучителя твоего* в пансионе, заухшение, биение, дерганье волос, пхание, постановку на колени на горох – на хлеб и воду, – кроме многих посмешек был укорен еще и названием еретика.

– Но Бог оправдал тебя чрез Амвросия, архиепископа Казанского и Свияжского, и чрез него благословил тебя и твое разумение и справедливо назвал его православным. Но все-таки ты сам по себе вполне не постиг, как это все есть и состоит в человеке, ни архиерей тебе не растолковал этого обстоятельно, так чтобы тебе самому и другим было ясно и понятно это.

– Вся сущность главных оснований этого дела такова: вот смотри – в тебе самом дух человеческий отдельно от души, – и показал мне в узлах той системы нервной или мозговой, в точности не могу прямо сказать по неточному знанию зоологических терминов, которое составляет средоточие белого чистого умственного сока, и как мне показано было положение имеющего около почек над тазом – скелета человеческого, и дух был виден, как пламя горящей свечи, или, как представляется на святых иконах во время сошествия Святого Духа на апостолов, в виде огненных языков

– Вот это – дух человеческий, – сказал мне невидимый, – таков он есть во всяком человеке, и с ним, равно как и с душою, он был сотворен Богом из персти земной или красноватой глины на горе Морие – вне рая Адамовского – или, что одно и то же, вне Едема сладости. Если святой апостол Павел говорит, что суть люди не имеющие духа, то это не значит, чтобы они были уроды или действительно не имели духа человеческого, но то, что он в них не развит по невниманью их ко внутреннему своему дому, где назначил себе быть жилищу Сам Всетворец Бог наш.

Ибо в человеке, как на разумном престоле, Он на духе человеческом, вот на этом самом обитать изволит. В этом-то духе человеческом и есть то сердце человеческое, про которое святой пророк Давид говорит: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое», – и про которое далее прибавляет: «сердце мое и плоть моя возрадовастся о Бозе живее» – вместо вражды, как все святые говорят, дух на плоть, а плоть на духа воюет. Когда благодать Духа Святого снисходящу Божеству – в дольняя пределы нашего триединого существа коснется и духа и плоти – присущей притом душе нашей и назирающей священо-тайно за этим великим и высочайшим делом жизни нашей вселения Бога в человецех, то оба – дух и плоть – возрадуются, и радости той никто же возьмет от них.

* Танаевского Ивана Григорьевича. – Примеч. Н.А. Мотовилова

– Душе же человеческой, как имеющей память, разум и волю, предоставляется, поминая таковые великие милости Господни, уразуметь вполне, как благ Господь правым сердцем, и непринужденною, но доброхотною волею своею устремить стопы своего существа на путь Божественный мирный и предохранять себя от подвижения к путям неправды, чем и заканчивает Давид: «мои же вмале не подвижастеся ноге: вмале не пролияшася стопы моя». Утроба же человеческая есть то пространство как всех мозгов, так по преимуществу не только воздуха сущего внутри человека – и постоянным воздухом по медицине называемого, – но и всего воздушного же пространства, объемлющего всего человека, и окружающего душу его, и состоящего между наружными стенами души и между внутренними остепенками кожи человеческой, облекающею массою своею все и плоть, то есть мясо человеческое, душу и дух наш.

И в каком воздушном пространстве помещается и одежда брачная, даваемая человеку за заслуги его пред Богом, истканная из благодатей Всесвятого Духа Божиего – иначе одеждою нетления называемая, – и в случае недостойнства человеческого, тут же бывает и одежда тления или ветхого человека Адама вретисще, пребывающее ему за греховную его нераскаянность.

– Ну вот далее смотри же, ты видел дух человеческий неразвитым, теперь гляди на него, как он бывает в развитом состоянии – и именно в том, про которое пророки говорили и должны говорить: «И аз бых в духе, или по-славянски душе».

И при этих словах огонь духа человеческого – или огневидное существо духа – одною струею побежал по мозгу становаго хребта и, вошед в темя, облил огнем своим, тихомирным-сладко-успокоительным, весь головной мозг мой, потом другая струя огненная, но росоносно-дышащая, пошла в правую руку и вышла в пальцы мои, и третья струя в левую руку и так далее во все члены мои и, распространившись во все стороны, заняла всю внутренность мою, и помянутая выше сладость, из сердца истекавшая, облекла его светлым одеянием.

– Вот видишь ли, как человек бывает в духе и облекается одеждою нетления – или брачною одеждою, про которую говорится в Евангелии: Чесо ради друже пришел еси семя – не имый одеяния брачна, и вот почему, когда в церкви священник или архиерей произносят: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, Любы Бога и Отца и Причастие Святаго Духа буди со всеми вами», – то мы к сему окончанию возгласа его должны прибавлять «и со духом твоим» – именно вот с этим-то духом человеческим, который я в тебе самом понятным для тебя образом показал.

– Ты утверждал и утверждаешь, что дух имеет три силы: веру, надежду и любовь, – и это не суть христианские добродетели, и не про добродетели Христос говорит: Аще бы имели веру яко зерно горушное рекли бы горе сей двигнися и двигнулась бы и ягодицине восторгнися и восторгнулась бы – это мнение твое истинно, что Христос, говоря это, разумет развитие силы духа, верою называемой.

– Так, например, как ты видел в себе, сначала дух твой был в виде огненного языка, и то было его первозданное состояние, при котором можно подойти даже и под смысл слов апостольских.

– Суть нецыи люди не имеющие духа, и видел ты, как дух твой человеческий развивался в тебе и дошел до полноты своего развития, – так вот об этом-то возрастании не в такое, как теперь в тебе, полноразвитие духа, но хотя отчасти, хотя в величину зерна горчишного Господь говорит, что и при подобном малом и по видимому ничтожном развитии духа и силы его веры в человеке мог бы сказать человек горе: движися, как сказал святой Марко Фраческий*, и гора двинулась на десять стадий в море, и он принужден был возвратить ее на свое прежнее место, помянув ей, что он не думал ей повелевать двинуться в море, а только сказывал авве Серотону**, что бывают такие люди, которые могут это творить, и что такие-то люди суть достойны именоваться истинными христианами, ибо это сбылось и описано не для сохранения только как предания Церковного в память людей или не для помещения бесплодного только в учебниках и тем более не для того, чтобы безумно думать, говорить, а что и того пагубнее утверждать, что то-де было в древности сказано в Евангелии, что верующим последуют знамения и чудеса, там поминаемые, но для уверения нас, что это дано нам как оселок наших верований, и что без сих знамений и чудес сомнительна вера наша, и что ими, напротив, колеблющиеся утверждают, и неверующие в веру приводятся, и противники веры посрамляются, не имея возможности очевидности и осязаемости их противоречить.

– Вот смотри же теперь и душу человеческую, она точное подобие видимого человека и имеет все его члены, а потому и Церковь Святая неуподобительно и не аллегорически, но истинно и правомерно ее представляет в виде маленького человека, – такова она и есть на самом деле. Дух человеческий живет в мозгах и чистых белых соках человека, называемых умными соками, и в них его по преимуществу всегдашнее пребывание, хотя, как ты видел теперь внутри себя, может занимать и всю внутренность человека. Душа же человеческая живет в крови человеческой, равно как и душа животных живет в их животной крови, – почему чрез Моисея Бог и запретил есть кровь животных.

– Заметь же и припомни, что со всем видимым миром человек общается плотию и соприкасается его сущностям видимым и осязаемым этого мира видимого, а духом своим общается с миром невидимым и соприкасается предметам онного силою его, именно же верою объемлемым. Одним словом, со всем тем, что не может быть плотию видимо, сосязаемо и чувствуемо – хоть чрез душу и плоть происходит, – это сообщение, и осязание, и прозрение того, что плотным взором видеть невозможно без особенного посещения благодати Божией, как с тобою есть теперь в настоящие минуты.

– Душа же есть посредняя между духом и плотию и есть, собственно, то, что называется «внутренний человек» или «я» самое человека, и когда отцы святые о различии воле человеческих говорят, припоминая, что между волею Божиею всеспасительною и волею вражиею всегубительною находится третья воля – человеческая, и что первая благая и Богу лишь единая совершенно угодная, вторая вполне противная Богу отступническая и только смерть приносящая, а воля человеческая хотя и не совсем противна Богу, и не так пагубна, однако же и спасения нам никакого, ни временного, ни вечного, не приносит, если не покориться совершенно единой всеблагой и единой всеспасительной вечной Божией воле – всеблагодатной, приносящей нам все доброе, временное и вечное.

* Святой Марк Афинский.

** Авва Серапион.

– А потому-то и Господь наш Богочеловек Иисус Христос прямо желающему спасти душу свою велит погубить ее Его, Иисуса Христа, ради и Его ради Святого Евангелия, утверждая двоекратным призыванием истины или «Аминь, Аминь» глаголя, что лишь только в таком случае человек истинно спасет и спасает душу свою, когда последует и следует этому Его отечески любвеобильному совету, то есть погубить самобытную и самостную волю или третью силу души своей, чтоб спасти две остальные части ее – разум и память, или, что гораздо точнее, спасти всю ее и с третьею ее силою или силою воли, Христа ради и Евангелия ради погубляемой или, яснее сказать, покоряемой под всеспасительную, все-совершенную и всеблагую волю Божию, хотящую всем человекам лишь одного: именно же еже спастися и в разум истинный прийти, которому и научаешься ты ныне чрез сии дивные видения и откровения.

– И душа эта самая есть центр или средоточие человека, так что если в Священном Писании поминаются сердце, чрево и утроба и говорится, например: «Сердце чисто созижди во мне, Боже», – то под сердцем разумеется вся плоть человека – «и дух прав обнови во утробе моей», то под утробу разумеется дух человеческий и та вся область малого мира, или целой внутренности человека, которое одно и в прямом смысле называется сердцем, когда говорится, от сердца исходят помышления злая и прочее, когда же говорится: прияхом Боже болезни во чреве нашем и родихом дух спасения, то разумеется душа человеческая.

– Что же касается до борьбы внутри человека сущей, что дух на плоть, а плоть на дух воюет, то это не до них относится собственно, разумея под сими словами духа и плоти две ипостаси троичного существа человеческого, но до сущих с ними именно до Духа Святого Божиего со духом нашим человеческим сущего и до силы козней бесовских, действующих на человека посредством тьмы греховной, как отцы говорят, или заразы змииной, находящейся в плоти нашей, и остающейся в ней от грехопадения праотцев наших Адама и Евы, и в разных мерах из рода в род переходящей, и до нас достигающей, каковой тьмы греховной не было только в Господе Иисусе Христе Богочеловеке и в Госпоже Владычице нашей Приснодеве Богородице Марии.

– Они все от головы до ног чисты и нетленны, и тьмы в них несть, не было и быть никогда не может ни единой, а потому Они оба, победив смертью смерть, воскресли тридневно из мертвых с тою разницею, что три дня Спасителевого в мертвых пребывания были переменою дня в ночь укорочены вдвое ради величия и без того безмерных Его как Богочеловека, а непростого человека страданий, то есть Он в царстве смерти пробыл 48 часов, а Она, как хотя и Кехаритоменис – или Всеполноблагодатная и Одна Единая по Боге Все-могущая, но все-таки не Богочеловек, хотя и Пренепорочная Приснодевственная Его Богоматерь, пробыла в сем неизбежном ни для кого царстве из падшего Адама потомков 96 часов или ровно трое сутки по счету человеческому и наземному*.

И теперь Они оба пребывают во славе Отчей, – Он в той, юже имел у Отца Бога прежде мир не бысть, Она как ради Сына и Богоматерства и Едино по Боге Всемогущества тойжде славы сподобльшися. И оба суть истинные и живые воскресшие из мертвых главы Церкви Божией Христовой Вселенской над обоими полами ради рода человеческого, хотя по воскресении из мертвых и не будет различия в полах, но вси, яко ангели Божии, будут, какое воскресение и нам всем с нашими теперешними плотьюми Они уготовляют.

* Ошибка: 96 часов – четверо суток.

– Тьму сущую в тебе и во всех людях отцы Церкви называют греховною не потому, чтобы она была греховна, а потому что они были аскеты или люди, обетовавшие себя исключительно на девственно-благодатную христианскую в отшельничестве от мира жизнь. Она же есть исполненная возбуждающих или конфертативных* сил часть сущностей, входящих в состав наш, а потому по проявлениям своим и греховная для аскетов или требующая противу проявлений ее возбуждаемости сопротивления борьбы и победы для полного достижения их девственной цели жизни.

– Так не она сама по себе греховна, но греховно ее неуместное и несообразное с девственною целию аскетической или монашеской жизни употребление; ибо иначе с какой бы стати было святому Иоанну Златоусту говорить, как в одной проповеди своей изъясняется он, что Бог сотворил похоть, под каковым термином Златоуст разумел не злоупотребление сил плоти, но эту тьму, и не греховную, как отцы ее зовут, но творную, как следует звать ее, и сотворенную Богом в первый день творения нашего мира, Солнечною системою называемого, про которую Василий Великий и поминает в Шестодневе своем, говоря: «и сотвори Бог свет и тьму – и свет нарече день, а тьму ночь», разумея, однако же, под тем не перемену времени дня суточную, каковую ниже и относит к действию Луны и Солнца – переменами стояний своих в разных отношениях к Земле, – творящих перемены дня и ночи, но собственно материю света и материю тьмы, находящейся во всех планетах и в человеке, Богосозданном и сотворенном от персти нашей земной планеты, который сам по себе тоже малый мир и в котором ей допущено по Промыслу Божию жить, как в планете, для исправления нужд его в теперешнем его временном падшем на Земле состоянии.

«Вот посмотри, какова она», – и мне показана она была как самый тончайший каркас, веющийся, и при действиях а своих скрехчущий**, и скрехтаньем своим возбуждающий похоть плотскую. Но вся она тогда во мне была собрана в ступни ног моих и лишь только ниже щиколоток помещалась, а все прочее тело мое духовно-душевно-плотяное было очищено от тьмы этой творной – или греховной – и было чисто, светло, лучезарно.

– Вот смотри, – сказал мне невидимый священно-тайный растолкователь и показатель всего тогда внутри меня видимого, – вот смотри и понимай, почему Господь и у апостолов умыл только ноги одни, что, будучи очищены благодатию Всесвятого Духа Божиего, они были чисты от всякой скверны плоти и духа, и тьма творная, дошедшая до них по нисходящим родствам, находилась и у них тогда лишь только в ступнях ног, то и надлежало ее всю очистить и вовсе истребить из внутренностей их.

– Ибо она не есть необходимое условие для жизни на земле, а только совведена в плоть нашу вкушением от плода древа познания добра и зла, – то если бы она осталась в них неочищенною и неистребленною вовсе из них, то по простоте и неучености своей, при исполнении их Святым Духом в той всеполноте, как Он назначался для пребывания в них, и при остатках этой тьмы греховной они легко бы могли по невежеству и неразумливости своей смешать действие и ее с действиями Духа Святого и ее действия принять за действия Самого Святого Духа.

* Confercio (лат.) – соединять, собирать воедино.

** Скрехчущий – скрежещущий.

– Вдобавок это очищение их и от самонаименьших остатков тьмы греховной или творной сей, естественные движения в человеке, как я тебе сказал, производящей, нужно было еще и потому, что они впоследствии времени предназначаемы были вращаться не только среди бесчисленного множества мужчин, но и среди самых прелестнейших женщин, для проповедания посреди их слова Божия или, что гораздо более яснее и точнее, для раздачи людям дарований Всесвятого Духа Божиего, в чем преимущественно и состоит настоящая Вселенская проповедь, то и они сами по подобию Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Божией Матери должны были быть вовсе и начисто изъяты от всякой скверны плоти и духа, а эта-то скверна по отношению к горнему нетленному бытию и есть тьма греховная, а яснее творная, тьма сущая всех планетах и во всех животных и растениях, сотворенных Богом из ничего и существующих на сих планетах, троичные силы которой суть магнетизм, электричество и гальванизм, нужные только, однако же, для процесса растительного и множительного и бытия временного тварей на землях, называемых планетами, в их несовершенном состоянии.

– А потому Богочеловек Иисус Христос и сказал апостолу Петру: не следует тебя всего умыть, но только нозе, потому что весь чист, кроме ног, в которых еще оставалась некоторая толика тьмы греховной сей, так как, например, и ты теперь милосердием и благодарностью Божиею, кроме Аббадоны и тьмы греховной, весь очищен равноапостольским образом.

– Святой же апостол Павел, не бывший на Тайной Вечери и не имевший счастья получить омовения ног из Божественных рук Спасительных в то время, хотя и благодать возблагодать явлением с небес и Светом, сшедшим тогда при горнем гласе к нему: «Савле! Савле! Что Мя гониши, Аз есмь Иисус, Егоже ты гониши», получил, но все-таки без сего особого нарочитого омовения Христова не был изъят от этой тьмы греховной, а потому и говорит: Дадесе ми пакостник плоти (то есть: это тьма греховная или творная) да ми пакости деет – и молихся трикраты да отступит от меня и рече ми Господь довлеет ти благодать Моя сила бо Моя в немощах совершается.

– И дадесе ему то, по его собственному пояснению, за премногая откровения, да не превозносится и не превознесется оными, и вместе с тем в замену оставления в нем тьмы сей греховной далась ему сугубая благодать и сила разумений до того, что даже и святому апостолу Петру пришлось сказать суть некая словеса – в речениях брата нашего Павла яже недоуменна суть, – это же значило не то, чтобы святой апостол Павел неправильно говорил, но то, что по большей расширенности круга его понятий и по множайшей сугубейшей полноте дарований Святого Духа ему и открывалось множайшее, и хотя недоуменное для Петра, но тем не менее истинное и полноблагодатное.

– Вот смотри же, где, и как, и в каком виде находится при всем этом неизгнанный из тебя бес Аббадона, – и он показал мне его у меня за спиною под кожей, как шершавый войлок, осязательно при его слове почувствованный мною сзади души моей в атмосфере воздушной, как выше пояснено, окружающей душу человеческую. Сказал мне:

– Вот что значат слова Христовы: «Иди за Мною, сатано», в отношении и в применении к христианину простому, и он может то же сказать даже и тогда бесу, когда бы он по допущению Божию и внутрь его вошел, – с Господом же было не так по всеполнообоженной плоти Его, – бес не дерзал не только касаться ее, но издали лишь и Господа Богочеловека ему от Бога Отца дозволено искушать, – да обоженною плотию Своею вполне препобедить диавола, и в замену того, что не исполнил перво и Богосозданный Адам, то Сам Всетворец Адамов в восприятой от семени жены плоти Пречистой и Пренепорочной все совершенно исполнит.

– И вот, как ты видишь, в человеке, как в малом мире, находятся кроме его троичности духа, души и плоти еще две в его теперешнем падшем состоянии непрменные действующие силы и привходящие отвне, а не в его непрменном составе сущие – именно же тьма творная или греховная, привзошедшая в естество наше от грехопадения праотцев и заключавшаяся в плодах древа познания добра и зла.

– И потому-то заповедь Адаму дана была от Господа на время не вкушать от сего плода, чтобы он преждевременно не испытал возбудительных или конфертативных сил, в нем находившихся, которые вслед за своими проявлениями делают разрушение состава человеческого и суть начатки смерти, почему Господь Бог и сказал: «В оньже [аще] день снете ... смертию умрете», когда же бы предназначенный священно-тайно в предвечном совете Божиим термин продолжения времени всей долготы срока заповеди прошел и Адам и Ева не преслушали бы до того времени Божественной заповеди, то за послушание они бы не только благодать и возблагодать получили, но и потом дозволено было бы им и от плодов древа познания добра и зла вкушать, когда бы то нужно было для исполнения другой заповеди в раю данной: «Раститесь и множитесь, и наполняйте землю, и господствуйте ею», – но дабы разрушения состава не последовало бы и действия возбудительных сил сего плода познания добра и зла не могло быть виновным начатком смерти, то имели бы они спасение от оной и обновление своего естества в плоде древа жизни, которое обновляло бы естество и заживляло бы все растения от вкушения плода познания добра и зла, могшие входить в состав наш.

– Оттого-то Господь по преступном вкушении Евою и Адамом от плода сего и поспешил их изгнать из рая и прибавил, дабы не вкусили они от плода жизни, ибо тогда, получив сами бессмертие, и злу законопреступления приусвоили бы бессмертие же, и, следовательно, зло пребыло бы неистребимым, и погибель людей неисправима была бы.

– Вот одна из сущностей, отвне привходящих в наш троично единый, неслиянный и нераздельный состав, а вторая есть благодать Божия, вдохнутая в Адама под библейским термином дыхания жизни и, сверх того, для всегдашнего восполнения себя ею данная и сосредоточенная в плодах древа жизни, могшая и могущая делать человека вечно иным – нестареемым и совершенно бессмертным навеки всех грядущих веков, то есть когда принималась бы она в плодах древа жизни заключенная и потом за потеряннем нами доступа к раю Адамовскому или к Едему сладости, возвращенная нам в оживление души и духа нашего и доставление им спасения, но не бессмертия плоти, потом от Господа нашего Иисуса Христа чрез Его собственное, до вольной страсти и после вольной смерти, дуновение в уста апостолов, и ниспосланная свыше в день Пятидесятницы во весь мир чрез Царицу Небесную, и собранных вкупе с Нею в горнице святых апостолов, во спасение мира сшедшая в дыхании бурне, и седшая на коегождо из них в виде огненных языков благодать Божия, и теперь друг друга приимательно сущая в достойных того христианах.

Тем закончу дивные видения и откровения этого великого дня, о коих я сказал подробно в тот же день вечером великой старице схимонахине Параскеве, Евфросинии Димитриевне, а потом по приезде моем в том 1835 году в Воронеж и высокопреосвященному Антонию, архиепископу Воронежскому и Задонскому, как велено было сказать от свяшенно-тайно разъяснявшего мне все вышеписаное.

И во время заутрени Светлого Христова Воскресения в этом году, стоя возле высокопреосвященного Антония близ амвона, когда он вышел с духовенством на оный для пропетия троекратно эксапостилария: «Плотию уснув, яко мертв», я удостоился видеть самого высокопреосвященного Антония в неимоверной полноте излияния свыше на него даров Святого Духа. Каковому видению хотя, может быть, и не поверят иные, но тем не менее я долгом считаю, хоть в самых коротких словах, помянуть в конце сей записки об оном.

Как только запел высокопреосвященный «Плотию уснув, яко мертв, Царю [и] Господи» и прочее, так из уст его изнесся светлый белый, в виде огненного языка, пламень, и, окружив его со всех сторон, распространился от него во все концы собора и вверх, и наполнил весь собор таким светом, что сияния свеч уж не видно стало, а всюду был только свет Божественной благодати, исходящей изнутри высокопреосвященного Антония, как от солнца. Сам же он, его высокопреосвященство, стал до того прозрачен, что можно было насквозь его мне видеть жилы и кости, а в жилах течение крови. Как это случилось мне яснозрительным – не знаю. Но я действительно все так видел, и в это время, как я с удивлением рассматривал высокопреосвященного Антония, он, не переставая петь, обратился ко мне главою и, улыбнувшись, кивнув ею, дал мне знать, что он чувствует, что Господь мне грешному открыл это чудное таинство действия в нем сил благодати Всесвятого Духа Божиего.

Потом какая-то невольная сила стала оборачивать меня на все стороны, и я увидел всех предстоящих в разнообразных видах. Никто не был подобен дивному архиепископу Антонию, только несколько богомольцев сияли вдали и в углублениях храма, как звезды, и, сами озаряя вокруг себя других, иные люди стояли просто в целости, как люди, и светлы были лица их и радостны, а других темны так были, как обгорелые головни, у иных только некоторые части тела были обгорелые. Но более всего обращал мое внимание на себя один протоиерей, из сослужащих с высокопреосвященным. Он был полосатый, увитый поперечными полосами, как зебр, – он потом исключен был из духовного звания, – одна полоса пальца в два белая, благодатию светящаяся, другая – темная и почти черная, и так друг за дружку они его перепоясывали.

Такое видение всех и каждого продолжалось во все время пения эксапостилярия сего троекратного; когда же заутреня сего истинно великого и в точном смысле слова просвещенного дня кончилась, то, войдя в алтарь и похристосовшись с его высокопреосвященством, я сказал ему: «Я видел ныне необыкновенное чудо на Вас и на всех предстоящих в церкви, позвольте мне Вам рассказать оное». «Я знаю, – отвечал мне он на это, – и я кивнул головою, улыбаясь и глядя на Вас, дал Вам знать, что Господь открыл мне, что Он и Вам дал видеть со мною деемое Его благодатию. Но теперь не говорите ни мне и никому о том, что Вы видели, и не поминайте мне самому ни за чаем и завтраком нашим общим, ни за обедом, а вечером часу в десятом придите ко мне, и мы тогда с Вами побеседуем о всем том».

После обеда он опять напомнил мне: «Так я Вас жду в десять часов вечера, а теперь Вы изнурились, подите отдохнуть, сосну и я немного». Но я заспался долго, и келейник его Иван, разбудив, позвал меня к нему. Когда же пришел я, то у его высокопреосвященства сидел уже Павлов Алексей Александрович, и старший келейник Михайло Никитин отвел меня в канцелярию его собственную, пред спальнею его, где, разливая чай, и мне поднес несколько чашек в ожидании конца беседы его с Павловым.

Когда же высокопреосвященный отпустил Павлова, вошел в свою канцелярию, то сказал мне: «Извините, что я замешкался с Павловым, не хотелось его оскорбить для великого дня и отказать ему в приеме, он так много служил святителю Митрофану и так сильно и деятельно содействовал открытию святых мощей святителя Митрофана, что я считаю его не только к себе самому, но и к святителям Воронежским Митрофану и Тихону искренно близким человеком, а таким людям я не могу в чем бы то ни было отградном для них отказывать, ибо я потому себя служкою Митрофановским зову, что всячески стараюсь служить святителю Митрофану, принимая за него гостей его и живым словом восполняя безмолвную высокоблагодатную беседу его с ними. А ты, Михайло, поставь нам еще самовар, я хочу напоить чаем Николая Александровича сам из своих рук, – он сказал было, что поил меня чаем, но высокопреосвященный отвечал: – Да то твой чай, а это мой будет чай, и своим чаем хочу я его напоить, чаем святителя Митрофана, а кстати и сам с ним еще попить чаю. Дай нам хлеба, а ужинать я не стану».

И когда принес Михайло нам готовый самовар, то владыко сказал: «Ну, теперь иди спать и вели всем на спанье отправляться в свои места, а мы с Николаем Александровичем посидим и поьем чайку, может быть, и до утра, потому что я завтра служить не буду, да вели только, чтоб пропустили Николая Александровича в его келлию».

Оставшись же наедине, он спросил, разливая чай:

– Ну, что же Вы хотели мне сказать ныне утром?

Я отвечал:

– Тогда думал одно сказать, а теперь вижу, что должен сначала о другом сказать, и именно, что я вижу Вас всего, как разливаете чай раскаленным и красным от огня, как железо или как уголь горящий без пламени.

Он отвечал:

– Я для того-то и назначил Вам прийти попозже, не прежде десяти часов вечера, чтобы Вы на деле видели, что дело благодати Божией не так бывает, как наши пишут о них новые богословы, не испытавши сами на себе действий Духа Святого. Они, переводя греческое слово «экстазм»^{*}, называют его исступлением ума, что одно и то же сумасшествие, и думают, что при явлениях благодатных в душе человеческой человек бывает в исступлении своих душевных способностей. А другие думают, благодатное состояние не может долго продолжаться, тогда как, напротив, самый наш собственный на самих себе видимый и ощущаемый опыт показывает, что существо этого состояния на самом деле вовсе не таково.

– В человеке не тогда и не сей час происходит опьянение, как он пьет вино или хмельное пиво, но когда погода несколько станет разбирать его, когда спиртуозные пары станут входить в голову. Так-то и вино благодати Духа Святого или то духовное пиво новое, которое ныне пьем мы в Светлые дни сии, или в особых нашествиях оного Всесвятого Духа, или причащаясь Пречистых и Животворящих Тайн Христовых – не от камене неплодна чудодеемое, но нетления источник из гроба одождивша Христа, – не сей час разбирает богатством благодати Божией и наполняет полнотою всех дарований Духа Святого, но малопомалу потом входя во все составы и в сердце и попаляя греховные наши вины, и исполняет нас радости и веселия Богоблагодатного.

* По-современному, экстаз.

– Но и за всем тем ни я, ни Вы не исступили, однако же, из ума, и хотя наше теперешнее состояние действительно необыкновенное и не вседневное, но все-таки это не умоисступление, как несправедливо толкуют экстазмическое состояние пророков и всех сподобляющихся особенных посещений Всесвятого Духа Божиего, но вот мы завтракали, обедали и отдыхали, а теперь пьем чай, как люди обыкновенные, хотя и необыкновенных милостей Божиих теперь сподобились. И вот почти целые сутки проходят, – ибо мы просидели с ним до утра, – но состояние так называемого «экстазма» не проходит, и мы это осязательно и яснозрительно чувствуем и видим.

В таких-то беседах просидели мы эту вторую и великую действительно светозарного Воскресения Христова ночь.

Вот отчасти и в весьма малых крупницах то, что мне пришлось испытать в Воронеже по милости высокопреосвященного Антония и в Киеве по его же молитвам, и потом опять в Воронеже. И его самого вот в каком положении удостоил Господь видеть своими собственными этими же, коими и теперь, как пишу это, гляжу глазами, подобно тому, как ими же самыми имел счастье в конце ноября 1831 года видеть великого старца Серафима, когда он не словом, но делом показал мне, как Господь Бог Дух Святой снисходит на рабов Своих и низводит на них небесные дарования Свои, в каком положении более четверти часа он говорил со мною, будучи светлее солнца, и уверял меня, что и сам я был в таком же положении.

Вот почему, рассказывая о согрешении моем хулою на Духа Святого, я сказал, что лишь только одна моя бедная, многогрешная душа могла вполне понимать всю тяготу тогдашних бедствий в их истинной ужасности.

Следовало бы мне сказать еще и о том, как в Киеве показано было мне, что такое есть сила тяготения, открытая Ньютоном и от невидимого учителя моего названная благодаритию Всесвятого Духа Божиего, лучами Своими могущественнейшими всего на свете содержащего всяческая в горсти Своей – аще земная, аще небесная.

То есть именно восемь твердей небесных, про которых сказано, что то суть светлее всякого кристалла твердо горизонтально устроенные, неизмеримые для человека, но измеряемые Богом и Его Святым Духом, объемлемые круговидными простынями или дискообразными кругами сущие, между коими помещаются семь эфирных пространств, в коих движутся вокруг семи центральных громадных солнцев или небесных кругов семь млечных путей, состоящих опять из бесчисленных солнечных систем.

И что наш мир находится в самом последнем над бездною творном небе, и что ниже оно и восьмой водной же тверди находится, как выше сказано, геенна – огонь вечный, несветимый и неугасаемый – тартар, лютый мраз, червь неусыпаемый, тьма крошечная или внешняя, и, наконец, смерть вторая. И все это вместе содержится лишь одними рукообразными, если для чувственного понятия можно так выразиться, лучами или потоками Духа Святого огненными, как от огня происходящими, но росоносно дышащими и неопалюющими естества тварей.

Потому что, проходя светлейшие, кристаллу подобные, водные тверди, разделяющие эфирные пространства, содержащие творные небеса, они, то есть сии лучи Всесвятого Духа Божиего, воплощаются в эту воду, сущую выше небес, и, входя в атмосферы миров в тончайших каплях росы, обходят разумные существа, про которые капли росы премудрости сей небесной сказано, что утреннеавый к этой небесной премудрости не утрудится и бдяй ее ради вскоре без печали будет.

Следовало бы упомянуть, как мне показано разлучение души и духа человеческих от плоти и как разъяснен процесс смерти. Надлежало бы сказать и о процессе жизни, как мне показано было, что человеческая жизнь делится на четыре части. 1-я – девятимесячная в утробе матери, делящаяся на шесть фазисов. 2-я – временная, на дне воздушного океана на лице Земли троичная духовно-душевно-плотная, в каковой троичности и зародыш человека в мужском семени показан был, и тоже шесть фазисов в падшем состоянии своем имеющая. 3-я – жизнь за гробом, духовно-душевная ангелоподобная и 4-я – жизнь паки бытия вполне Богоподобная, представителями которой и истинными главами воскресшими из мертвых над всею Вселенскою Ветхо- и Новозаветною Церковию Христовою Божиею всеполноблагодатию Бога Духа Святого, освященной Церковию, человеческого рода всех веков от сотворения Адама и до конца рода человеческого сущю, [являются] Богочеловек Иисус Христос и Приснодева Богородица Мария.

Он Бог богов, Царь царей и Господь господей, пришедый в рабии зраце взыскати Адама; а Она – единая по Боге Всемогущая, потребившая клятву Евину Плодом чрева Своего Приснодевственного, – дочь по плоти Богоотец святых Иоакима и Анны и семя жены на сотрание главы змия диавола, обетованное Адаму и Еве при изгнании из рая, а поэтому и язва бесовская, и всепобедоносное оружие на все их козни и ухищрения против рода человеческого.

Но для того чтобы подробно описать все остальное, как тут в описываемые мною времена, так и потом во время странствий по святым местам русским жизни моей долговременной бывшее, о чем я подробно всегда и письменно, и словесно доносил высокопреосвященнейшему Антонию, то следовало бы целые тома исписать, а если систематически все это изложить в одно стройное литературное, бо[го]словски-философическое целое или, что гораздо вернее, в одно философическое, благодатию Всесвятого Духа Божиего воплощенное или осоленное ею богословское целое, то составитя именно та самая книга, о написании которой говорилось в одном из благодатно вещих слов [снов?] моих воронежских и о самохвальстве по сочинению которой укоряли меня многие.

Но 1, 2, 3, 5 и 7 ноября 1832 года, записки о коих [снах?], находившиеся в числе бумаг ареста моего, помянутого выше, тоже хранятся в Министерстве внутренних дел, о которой святитель и угодник Божий Митрофан, но уже не во сне, а наяву сказал высокопреосвященному Антонию во время страданий моих, вышеописанных 1834 года: «Вспроси Мотовилова, о какой книге открыто было ему во сне, что он хочет ее написать, и вели ему подать тебе на бумаге заглавие этой книги. Книга эта в настоящее время совершенно необходима для всех Церквей Божиих и спасительна будет для всего рода человеческого. В написании ее чувствовали потребность многие святые Божии люди в последние века Христианства и в особенности святитель и угодник Божий Димитрий, митрополит Ростовский, сделавший и начало ее своею Летописью. А святитель и угодник Божий Тихон Задонский, собрат наш по Воронежу, и во всю жизнь свою неотступно помышлял о ней, и не только помышлял, но и делом подготовил большую часть священных материалов для нее, именно же, – святитель продолжал, – записки его об истинном Христианстве совершенно до этой-то книги и относятся. Но еще не пришло время, и человечество не вполне к тому подготовлено, то скажи Мотовилу, что во время свое ему будет предлежать труд сей и мы все, воронежцы, помолимся о нем, чтобы Господь Бог дал ему начать и совершить оный всецело, во всей его полноте во славу Божию и во спасение как временное, так и вечное всего рода человеческого».

Вот заглавие этой, предназначенной мне святителем Митрофаном к написанию, книги: «Истинные понятия: о Боге, об ангелах святых и о злых духах, – о механизме Вселенной – о создании земли и на ней человека, о заповеди, данной ему в раю, и о преступлении оной. О благодати искупления. История рода человеческого от Адама и до сего дня в параллельном отношении веры и жизни. – Сличение всех вер на свете и доказательство, что только наша Русско-Греческая Восточная Апостольская есть истинно Православная Отечественная Вселенская Христова и Божия вера на всем свете. – Мысли о приближении кончины века и о близости пришествия Антихристова. – О семи Вселенских Соборах и о необходимости восьмого для соединения Святых Божиих Церквей. – О необходимости всемирного покаяния, и об истинно христианской жизни, и об истинном монашестве»^{*}.

От написания какой-либо книги, равно как и предварительного совершенного окончания тесно связанных с нею вышеписанных, начатых в 1832 году и прерванных арестом 1833 года, работ воронежских церковных, я не только не отрекаюсь, но и желал бы, чтобы Святейший Правительствующий Синод [представил] на то зависящие от него как от центра Святой Церкви Божией средства и радушное благословение.

И вот все то, что хоть в кратких очертаниях, но должен был я выразить Вашему Высокопреосвященству в отношении святителя и угодника Божиего Тихона и двух других святителей Воронежских, тесно связанных с ним и один чрез другого заповедавших мне безбоязненно открыть все это всенародно и просить явного и всенародного оправдания, и благословенного вознаграждения, и защиты от вышеписанных клевет: как Святой Церкви Божией, так и самому себе, в свое, предназначенное на то Господом Богом, время, которое в настоящий сей 13 августа день приснопамятного для России открытия святонетленных мощей святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, ныне Задонского чудотворца, и наступило.

О чем о всем по долгу присяги и чистой совести заявил в тот же день Вашему Высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему Иосифу, архиепископу Воронежскому и Задонскому, преосвященным: Феофану, епископу Тамбовскому и Шатскому, Сергию, епископу Курскому и Белградскому, его сиятельству господину обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода графу Александру Петровичу Толстому и его превосходительству господину Соломону своевременно и тогда же.

Ныне же при переписке набело всего вышепоясненного долгом считаю прибавить, что во время всеобщего бдения с 12 на 13 августа по перенесении святонетленных мощей святителя и угодника Божиего Тихона в собор я имел счастье, стоя в алтаре сего собора в приделе святителя Алексия, митрополита и чудотворца Московского, закрыв для чего-то глаза, видеть высокопреосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского, который, подошед ко мне, взяв меня за руку и ощутительно пожав оную, сказал мне внятным для меня, слышным ясно голосом: «Вот хорошо, вот молодец, спасибо что здесь».

А когда в день Успения Божией Матери в алтаре Покрова Ее Всечестного в сем же соборе приготовлялся я к причащению Пречистых Тайн Господних и стоял, закрыв глаза, то имел счастье видеть и святителя Тихона Задонского, чудотворца новоявленного, стоящим возле креста запрестольного противу Образа Божией Матери «Жизнодательницы», противу престола в сем алтаре находящейся. Святитель стоял с поникшею ниц главою пред Царицею Небесною, и по капле слез текли из очей его, в том виде, как на эстампах прежних старинных изданиях сочинений его священнолепый лик его представляется. Это продолжалось до самых тех пор, как должен я был идти к причащению Животворящих Тайн Христовых.

^{*} На фотографии, помещенной в начале этого Приложения, Н.А. Мотовилов держит лист бумаги с планом сей книги.

Здесь же в Воронеже – при переписке всего письма этого моего к Вашему Высокопреосвященству, – когда на всенощной Усекновения главы святому Иоанну Предтече стоял я возле мощей святителя Митрофана, стоявших по случаю перемены балдахина над местом его прежней усыпальницы против усыпальницы высокопреосвященного Антония, кто-то невидимый, но ясно слышимый, подошед ощутительно, сказал мне: “Что же ты думаешь, «где же обетованное мне высокопреосвященным Антонием от лица святителя Митрофана сказанное мне исцеление от внутренних болезней моих», и ждешь явного о том какого-то знамения, а разве это мало, что ты удостоился хоть и с закрытыми глазами, но все-таки не во сне, а явно иметь счастье видеть двух святителей Воронежских: Антония и Тихона, – ведь это не призраки ты видел, а их самих, – так вот тебе знамение, что термин внутренних страданий твоих кончился. Этот дар Божий дан тебе, храни и делай”, – и прибавлено несколько слов, лично до моей жизни относящихся.

Ныне же, как оканчиваю переписку набело сей рукописи моей, удостоил Господь меня обще со многими как бы в замену того, что я арестом симбирским 1833 года лишен был счастья присутствовать при перенесении мощей святителя Митрофана, в том году совершавшегося из Архангельского собора в Благовещенский, присутствовать при подобном обнесении мощей святителя Митрофана вокруг собора Благовещенского.

За все это благодаря Господа Бога и по слову Вашему всю рукопись сию мою, на 42 листах из 165 страниц состоящую, для представления Вам передавая его высокопреосвященству высокопреосвященнейшему Иосифу, архиепископу Воронежскому и Задонскому, я просил его вместе с сим представить Святительскому Вашему и всего Святейшего Правительствующего Синода благосклонному вниманию и представленное мною ему чрез почту из Симбирска от 13 августа 1857 года описание мое об исцелении, данном мне молитвами его высокопреосвященства епископа, что потом архиепископа Антония, в ночь на Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы 1832 года мне данное, с приложением к оному моею рукою писанного экземпляра полной службы святителю и угоднику Божию Митрофану.

Позвольте же мне просить Вашего Святительского благословения и разрешения его Святейшества Святейшего Правительствующего Синода на напечатание сей службы церковным шрифтом и употребление по святым Божиим церквам всенародно; о разрешении мне и преподании благословения на написание особой от моего усердия полной же службы святителю и угоднику Божию Тихону; дозволения и помощи в завершении всех моих воронежских прежних для Святой Церкви Божией работ; а также и на сочинение вышепомянутой, одобренной и благословленной мне святителем Митрофаном, книги, – для напечатания всего этого, а равно и ныне представляемого во всеобщее известие, но не с тем, чтобы снова подвергнуться новому аресту и новым, еще горшим прежнего истязаниям для меня и хулам на Святую Божию Церковь.

Об истязаниях же я не фигурально говорю, ибо сверх того, что я вместе с почившим в Бозе высокопреосвященным Антонием и прочими помянутыми выше людьми был выдан за бунтовщика и заговорщика и подвергнут всегдашнему надзору тайной полиции, но сверх того, у меня отнято по Министерству народного просвещения четырнадцать лет службы государственной по званию почетного смотрителя Корсунского уездного училища, и по Военному министерству за Севастополь не дано одиннадцать лет, предоставленных всем, участвовавшим в кампании сей, не только военным, но и гражданским чиновникам, каковым и я был в 1854 году, когда имел счастье представлять святые копии с чудотворной иконы великого старца Серафима Божией Матери «Радости всех Радостей» как для армий, так и для Большеспасского собора Зимнего дворца Его Императорского Величества.

В которое время мне от лица в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича сказано было, что никто более не утешил Его Величество представлением сих святых икон, как я, и что о том не только будет напечатано, но и я буду считан за одного из непоследних сподвижников этой войны, которая если и кончилась без надлежавшей славы и завоеваний для России, то не по моей вине.

Ибо я не обманывал Его Императорского Величества, что и теперь одинаково подтверждаю, и о чем хранится переписка в архиве Министерства Императорского Двора, что Царица Небесная во время парада в конногвардейском манеже и предшествовавшего пред ним священнослужения, как сказано было мне, обещала славу, почести и завоевания России, если исполнят волю Ее чрез меня, бедного грешника, недостойного милостей Ее, но все-таки щадимого Ею, возвещенную. А по вине человека, который, вопреки боголюбивейшему благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича усердию к Царице Небесной, дерзнул сказать, что он в помощи Божией Матери не нуждается, было проиграно Инкерманское сражение, а с тем вместе и вся кампания*.

Но Царица Небесная сдержала Свое слово, в 25-й день марта 1854 года мне объявленное кем-то невидимым, но истинно, а непрелестно слышанным мною. Ибо кто же, как не Она, помог продолжать эту беспримерную в летописях мира осаду Севастопольскую в течение одиннадцати месяцев. Чудотворная Кашперовская икона Божией Матери особенным чудом не была допущена, по собственной Ее воле, на южную сторону, а обнесена только около северной стороны Севастополя. Северная сторона и осталась за Россию неразоренною.

Икона «Радости всех Радостей» великого старца Серафима только по второму высочайшему повелению была встречена в Севастополе, но помешена неприлично на Малаховском кургане и уже по третьему высочайшему повелению перенесена на Николаевскую батарею. Откуда же началось поражение Севастополя, как не с Малаховского кургана, что же осталось неразрушенным даже до добровольной сдачи севастопольской, как не Николаевская батарея? Итак, повторю еще раз, я не обманывал Государя всеподданнейше чрез его сиятельство господина министра Императорского Двора графа Владимира Федоровича Адлерберга, докладывая ему об обещании 25 марта 1854 года помощи Царицы Небесной.

И еще раз из священного для меня города Воронежа теперь повторяю, что не иначе как чрез Царицу Небесную и получит Россия отраду и милость Божию и возвращение прежней всепобедной славы своей, как чрез Ее небесное к Сыну Своему и Богу нашему предстательство при помощи верных заступников за землю Русскую, в особенности получивших от Бога дар покровительствовать ей, именно святителей Митрофана, Тихона и архиепископа Антония и священноиеромонаха Серафима. Опять повторю, из коих двое хотя и не канонизированы Святою Церковию, но, будучи заживо чудотворцами и Богоносными рабами Христовыми, теперь еще и больше имеют дерзновение к Богу.

В заключение сего письма моего долгом считаю прибавить факт, со мною по поводу сего случившийся в Симбирске в 1856 году. Известно его сиятельству графу Владимиру Федоровичу Адлербергу, что я просил его исходатайствовать мне дозволение представить для действующей армии знамя с изображениями Божией Матери явления Владимирского и «Радости всех Радостей» Серафимовского. На эту просьбу мою получил я ответ от его сиятельства из Николаева.

* Речь идет о главнокомандующем русской армией в Крымскую кампанию князе А.С. Меншикове.

Но я считаю теперь приличным пояснить причины, побудившие меня к сему, как относящиеся прямо до Воронежа, и вот почему именно: во все время севастопольской кампании, с тех пор как икона Божией Матери «Радости всех Радостей» с 7 октября, как уведомил меня граф Владимир Феодорович Адлерберг, была туда отправлена, с тех самых пор я вполне, но не знаю по какому-то странному настроению души моей, разгадка которого, впрочем, выше пояснена, я совершенно сочувствовал всем переворотам, и радостным и скорбным, этой войны.

Но когда я отправил помянутое выше письмо к господину министру Императорского Двора его сиятельству графу Владимиру Феодоровичу Адлербергу, что совпадало со сдачею Севастополя, то в ночь с 27 на 28 августа я такую тяжкою посещен был болезнью, что во время выборов наших симбирских дворян в милицию с 28-го числа уже не мог быть на выборах, меня точно как будто бы раздавило между камней, и потом я вынут был из них: ни одного члена здорового не было, так что и лицо мое видимо было как раздавленное, но как тяжело было страданье внутреннее только Богу известно.

Я хотел было взять лекарства в аптеке, мне казавшегося полезным, но аптека была заперта, посылал за священником, чтоб исповедаться и причаститься, но и священника не нашли ни одного или сказали, что нет дома. В неизъяснимой безнадежности я ждал лишь смерти одной. Вдруг в это тяжелое время я услышал голос великого старца Серафима: «Что же ты скорбишь так при настоящей посетившей тебя болезни и думаешь, что ты тяжело страдаешь? А если бы ты знал, каково теперь раненым севастопольским, то поверил бы, что твои страдания ничтожны в сравнении с их теперешними страданиями. А ты ведь считаешь себя соучаствующим в их делах, то попробуй хотя немного разделить с ними их теперешнее бедствие, – тебе тяжело, а им и того еще тяжелее».

Я подумал, «что же это такое за день ныне, что им тяжелее теперь прежнего?» Впоследствии разъяснилось, что то был день сдачи севастопольской и они [(раненые)] во множественном числе были оставлены на произвол судьбы, то, разумеется, их страдания превосходили всякое воображение, а мое в сравнении с тем было ничтожно. Но и не зная того, я от одной беседы сей невидимого посетителя почувствовал, что мне стало полегче. И я задремал, но не то, чтобы крепко, ибо боль не давала мне спать.

И я увидел себя здесь в Воронеже – в Архангельском соборе на том месте, где были некогда мощи святителя Митрофана в течение года первого с открытия их, и на пальце правой руки моей бывшее бриллиантовое, с вензелевым высочайшего имени Николая I изображением, кольцо, жалованное 2 октября 1854 года, вдруг лопнуло и разломилось на две части, так что средние два солитера*, бриллианты и вензель, разделились надвое. Одна часть кольца отпрыгнула направо, а другая налево; с великим трудом отыскал я их и, найдя и сложив на пальце, стал, обливаясь горькими слезами о такой горестной для меня разломке перстня моего, дуть на них ртом, воображая, что можно будто бы мне их спаять духом моим. Плакал же горько я о том, что Государь Император Николай Павлович скончался и что кто же без него возвратит мне милости его.

И вот опять тот же сладкоутешительный голос стал со мною говорить: «Не унывай, не огорчайся, что это так случилось, и не отчаивайся. Господь утешит тебя и все, испорченное теперь, исправит некогда. Послушай, что поют, и погляди, кто поет на левом клиросе». А где были некогда мощи святителя Митрофана и где я тогда находился, то был правый клирос, и я увидел на левом святителей Воронежских троих: Митрофана, Тихона и Антония.

* Солитер – отдельный крупный бриллиант.

И они сладко-тихим и неимоверно приятным голосом пели: “Радуйся, Неискусобрачная, миру спасение рождающая», – беспрестанно повторяя сей отрадный припев Царице Небесной: «Не горюй же, надежда твоя на Царицу Небесную и на помощь Ее Святой Русской земле не погибнет втуне, видишь ли, святители Воронежские, все трое, молятся за Россию Божией Матери, и ты с ними молись Ей, и Она утешит тебя и возвратит «пленение наше, яко потоки югом»”.

Теперь, когда один из них, тогда еще неканонизированный явно, причислен уже и всенародно к лику святых, я счел нелишним присовокупить ко всему вышеписаному и это не сновидение, но почти явное откровение. Свидетели же болезненного моего состояния были и, вероятно, не отрекутся засвидетельствовать правду слов моих, теперь Вашему Высокопреосвященству сообщаемых: симбирские дворяне Сергей Николаевич Амбразанцев, Иван Васильевич Фатьянов и Алексей Васильевич Бестужев.

Рассказав это все Вашему Высокопреосвященству, мог бы я и остановиться и покончить без того длинную рукопись письма моего или докладной записки, но как в ней помянуто об откровении, великому старцу Серафиму в ночь с 3-го на 4-е число сентября 1832 года бывшему, о всей жизни моей, и в беседе своей о том он рассказал мне и о борьбе своей с бесами 1001-дневной и 1001-ночной неправильно, как я уже выше сказал, называемой во всех изданиях стоянием 1000-дневным и 1000-ночным на камнях, – то долгом моим и не безместным делом считаю и о сем прибавить рассказ. Вот как это было.

В 5-й день сентября 1831 года великий старец Серафим исцелил меня от трехлетних тяжких болезней, на которые в последствии времени мне необходимо было взять свидетельство от инспектора Симбирской врачебной управы Либгольда – буду говорить сколько смогу короче, – которое представляемо было Его Императорскому Величеству, когда он изволил быть Наследником Престола, и я представлял ему всеподданнейшую записку о делах моих с татарами, по коей он, видя правоту мою и обиды, делаемые мне татарами, надписал Своею Августейшею рукою: «Помогчи Мотовилову», кое хранится и доселе у меня, а всеподданнейшая записка в Комиссии у принятия прошений.

Исцеление было так. Когда принесли меня к нему, великому старцу Серафиму, в близкую его пустыньку – на поляну первую его, называемую ближнею пажинкою, недалеко от речки Саровки, – то он – оставляю все предварительные святые речи его – сказал мне:

– Веруешь ли ты, батюшко, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог и истинный Человек, а не просто только мудрейший из людей, как некоторые погрешающе о Нем ложно мудрствуют?

– Верую, – отвечал я ему.

– Веруешь ли, что Царица Небесная Святейшая всех святых Пренепорочная Владычица наша Богородица, Дева прежде рождества, Дева в рождестве и Дева после рождества и вовеки пребывает нетленна, тридневно воскресши из мертвых с Сыном и Богом Своим и нашим, и ныне устрояют спасение наше?

– Верую, – отвечал я ему.

– А веруешь ли, что Господь наш Богочеловек Иисус Христос вчера и днес Той же и вовеки и как прежде творил чудеса, и исцелял словом одним всякие недуги и болезни человеческие, и бесов изгонял, так и ныне может все то делать, как и прежде творил?

– Как же не веровать, – сказал я ему, – да если бы не веровал, так я бы, будучи столько тяжело болен, и не решился бы приказать вести себя к вам, батюшко, в таком расслабленном положении. Но я веровал, верую и непрестанно веровать буду, что Господь наш Иисус Христос есть Сын Божий Единородный Богочеловек, истинный по Божеству и по человечеству, и не Божество престало быть Божеством, но человечество обожилось, и за всем тем Он в двух естествах неслитно познавается. Верую, что Пречистая Богородица – Вечная Приснодева и Заступница моя.

– И что как прежде всегда Он творил чудеса всякие, изгоняя бесов и исцеляя всякие недуги и болезни в людях, так и ныне за предстательством Божией Матери мог и может то сотворить, но я много согрешил пред Ними и за премногие грехопадения мои не имею к Нему дерзновения. Вот почему вспомнил о Вас, что Вы еще маленького семилетнего благословили меня и что Вы истинный угодник Божий и Царицы Небесной. Я и велел себя к Вам вести, чтобы Вы исцелили меня.

И он, радостно взглянув на меня, сказал:

– А если веруешь, так ты здоров, батюшко, вставайте и ходите, ваше Боголюбие, вы совершенно здоровы и не имеете нужды ни в чьем врачевании.

– Я не могу встать, – отвечал я, – ибо четверо держат тело мое, а пятый голову. Вы видите, что сам двинуться не могу. Как же мне встать?

– А вот как, – сказал он мне, приказав отступить от меня людям моим, поднял меня обеими своими руками немного на воздух и как бы пригнетая потом к земле. – А вот как, – продолжал он, – видите ли, ваше Боголюбие, каким молодцем вы стоите?

– Да это Вы меня изволите держать, – отвечал я ему, – так я по милости вашей поневоле твердо стою.

– Нет, – улыбаясь, отвечал он мне. – Нет, – отняв от меня руки, – вот вы и одни, а все-таки молодцем твердо стоите, идите же теперь, Господь вас исцелил.

– Простите меня, – отвечал я ему, – я если пойду, то упаду и расшибусь, и буду более еще прежнего болен.

– Нет, – отвечал он, взявши меня за руку, повел по земле, и я пошел не спотыкаясь. – Ну, как же еще лучше ходить? – спросил он меня. – Вы теперь совершенно здоровы.

Отняв от меня свои собственные руки, стал толкать сзади, говоря:

– Идите, ваше Боголюбие, видите ли, как вы славно ходите, и ходите же всегда так. Господь исцелил вас совершенно.

Вот почему я говорил выше сего, что душа моя много видела чудного Божиего, и потому, озаряемая Божиим светом, одна она могла вполне уразумевать уже рассказанные отчасти падения и страдания мои.

Пропустить должен я почти более полугодом, в кои в 1831 году вызван я был официально по воле попечителя Казанского университета в звание почетного смотрителя Корсунского уездного училища и даже советом университета и училищным комитетом утвержден был в сем звании.

Оставалось только Мусину-Пушкину* оправдать свой честный и благородный вызов добросовестным исполнением своей обязанности – представить господину министру народного просвещения о надлежащем меня утверждении в сем звании по его непринужденному вызову. Но вот у нас как все делается в России – нам говорят и велеглаголиво проповедают печатно: учитесь, оканчивайте курсы в университетах, вам отворят двери повсюду в государственной службе – и кричат: «Дворяне русские лентяи, не брегут о службе Русской земле и Ее Самодержцам», требуют от студентов о непринадлежности ни к каким тайным обществам, а тем более к ложам масонским, а как дело дойдет до службы, то под руку и станут предлагать вступление в ложу именно масонскую.

* Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795-1862) – сенатор, попечитель Петербургского и Казанского учебных округов.

Если же вы откажетесь, убоясь Бога, и чистой совести, и присяги, ибо я, будучи еще не действительным, а проходящим курс учения студентом, присягал на три дня в верноподданничестве Императору Константину Павловичу и потом в Бозе почившему Благочестивейшему и в душе истинному христианину великому пред Богом и человеками Императору Николаю Павловичу, – так и скажут вам точь-в-точь как вышеупомянутые бесы сказали – только иными словами скажут вам, как мне сказал бывший симбирский губернский предводитель князь Михаил Петрович Баратаев: «Ну так я вам скажу, что силою гран-метрства Симбирской ложи масонской и силою великого мастерства Санкт-Петербургской ложи запрещу вам давать почетное смотрительство Корсунского уездного училища, потому что казанские масоны подчинены ложе Симбирской и Мусин-Пушкин не только двоюродный брат мой, но и подчиненный масон, так он должен исполнить волю мою, а в Санкт-Петербурге и подавно не посмеют противиться мне».

Так вам откажут в месте почетного смотрителя, если вы не покоритесь добрым, дескать, и милостивым к вам предложениям. И вам придется, может быть, как и мне пришлось, сказать в ответ: «А я уверяю вас, что силою Господа моего Иисуса Христа, которого вы масонством вашим гоните, я за предстательством Царицы Небесной непременно получу и именно Корсунского, а не иного какого-либо училища место».

Что и удостоил Бог получить чрез четырнадцать лет, и что удивительнее всего, то и объявлено было мне о том именно 1845 года 14 сентября – в день Всемирного Воздвижения Честного и Животворящего Креста Христова, как бы в знамение того, что истинны слова, во сне за три дня до Покрова Пресвятой Богородицы в 1836 году сказанные мне Святейшим Патриархом Иерусалимским Макарием, державшим в левой руке истинный Крест Христа Спасителя, на коем распят Он был: «Вот смотри: Крестом враги побеждаются, от Креста бесы бегают, и Крест – красота и спасение душ наших».

Но пропуская даже и то, как великий старец Серафим в 1832 году объявил мне об участии декабристов и всех единомышленников их, под какими бы то благовиднейшими или гуманными названиями ни проявлялись они в России, стараясь в ней не только конституционное, но даже республиканское или, как ныне называют, коммунистическое правление устроить с единственной целью, чтоб истребить род Царский Всеавгустейшего Дома Романовых или по крайней мере лишить Его Самодержавства, о чем я всеподданнейше докладывал Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу в 1854 году и за что он благодарил бывшего господина министра народного просвещения Авраама Сергеевича Норова, сказав ему, что я ему великую тайну государственную открыл и она ему очень много помогла, и что он желает, чтобы он обратил на меня особенное свое внимание, должен я, наконец, сказать, что великий старец Серафим в 1832 году весною приказал возвратиться мне домой к себе в Симбирск.

И когда там отказано было мне в руке Екатерины Михайловны Языковой и генерал Мандрыка в доме тетки ее Прасковьи Александровны Берх сказал при мне, что она уже помолвлена, то со мною сделался удар и я лишился рук и ног, и болезнь моя прежняя обновилась в сильнейшем градусе.

Вот тогда-то я услышал об открытии мощей святителя и угодника Божиего Митрофана, велел везти себя прямо в Воронеж – слышал, что там и архиерей Антоний столько же святой жизни, как батюшко отец Серафим, – но велел все-таки, хоть это и не по прямой дороге было, завезти себя к великому старцу Серафиму в Саровскую пустынь.

Дорогой в родовом городе моем Арзамасе, ибо мы некогда по государственным спискам были писаны арзамасцами Мотовиловыми, каковыми и числились в актах, я встретил икону Божией Матери Владимирско-Оранской многочудотворную, как будто благословившую путь мой, и услышал радостную речь гостинника Саровского подворья, где я останавливался для отдыха, отца Иакова Сухорукого: «Несть сия болезнь к смерти, но о славе Божией, да прославится ею Сын Человеческий».

Когда же привезли меня к великому старцу Серафиму в Саровскую пустынь и принесли в его монастырскую келлию, он сказал мне, что получил письмо мое, в коем я писал ему, что по его словам святым, касательно Языковой сказанным, я пошел было как святой апостол Петр по волнам, но, видя ветр крепок, убоился и чуть не утонул в волнах. И вот когда сбылось со мною выше сейчас сказанное об ударе при вести о ее помолвке, я чуть не умер и, теперь будучи сильнее прежнего болен, велел себя везти в Воронеж, но по дороге и к нему, духовному отцу и благодетелю моему, заехал, чтоб получить благословение его на путешествие в Воронеж.

И когда, расспросив меня подробно и о причинах, влекущих туда, узнал, что я: 1-е. Желая там исцелиться молитвами святителя Митрофана. 2-е. Узнать, что такое суть мощи святые. 3-е. Познакомиться с высокопреосвященным Антонием, как подобным ему угодником Божиим. 4-е. Видеть там Государя Императора и просить его о помещении меня на службу государственную, пожаловавшись ему о несправедливом мне отказе в месте почетного смотрителя Корсунского уездного училища. И 5-е. Просить Его Императорское Величество о защите меня по тяжёлым делам – как от татар, так и помещика Осоргина и о прочих, о чем ныне в июне месяце в 22 пунктах я должен был в рукоприкладстве Межевой канцелярии сего 1861 года подробно пояснить, – то великий старец Серафим, умолчав до времени о 3, 4 и 5-м пунктах, начал говорить по второму – о нетлении святых мощей.

Сокращая его беседу, скажу лишь о сущности его слов, именно, что нет ни одного кладбища православного христианского, где бы не было хотя одних мощей святых, что нетление дается всякому православному христианину, а не только монаху или монахине и дается единственно лишь за благодать Духа Святого, жившего со духом человеческим в душах и плотях наших, и что все те места, где Дух Святой жил в человеке, те и останутся нетленны за его Святыню, а где жила тьма греховная или, как мне позже сказано было и выше, значит тьма творная, – те места истлеют по непреложному слову Божию, земля еси и в землю пойдёши.

Что если же и находятся тела совершенно нимало не истлевшие, то это не святонетленные мощи угодников Божиих, но предающиеся тлению за клятву Божию, лежащую на них, тела грешников, и если Святая Церковь помолится о разрешении грехов их, то они и истлевают совершенно в одно мгновение, не будучи достойны славы святонетления, только одним истинным угодникам Божиим предоставленной.

Что открытие мощей святых совсем не есть дело административное – как несправедливо богохульствуют непонимающие путей и дел Божиих человекоугодливые антихристиане, – и совсем не для того Господом Богом посылается, чтобы доказывать только одно Православие веры – того царства или царствования, в которое открываются святые мощи, и что мы того достойны и потому, будто бы нельзя в одно царствование более одних мощей святых открывать, – как те же, превратно толкующие веру нашу, люди несправедливо утверждают, но что открытие святых мощей есть дело одного лишь только Промысла Божиего, благочестивых людей священно-тайно наставляющего быть орудиями всеспасительной Его деятельности. И дело лишь только единственно Промысла Божиего, сколько, когда и где открыть мощей святых.

Что святые мощи угодников Божиих суть безмолвные, но паче труб и громов небесных благовестники воли Божией, зовущей нас на покаяние и единственно на сей лишь предмет, когда Церковь Святая будет погрязать в неблагочестии, растлевающим большую часть ее членов.

Тогда-то и воздвигает Господь открытие почивших в благодати угодников Своих, как некогда посылал живых пророков возвещать людям Божиим волю Его Святую, влекшую их на покаяние. Но тогда были люди простее и верили, что можно быть святым и вдохновляться Духом Святым и заживо, поэтому можно было посылать и живых пророков, и проповедников покаяния, а так как в последние времена наша вера и благочестие исчезают из среды людей, богохульство же, кощунство над Святынею и совершенное неверие в Бога и во Христа Его, и в пресущественное общение с людьми Святого Духа и пребывание Оно в людях берет верх над святою верою и умножается.

Так что если и есть люди ныне между нами Богоносные, чрез которых мог бы действовать глагол Божий, то и им не поверят, а скажут, что они ханжи, изуверы и заблуждающиеся от истинного Божиего пути люди. Или хотя поневоле и принуждены будут сознать, что в них действует действительно Дух Святой, но все-таки скажут так: «Что же? Ныне действует Дух Святой, а потом могут сии пророки Божии и согрешить, то какие же они благовестники глаголов Божиих?» А потому, колеблясь сомнениями, и доброму Боговдохновенному слову их не поверят.

И вот по этой-то причине и воздвигает Господь в наши времена открытия мощей святых. И блаженны те, которые способствуют тому и удостоиваются быть орудиями Промысла Божиего на совершение подобных святых великих Божественных дел Его благости. Ибо действительно благословен от Господа Бога царь и благословенно царство, в котором и при котором совершаются подобные великие знамения неотступности от них Всеспасительного Промысла Божиего, зовущего всех и каждого на истинное от всех дел и начинаний злых всесовершенное покаяние.

И тем закончив речь свою, сказав, что открытие мощей святителя Митрофана есть прямое дело преимущественно Государя Императора Николая Павловича, не убоившего[ся] и того, что-де про него скажут в Европе мнимопросвещенные люди, а подражавшего святым предкам своим. Великий старец, повторив и весною того года в четверток на Святую Пасху сказанные им мне слова о нем, что он в душе христианин, и многими другими ублажив похвалами, продолжал, обращаясь к первому моему желанию исцелиться в Воронеже от святителя Митрофана:

– А что, ваше Боголюбие, разве вы не хотите у меня получить исцеление? Ведь прошлый год я совершенно исцелил вас, и вы были здоровы и теперь таким же образом были бы, когда бы сорбь вас не убила так, как вы мне сказали. Ну так не исцелить ли мне вас теперь самому?

Я отвечал:

– Извольте, батюшко, с радостью, я от всей души моей и у вас прошу исцеления моего, я и в Воронеж, когда так, не поеду. Только хотелось бы с тамошним архиереем познакомиться, с Антонием, он, говорят, такой же, как и вы, служитель Господа и Божией Матери, да и с Государем надобно бы повидаться, я замучился с тяжкими делами, без денег ничего не сделаешь, а уж и денег недостает на защищение своей правоты, так хотелось бы Его Величество попросить, чтоб защитил меня. А исцелиться я рад и у вас, батюшко, исцелите меня бедного.

И он, задумавшись, немного помолчав, сказал мне:

– Ведь вот, ваше Боголюбие, я не по Бозе вам сказал, что я вас сам прошлого года исцелил, оно хотя и чрез меня, убогого Серафима, дано вам исцеление, но все-таки Господом нашим Иисусом Христом и по предстательству о вас Самой Божией Матушки Его. А что, можно ли вам пробыть еще денек здесь и переночевать?

Я сказал, что с величайшим удовольствием остаюсь и готов хотя и вовсе не ехать в Воронеж.

– Нет, – отвечал он, – сем-ко помолимся лучше Богу, чтобы Он возвестил нам, что мне делать, самому ли вас исцелить или отпустить вас на исцеление в Воронеж. То так-то, ваше Боголюбие, вы переночуйте здесь у нас еще ночь, а я помолюсь Господу, что Он возвестить изволит мне о вас. Так грядите-ко на гостиницу, а я помолюсь, завтра ко мне после обеда пожалуйста с отцом Гурием в ближнюю пустыньку мою.

Когда же на следующий день привезли меня к нему в ближнюю пустыньку и когда снесли меня с горы, и найдя под горою на двух длинных грядах двух стариц его Дивеевской общины, выкапывающих картофель, ибо это было 4 сентября 1832 года, то отец Гурий по необыкновенной теплоте того дня, сняв с меня плащ мой, отдал им на сохранение, а меня понесли прямо за колодезь, к месту, в шестидесяти шагах от одного отстоящему, где в лесу, в долочке и в месте, окруженном липами, как в беседке, сидел великий старец Серафим и беседовал с нынешнею, как потом узнал я, церковницею Дивеевской Девической Мельничной его обители и, увидав меня, носимого людьми моими в сопровождении отца Гурия к нему, поблагословив ее, указал ей, куда идти, а мне махнул рукою, чтоб меня поднесли к нему.

И посадив меня на трех картофельных грядочках тут в шестидесяти шагах от его источника и доселе видимых, против которых прошлого, 1860 года, после моего отъезда из Саровской пустыни в Задонск и сюда, в середине октября месяца или несколько позже того, забил столько же сильный источник из берега речки Саровки – никогда тут небывалый, что течение из русла его малым чем разве менее того, как и у источника чудотворного великого старца Серафима, батюшка сам стал копать картофель и начал говорить со мною.

– Вот, ваше Боголюбие, вчерашнего дня мы положили с вами мне помолиться Богу, что Он изволит сказать: мне ли исцелить вас Его благодатию, как Он прошлого года мне удостоил то сделать, или отпустить вас в Воронеж, я так и молился Богу. Но Господь открыл мне всю вашу жизнь от рождения вашего и до успения вашего.

– Что же в ней будет со мною? – спросил я.

И он отвечал:

– Этого Господь не велел мне сказывать вам, потому что в таком случае вы ни во грехах ваших виноваты не будете, ни в правде вашей не за что будет награждать вас. Ибо если Господь станет наказывать вас за грехи, то разве вы не вправе сказать Ему: «Господи, да ведь раб Твой Серафим от лица Твоего мне уже возвестил, что я нагрешу так много, то за что же Ты меня так наказываешь?» А если Господь вздумает вознаграждать ваше Боголюбие за правду вашу и за добродетели ваши, то разве враг диавол не сможет сказать Богу: «Господи! за что же Ты вознаграждаешь его так много, что тут мудреного, что он наделал столько добра, что он не боялся меня и так сильно противуборствовал мне, разве Серафим не сказал ему всего этого заранее от Лица Твоего, а ведь он ему верил, как Самому Тебе. Так в чем же тут заслуги его? Эдак и всякий бы еще и больше его сделал бы, когда б ему от Тебя заранее обо всем было уже наврное сказано».

– Вот отчего, ваше Боголюбие, и вам не позволено мне открывать всей вашей жизни и всего, что в ней будет, да и другим никому об полноте судьбы его Господь не дает знать, а если и возвещает иногда, то лишь только избранным Своим, и то не все, но отчасти о свидениях судеб Своих, как в зеркале, или видении откровений Божиих, и то для того, чтобы они от великих напоров врага, от его ожесточенной брани, которую видит Господь, что он воздвигнет на них, не отчаялись и имели хотя малую отраду в скорбях своих, хотя некоторый свет во тьме козней врага дьявола, коими, по допущению Божиему, они могут быть впоследствии омрачаемы.

– И если бы таких отчасти откровений о судьбах человеческих не давал бы Бог избранным рабам Своим, посылаемым от Него в подкрепление миру, то не убы спаслася всяка плоть от хитросплетенных козней врага дьявола и всегубителя. И вот почему мне Господь и вашему Боголюбию не все велел открывать в подробности, а лишь только то, что благодать его изволила отчасти вам чрез меня возвестить.

– Одно вам скажу и главное, что если бы не Сам Господь и Божия Матерь возвестили мне о вашей жизни, то я бы не поверил, чтоб могла быть такая жизнь на земле. Ибо мне Господь сказал, что у вас в жизни все духовное с светским и все светское с духовным так тесно связано, что ни того от другого, ни этого от того отделить нельзя, и что за всем тем Он Сам изволил назначить вам такую жизнь, и что будущее человечество сим лишь путем пойдет, если захочет спастися, и что на все это есть Его собственная воля, и что поэтому-то лишь Он дозволяет мне открыть вам нечто из жизни вашей, чтобы от трудности пути вашего вы без того не погибли бы вовсе.

– Что же, батюшко, будет со мною? – спросил я.

И он продолжал:

– Я, ваше Боголюбие, плохо учен грамоте, так что с трудом подписываю мое имя, а грамматике и вовсе не учился, однако же читаю не только по церковной, но и по гражданской печати борзо и так скоро, что книги по две или по три мог прочитывать и прочитывал в сутки. А память такую имею, от Господа мне данную, что, пожалуй, могу вам от доски до доски все наизусть прочесть – такую сильную память Господь Бог мне изволил пожаловать.

– Так я хотя и плохо учился грамоте, а грамматике и вовсе не учился, но знаю очень много и более многих ученых людей, потому что много тысяч книг содержу в свежей памяти, да и даром премудрости и рассуждения, свыше от Него подаваемого, Господь Бог после всех страданий, что я ради имени Его Святого в жизни моей претерпел, меня обильным благословить изволил. Я вашему Боголюбию скажу просто, почти наперечет, сколько и где я книг перечитал, чтобы вы и сами видеть могли, что я в Писании Церковном и светском силен таки довольно.

– В нашей саровской библиотеке, мною я, тысяч пять с половиною будет экземпляров, а в иных, как, например, в Ролленевой Истории, перевод Третьяковского тридцать томов. И я всю нашу библиотеку прочитал, так что даже и книгу о системах миров, и даже Алкаран Магометов*, и другие подобные книги читал. В иных книгах, вот, например, у Третьяковского, тяжел язык, но я смысла добивался, мне хотелось все узнать, что на земле делается и что человеку Бог на веку своем узнать допустил, потому что подобает и ереси знать, да их не творить, и Сам Господь говорит в Библии: Егда умножится ведение, тогда откроются тайны; у господина Соловцева – две тысячи пятьсот книг русских, и их прочитал все до одной; у Аргамакова господина – тысячи полторы книг, и его библиотеку всю прочитал; у княжен Бабичевых – они благодетельствуют же Саровской пустыни – и их книги все прочитал; у братии и отцов святых нашей обители у кого тридцать, у кого семьдесят все брал на прочтение и все прочитал.

– Неудержимая, ваше Боголюбие, была у меня охота к чтению, и все эти книги прочитал, духовные и светские, и все хорошо обсудил, потому что я не столько читал, сколько рассуждал о прочитанном и все соображал, что и как получше бы для Богоугождения сделать. Ну, так вот я вам в подробности сказываю, что уже не знаю, кто еще на русском языке, по церковной и гражданской печати, так много читал.

– И это не велехвалюсь говорю, а чтобы вы знали твердо, что я много на земле сущего знаю, а Бог и неведомые тайны Свои сверх того открывает, как и о вашей жизни открыл, а все-таки жизни, подобно вашей, нигде я не вычитал, а если б Бог не уверил меня в ней, что она именно такая, что и десять житий святых угодников Божиих вместе сложить и десять жизней великих светских людей, каковы Суворов и другие, вместе сложить, то и тут во всех их двадцати жизнях еще не все то сбылось, что с вами с одним сбудется, то я не поверил бы, чтобы все то могло в самом деле так быть. Но мне Господь именно так сказал. И я верую, что слово Его непреложно и все то будет так, как мне открыто, а из сего нечто и вам самим дозволено открыть.

– Вот для примера я вам скажу: помните ли, как прошлого года я говорил, что у вас была мысль, что будто бы можно и в миру живучи получить такую же благодать, как в отшельничестве? А я, скажу в скобках, думал, что если Господу угодно будет, то при Его Святой помощи и в рай Адамов смогу я достигнуть, лишь бы Он мне то благословить изволил, как благословил святому Марке Фраческому и другим святым угодникам Его.

– Но я вам говорил, – стал далее продолжать батюшко отец Серафим, – что этого невозможно достигнуть, живучи в миру, желая жениться, желая заниматься службой государственной и устраивать великие предприятия, подобные тем, о коих вы задумывали, и что люди, возлюбившие Господа всею душою, как и ваше Боголюбие, возлюбили Его, о чем Господь Сам мне сказал, что вы Его истинно любите, что такие люди не только не желали и не добивались всего того, что вы желаете и чего добиваетесь, но жен, детей, чины, богатство, славу, почести, все радости земные и маловременные, оставляя, убегали в пустыни и там в девственной жизни, в самоизвольной нищете и во всех злостраданиях будучи, стяжевали благодать Всесвятого Духа Божиего, какую вы, в мире живучи, думали, что можно и мирскому человеку подобно им получить.

* Имеется в виду Коран.

– И я вас не обманывал, говоря, что этого нельзя мирянину достигнуть, и я по Бозе вам сказал. Но ныне, напротив того, и это мне Господь открыл, что эта мысль в вас была не ваша, а Он Сам вам заложил ее, и Он Сам споспешествовал вам в развитии ее и в укреплении в вас самих, и что Он вам назначил показать на земле этот образ спасения, чтобы и мирские люди были причастниками тех же даров Духа Святого, как и отшельники, если равномерные с ними труды, подвиги, злострадания, претерпенные до конца, Христа ради и всего находящего на них они доброхотно решатся взять на себя.

Потом, рассказав мне все до предостережения от хулы на Духа Святого, относящееся выше в самом начале сего мною сказанное, он продолжал:

– Господь мне еще велел сказать вашему Боголюбию, что вы какое-то дело великое задумывали и года с три занимались бумагами по нему – то ли это банк какой-то, или как иначе называл Господь, только Он приказал сказать вам про то дело ваше, при котором думали вы пять миллионов душ барских крестьян переселить в Сибирь и увлекались очень мыслями о Барабинской степи, думая и на ней тысяч до трехсот душ поселить, – то Господь приказал вам сказать, что эта мысль ваша о банке угодна Его благодати, и Он Сам положил вам ее по сердцу, и Сам помогал в обдумывании ее.

– А селить крестьян по Барабинской степи не приказал, потому что это было некогда дно моря Аральского, соединенного с Каспийским, и Черным, и Азовским морями, которое до Пелопоннесского потопа, когда прорвались Дарданеллы, было на огромное пространство одним морем. Когда же прорвались горы, препятствовавшие слитию вод его в другие нижайшие океаны, то эта степь, бывшая прежним глубочайшим дном его, по слитию вод сих сохранила и до сих пор множество озер – остатков этого дна морского.

– И по испарениям зловредным от сырости, окружающей эти озера, существует с тех пор во всей Барабинской степи сибирская язва. И хотя тамошние жители и скот их поражаются ею, но они уже освоились с нею и изобрели способы лечения ее, а потому она не с такою силою действует на старых и давно привыкших к действиям ее жителей, а на новых людей действие ее будет крайне пагубно.

– А потому когда во время свое вам доведется переводить этих людей несколько миллионов, которых вы предполагали по тайному Божию на то соизволению и внушению Его переводить туда на новые земли, то Господь приказал сказать вам, чтобы вы не селили людей по Барабинской степи, а поселяли бы в тех местах, где воздух чист и изъят от всякой заразы и где текут чистые свежие воды. Ибо там им придется жить не сто, или пятьсот, или тысячу годов, но столько, на какое время Господь благоизволит продлить размножение рода нашего человеческого.

– Но Господь провидел и то, что вы скажете: «Разве не Всемогущ Господь, разве не может отстранить эту язву?» – то приказал и на это сказать: действительно Всемогущ, но Он вместе с тем праведен и постоянен в воле Своей, и, дав однажды пределы, устав и чин естеству, Он без особенной нужды не изменяет их никогда. А провидя вред, могущий быть от них людям Своим, Он извещает о том тех, кого избирает на свершение Своих дел, и чрез то дает им знамение во еже бежати им от лица лука, то во время свое вспомните это, ваше Боголюбие, и волю Божию не забудьте исполнить.

– А о том, что у вас теперь злые люди отнимают земли, имения, чины и отличия и препятствуют вам в службе государству Русскому и Его Императорскому Величеству, не горюйте, батюшко ваше Боголюбие, во время свое Господь все вам это сугубо возвратит. Какой чин дадут вам, не знаю, как назвать и разъяснить, а только скажу, что сделают вас великим кавалером, тогда помянете слова убогого Серафима, и это не мои слова, но слова Господни, вспомняете же, что я вам о том по Бозе говорил.

Он далее продолжал о борьбе своей с бесами, начав речь свою так:

– Господь и то открыл мне, что у вашего Боголюбия, когда вы читывали святых жития в Минеях Четиих, рождалась нередко мысль, как бы хорошо побороться с бесами, как славна победа над ними и что как вы и сами с ними храбро поборолись бы, когда бы и у вас дело дошло до того. Оно все это точно хорошо, когда Господь подаст помощь в том и не только не допустит погибнуть, но и победу изволит над ними дарствовать человеку Своему.

– А все-таки надобно крайне беречься, чтобы не вызываться самому на эту крайне опасную и отчаянную борьбу, потому что тут уже середины нет – или победа, или смерть – и при самомалейшей на себя самого надеянности и самые великие чудотворцы погибали. И потому, всячески смиряя себя, надобно человеку, елико возможно, избегать этой борьбы, не обольщая себя высотой наград за нее, победою увенчанною, предоставляемых Господом победившему. Ибо если сами выходить будем на эту битву без особенного Божиего звания, то и конец не известен, чем Господь благоволит нам покончить оную.

– Я сам, убогий Серафим, на себе самом испытал эту борьбу с бесами и погиб бы совершенно, если бы Господь и Божия Матерь не помогли бы мне в том и не защитили бы меня от силы их. А сила их так велика, что и малейший из них ногтем своим может всю нашу землю в одно мгновенье, как мячик, повернуть и повернул бы, если бы в том не препятствовала им Всемогущая десница Божия, даже до того смирившая их за гордость и превозношение над Вседержительным Его Всемогуществом, что даже, как видим из примера Архангела Рафаила – по книге Библейской святого Товии, – и желчь рыба может его отгонять от людей.

Я спросил батюшку отца Серафима:

– А разве есть у бесов ногти?

Он отвечал мне:

– Как же, ваше Боголюбие, полный курс наук в университете кончили, а спрашиваете, есть ли ногти у беса? Разве сами не знаете, что бес хотя и падший, но все-таки ангел, то есть дух, а дух плоти и кости не имать, как сказал Сам Господь, хотя и бес может иногда преобразоваться и в ангела света, будучи ангелом тьмы.

– Но Святая Церковь, не могши никак чувственно представить для простых людей и Духом Святым не у премудренных все внутреннее и наружное безобразие духовное падших ангелов, принуждена представлять их в елико возможно большем для глаз наших чувственных доступном безобразии и потому поневоле их изображает с когтями, хвостом и всеми другими безобразиями, как, например, рогами, синим или черным цветом кожи, толстыми, обрюзглыми губами и высунувшимися клыками вместо зубов, и отвисшим языком, – в самом же деле этого нет у них, и они сохранили все первозданное свое ангельское естество. Но, лишившись благодати Духа Святого, сделались столько скарედными, что и это их изображение, какое им теперь Церковь придает, все-таки сноснее того, как они сами по безблагодатности и злости своей суть на самом деле гнусны поистине.

– Как же вы это знаете? – спросил я его.

– Как же не знать, ваше Боголюбие, когда я с ними очевидно боролся. Они так гнусны, что человек, не освященный и не исполненный вполне Духом Святым, не может и видеть их очевидно, ибо может умереть от ужаса, равно как подобному непросвященному же благодатию Духа Святого человеку невозможно видеть и ангела святого, ибо от одной радости от лицезрения сего, объять его долженствующего, умрет, пожалуй, он в одно мгновение. Но я благодатию и помощью Царицы Небесной остался невредим, и случилось это вот как со мною.

– Еще задолго до избрания Фотия в архимандриты Новгородского Юрьевского монастыря Святейший Правительствующий Синод указом предписал Саровской пустыни выслать ему для замещения настоятельского места над сею обителию такого человека, который бы по благодати был подобен иеромонаху Назарию, игумену Валаамской пустыни, взятому тоже из Саровской пустыни и исправившему там образ жизни монашествующих, до такого благочиния и благочестия, что слава о его собственной святине, и благоустройстве обители, и благочестии учеников его достигла до Санкт-Петербурга, по каковому поводу и для Юрьевского монастыря Святейший Правительствующий Синод желал получить из Саровской пустыни другого, подобного Назарию, старца.

– Так строитель и все братии старшие нашего монастыря и пришли ко мне в дальнюю мою пустыньку, где в оной я находился тогда, и объявили, что они меня избирают на это место. Когда же после многих отговорок моих и представлении им, что я в грамоте мало силен и с трудом подписываю имя мое и что я решился на достижение полного пустынного жития и милости Божией, ожидаемой от оногo, они все-таки приставали ко мне с угрозами и наконец предложили мне по примеру апостольскому решить дело это жребием, и пять крат выпадало все убогoму Серафиму быть архимандритом Юрьевского монастыря, то я горько заплакал, припал к ногам отца строителя и, обвив их моими руками, стал умолять, чтоб помиловали меня и оставили в пустынножительстве. А приползши на коленях к ногам иеромонаха Авраамия, сказал ему: «Сотвори, брате, любовь – замени меня и иди на это звание, а мне дай жить и умереть в пустыни, как я решился ради Господа Бога, и хочу того невозвратно».

– Тогда строитель и братия решились меня оставить в покое, а его послать в Санкт-Петербург. И после того месяца с два или три я был совершенно покоен. Но потом стали ко мне приходять многие из великих отцов Саровской пустыни, и не простые монахи, а старцы, явственною благодатию почтенные от Господа, и стали говорить мне, что я дурно сделал, отказавшись от пятикратного по жребию избрания на архимандритство, что я противник Божий и не могу ничего доброго приобрести для себя от пустынножительства после такого послушания явному указанию воли Божией – быть мне архимандритом в Юрьеве, что я здесь погибну, заблудясь от пути спасения, а там бы был многим тысячам людей вместо святильника и привел бы в несметном счете их во спасение.

– И это продолжалось до полугода. И я был в таком обуревании – душевном волнении и смятении, не знал, что мне делать, и только ко Господу вопиял, что Он Сам знает незлобие сердца моего и что не хотение послушаться воли Его Святой заставило меня отказаться от архимандритства, а подражание преподобному Сергию Радонежскому, который и от митрополитства Московского отказался, чтобы не лишиться плодов, начинавшихся в нем, – блаженного и богоблагодатного пустынножительства. Но слава Богу, отцы и братия оставили меня в покое, и я опять месяца два или три отдохнул.

– Потом напали на меня помыслы, что я действительно противник Божий и погибну в пустыни, то уже тяготы этой борьбы, ваше Боголюбие, я вам никакими словами выразить не могу, а только чтоб показать вам, как это тяжело и неудобовыносимо, то скажу, что я должен был часто ощупывать у себя на голове, тут ли лоб мой, тут ли затылок, чтобы увериться, что я еще не изуродован силою внутренних в крови моей тревожений и приливов крови к темени моему. Но и в этом мысль моя укрепилась, что Господь Сам свидетель чистоты намерений моих, и я успокоился – но уже ненадолго. Когда же твердо решился остаться в пустыни до того конца, когда удостоит меня Господь, от силы в силу восходя, достигнуть меры возраста исполнения Христова, то бесы явно уже стали говорить и нападать на меня, требовали, чтобы я покорился и поклонился им, и что если я послушаю их, то не только архимандритом, но и архиереем меня сделают и до митрополитства доведут; а в противном случае по-свойски со мною разделаются.

– Вот если вы помните Феофила, то Феофил пал, а убогий Серафим 1001 день и 1001 ночь благодатию Божиею стоял и устоял так, что они никакою силою не могли понудить меня к богоотступничеству. Но и тут если бы не Царица Небесная особенным Своим заступлением спасала и спасла меня, то они, как зерно пшеницы, растерли бы меня в прах на камне, на который бросались [на] меня с высоты верхушек лесных, а в келлии задушили бы меня, превращаясь в мошек и наполняя собою весь воздух так, что мне нечем и дохнуть было, кроме пыли этой бесовской, – одним словом, скажу – аще бы не Господь был в нас убо живых пожерли быша нас.

Я сокращаю рассказ великого старца и скажу, что он заключил его тем, что Бог даровал ему после того полную и равноапостольную силу над бесами и они не могли к тому уже приражаться ему, а делали только то, что совращали с пути тех, за кого он маливался Богу и кого спасти молитвами своими хотел, и потом в заключение всего прибавил: «Только вот что еще хочу я вашему Боголюбию сказать: знаете ли вы Симона Зилота?»

А так как он мне о многих соседних помещиках говаривал неоднократно, то я, не поняв, о чем дело идет, и сказал, что такой фамилии не слыхал я поблизости Сарова. “Да, – отвечал он мне, – не о помещике каком-нибудь говорю я вам, а о Симоне Зилоте иже и Кананит прозывается и был един от двенадцати апостолов, – так о нем и о его невесте хочу я вам сказать. Царица-то Небесная крайне любила и его, и невесту его. Когда Ее пригласили к ним на брак в Кану Галилейскую, то Она упросила и Сына Своего, Господа нашего идти туда же, а когда сели все за брачный пир, то Она и говорит тихонько Ему: Сыне мой, сотвори знамение, чтобы они уверились, что Ты не простой человек, но Сын Божий, Спаситель и обетованный миру Мессия, – а Он, как в Евангелии сказано, отвеща Ей: «Что Мне и Тебе, Жено; не у прииде час Мой», то есть: стоит ли того жених, чтобы сотворить для него знамение. Понимаешь ли ты, батюшко, о чем я и о ком тебе говорю?»

– Нет, батюшко, – сказал я ему, – я так прост сердцем и так малодогадлив, что не пойму хорошенько, о чем вы говорить изволите. Прошу вас говорить со мною попростее. Я верую, что устами вашими Сам Господь говорить изволит, и потому хотел бы понимать все яснее.

– Да я, ваше Боголюбие, – сказал он мне, – не о Симоне Зилоте, а о вас говорю. Я ныне видел Господа и Божию Матерь. Они мне сказали судьбу жизни вашей. Они же и о вас говорили при мне. Царица Небесная просила Господа нашего, а Сына Своего, Богочеловека Иисуса Христа, чтобы Он сотворил с вами знамение, а Господь спросил Ее: «Да стоит ли Мотовилов того, что Ты, о Мати Моя, просишь Меня за него?» И Она отвечала: «Стоит ли, или не стоит, но Ты все-таки послушай Меня и сотвори с ним знамение». И Господь еще сказал Ей: «Мати Моя, да Мотовилов не воздаст Тебе, как следовать будет, за добро Твое». Она еще, и в третий раз поклонившись Ему, изволила сказать: «А воздаст ли, или не воздаст, это уже не Твое, а Мое будет дело, а Ты не для него, но для Меня, Матери Своей, сотвори с ним знамение». После такого-то усердного умоления Ее и Господь обещал Ей сотворить с вашим Боголюбием просимую Ею милость.

– Так вот, батюшко, стоим ли мы, убогие, такой милости Господней и чем воздадим мы Царице Небесной за толикую Ее любовь к нам и неизреченную Ее милость? А Она, батюшко, немногого просит от вашего Боголюбия – вон видите ли там сирот моих, – и он махнул рукою тем двум, которые, как я выше сказал, копали картофель, и отец Гурий отдал им плащ мой, и они, подойдя, подали плащ. – Не плащ нужен, – сказал он, – а сами подойдите ко мне.

Когда они подошли к нему, то он, взяв по правой руке их, сложив обе их сии руки с моею правою и с моею левою рукою, взяв наши руки своими обеими руками и крепко сжав, держа их в таком положении, стал говорить ко мне:

– Царица Небесная просит, чтобы вы не забыли сирот моих сих и прочих с ними дивеевских и посылали им в память Ее милостей столько неизреченных к вам – по сту четвериков ржи* каждый год – и творили эту заповедь Ее ежегодно до успения вашего. Я отвечал:

– Не только по сту, но хотя по пяти сот четвертей.

– Батюшко, – отвечал он мне, – Царица Небесная заповедывает не менее ста четвериков, то есть пудовок, а не четвертей, а более сколько Господь вам поможет, это уже ваше дело и умножение таланта, но чтобы уже непременно присылку этих заповеданных ста четвериков ржи ежегодно творили без опущения по успению ваше. Разумеете ли вы, для чего это так и что это значит? В Писании говорится, что овые из рабов Господних приподоваху Ему на тридесят, овые на шестьдесят, а овые и на сто, – так вот в честь этого-то во сто трудов у плодоношения Она и желает, чтобы вы всегда творили эту заповедь Ее. Батюшко, у них место-то как рай Божий, и только недостает им садика одного.

Я подумал, что у меня в Нижегородской и Симбирской губерниях большие сады, так я насажу оный им сам, и только хотел было сказать, «позвольте, батюшко, я насажу им сад этот из моих садов», а он, зажав мне рот, сказал:

– А вы, ваше Боголюбие, умолчите да сотворите. – И потом, крепко держа наши руки в своих руках, сказал – Вот, батюшко, как мне Царица Небесная дала свое послушание служить им, так и я вам по Ее повелению приручаю из рук в руки при них самих при двух свидетельницах по слову Господню, при двоих или при трех свидетелех станет всяк глагол так и я теперь творю, потому что с которою беседовал, третья будет, – а им сказал: «Вот, матушки мои, вы все плакали и спрашивали меня, на кого я вас оставляю и кто после меня питать будет вас? Так духовною-то пищею Господь и Божия Матерь питает и напичивает вас всех, а во временной жизни – вот вам Сама Царица Небесная назначает питателя. Он будет питать вас во всю свою жизнь – после меня по смерть свою».

– Я говорю это ему при вас двух, а вы возвестите о том и всем прочим о нем, что Сама Божия Матерь избрала и назначила его вам всем чрез меня питателем, а вашему Боголюбию я вручаю двух, а с ними и всех остальных сирот моих, послужите Царице Небесной и попечитесь о них, как я сам служил Ей и пекся о них. Всякая милостыня, подаваемая Христа ради нищему, угодна Господу, подаяй нищему, взаим дает Богу, и в жизнь будущего века не только сугубо воздастся за это, но как Господь говорит, сотворите себе други от маммоны неправды, да егда оскудеете, примут вы в вечныя своя кровы.

– Но лучше подавать милостыню монаху, чем простому нищему, ибо простой нищий или нищая, куда ни пойдут, всюду обретут себе милостыню, монахов же все тунеядцами зовут, и потому не всякий подаст, а если и подадут, то с укором, но, по крайней мере, монах и престарелый даже может сам себе снискать пропитание или трудами рук своих, вот как я, например, убогий делаю: мною, что я до двух сот сажень дров нарублю в год и из них и свою келлию топлю, и на Саровскую обитель отдаю часть, а все остальное на этих сирот моих ради Царицы Небесной посылаю.

– И до семидесяти четвертей картофелю родится на грядочках, мною самим из моху сделанных, и его так же делю на трою: часть себе, часть Саровской пустыни, а остальное сиротам моим.

* Четверик – мера сыпучих тел, равная ¼ четверти. Четверть (или куль) – 9 пудов ржи или 6 пудов овса.

– Но если бы монах и по сбору пошел, то ему нет такой опасности и собирать милостыню и нет такого вреда чрез сбор этот для души его, потому что насильно не заставят же его в грех впасть, все это, то есть дело сбора милостыни по миру, вредно только девицам и вдовицам, освященным Богу, потому что не только они страдают немощами, много отнимающими у них сил и времени, но если бы изъяты были от сих немощей и даже некрасивы собою были, то естество женское и без того прелестно и многих влечет к себе, а немощь сил и беззащитность пола способствует удобству ко греху, а что сказать, если девица прекрасна собою, то она хотя и все приобретет по сбору, да главное-то сокровище свое, святыню девства и целомудрие, удержит ли?

– Вот о чем подумать надобно. А что за польза и от цветка, когда он потеряет благоухание. И какой же это сахар будет, когда в нем сладости не будет – соль еще обуяет чим осолится и на что будет годна точию да изсыпана будет и попираема ногами. Вот отчего лучше давать милостыню монаху, чем простому нищему, но лучше всего подавать милостыню девицам и вдовицам, освященным Господу, чтобы они сидели на одном месте, благоугождая Господу чистотою и смирением, а не ходили бы по сборам по миру и не упражнялись бы в таких занятиях, которые их, отшедших от мира, снова возвращали бы в тесные сношения с миром. И потому-то лучше всего благодетельствовать сирым и вдовицам, освятившим чистоту девства и целомудрия своего Господу Богу. Такие-то люди не только состоят под покровом Божией Матери, но и служат Богу, находясь всегда под личным и непосредственным Ее особенным Царицы Небесной начальством, – так вот чего и вам Матерь Божия желает, чтоб и ваше Боголюбие под Ее собственным личным начальством находились.

– Так вот не забудьте же, что в моей обители сей, которую укажут вам эти сироты мои, нет ничего, чтобы я сам устроил, а все сделано лишь по собственной воле Божией Матери. Подробно рассказывать мне вам обо всем теперь некогда, потому что вам надобно поспешать в Воронеж, и Господь не велел мне удерживать здесь вас долго.

– Так я вкратце все нужное объясню, – вот, батюшко, вот уже теперь год целый мы с вами знакомы, и вы видали не только всегда, но даже и вчера у меня сирот моих, а я никогда не говорил вам о них ничего, потому что я завел и устроил эту обитель мою не самопроизвольно и не по моей человеческой выдумке, но как мне Царица Небесная, обещавшая великой старице монахине Александре на месте жительства ее в Дивееве устроить обитель, приказала, так я и сделал.

– И не только эти две сироты мои, с руками которых я сложил руки ваши, Самою Божию Материю избраны, но и все, которых вы увидите после меня в обители моей, сестры их, – все до одной собраны и указаны мне лично Самою Царицею Небесною. Многих я сам иногда избирал, но Царица Небесная не благословляла их, и потому, несмотря на слезы и усиленные просьбы оставить их в моей обители, я принужден был переводить их в другую обитель. А иных не знал, и у меня не бывали они, живучи отсюда за несколько верст, но Царица Небесная указывала мне на них, и я посылал их звать в мою обитель, а когда отказывались, то должен был претить им за послушание это гневом Божиим.

– Так твердо, батюшко ваше Боголюбие, знайте, что не только устав и правило жизни в этой, сирот моих, обители – не мною, но Самою Царицею Небесною им чрез меня, убогого Серафима, даны, – но и все строение, какое после меня у них найдете, все заведено и выстроено мною по личному Самой Царицы Небесной указанию. Так что колышка одного я, убогий Серафим, самопроизвольно сам не поставил, так вы все это обстоятельно заметьте и во время свое будьте свидетелем всего. А вы, матушки мои, – обращаясь к девицам двум, с коих руками соединены были мои руки, сказал он, – скажите всем прочим сестрам вашим, чтобы после меня они ему все до точности рассказали, как что я у вас завел, устроил и что вам по воле Божией Матери заповедал, все до тонкости скажите.

– А вы, ваше Боголюбие, опять скажу, помните, знайте и в свое время засвидетельствуйте, кому потребуется, что все это не я, убогий Серафим, по своей собственной выдумке или человеческому желанию, но по воле только одной Самой Царицы Небесной завел, и устроил, и заповедал.

– Ну, матушки мои, теперь вот вам после меня питатель. А вам, ваше Боголюбие, скажу, как и прошлого года сказал, когда рассказывали вы мне три сна ваши, в дальней вашей деревне виденные вами, и два сна, что вы в ближней деревне вашей видели, когда сказал я, что они от Бога вам явлены, и прибавил, что Господь наш Иисус Христос и Божия Матерь Сами управят ваш путь, – так и ныне то же скажу – горы окрест Иерусалима и Господь окрест людей Своих отныне и до века. Но повинися Господеви и умоли Его и Той сотворит и Той изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне, Господь благословит входение твое и исхождение твое отныне и до века. Так-то, ваше Боголюбие, так-то: укоряеми, благословляем; гоними, терпим; хулими, утешаемся; злословими, радуемся и претерпевый до конца той спасется, – вот наш путь с тобою. Грядите же с миром в Воронеж, Господь да благословит вас.

Но вот самые последние слова его беседы, которыми он после того закончил свою предсмертную беседу со мною:

– А во грядущее-то лето на этих трех грядочках мы поработаем с вами.

Те самые слова, которые, как я выше поминал, и заставили меня спорить с высокопреосвященным Антонием, что я еще увижу на земле и должен буду лично с ним о многом переговорить.

По поводу каких слов его, пиша набело записки мои о жизни сего великого старца Серафима в 1835 или в 1836 году, хорошенько год не припомню, слышал я дивные речи невидимого благодатного посетителя, растолковавшего мне подробно, что значит откровение ему, отцу Серафиму, бывшее за несколько месяцев до кончины его, что смерть его будет подобна смерти семи отроков, спавших в пещере Ефесской, что тогда сбудутся слова великого старца сего, сказанные сиротам его, следующие: «Это что за диво, что следователи за сто сажень не дошли до моей мельницы и не разломали ее, – диво вот, когда будет и вот в чем будет, когда убогий Серафим плоть свою принесет к вам в Дивеево и почует у вас, и навсегда будет мощами своими пребывать с вами, и тогда-то среди лета Пасху запоют».

О чем хотя и напечатано в издании в передаче иеромонаха Иоасафа, но в искаженном виде, чтобы запутать дело, чего еще в действительности не было и о чем в подробности мне было здесь в Воронеже, как я выше пояснил, в 1835 или в 1836 году сказано.

И когда я хотел вписать это сказание в мою книгу, то явившийся и растолковавший мне это, крепко схватив правую руку мою и невидимо удерживая меня от вписывания этого, сказал мне: “Нет, не пиши этого и во всеобщее безразличное известие не передавай, потому что это только для мудрых дается знать тебе и для крепких в вере удобопонятно, слабые же в вере и непонимающие вполне путей Провидения Божиего или не поверят этому, или, поверив, будут недоумевать, как же это будет, а передавай это на словах всем тем, которые в вере Христовой и в благодати Божией утверждены и твердо убеждены в величии пред Богом заслуг святого старца Серафима, и не сомневаются в том, что он истинный угодник Божий, тем подробно все рассказывай, а с тебя будет и этого вдоволь, что когда слова мои сбудутся и все увидят сами сбытие этих рассказов твоих о моих словах то скажут: «какое чудо – за столько лет Мотовилов неоднократно сказывал нам обо всем этом подробно и ясно, а мы и тут все-таки ему ни в чем не верили и его же считали сумасшедшим, а ведь вот сбылось же наконец так, как он нам задолго еще сказывал». Но первому из всех поди и скажи высокопреосвященному Антонию и спроси его, что это такое, прелесть ли, или правда, и от Бога ли я тебе сказал все это? А я тебе скажу, что я послан к тебе от Господа Бога и сказал все это тебе по Его Святой воле. А что теперь четыре часа утра и что преосвященный не отворялся еще, как ты думаешь, то не бойся, иди к нему. Он уже встал и встретит тебя в дверях своих этими словами: «Что с вами? Неужели опять нападение от бесов?» Но он сам тебе скажет, что это не прелесть, а двери к нему все отворены, иди и скажи ему все, что я передал тебе от Господа Бога о великом рабе и угоднике Его Серафиме”.

Я высокопреосвященного Антония точно с теми словами встретившего меня нашел в дверях его канцелярии. Хотя все келейники спали, но двери были к нему наружные кем-то растворены, и когда я подробно все ему рассказал, то он мне, подумав немного, сказал: «Да, это не прелесть, а Божественное откровение вам и очень легко может быть и даже нужно [и] необходимо для Церкви Святой, ибо вера в воскресение из мертвых столько важный православно-христианский догмат, что святой апостол Павел прямо говорит: Аще воскресения из мертвых несть, то суетна вера наша, и окаянейши есмы паче всех человек. Но Господь наш Иисус Христос Богочеловек истинно воскрес из мертвых тридневен и, обóженною Плотию Своею питая нас, сидит одесную Бога Отца, есть истинная Живоносно из мертвых воскресшая, всесотворившая и всеискупившая нас Глава Единая всей Святой Вселенской Апостольской Церкви вовеки, которой и молимся мы на всякой литургии о еже соединиться Святым Божиим Церквам под эту истинную и Единственную всей Вселенской Церкви Божией Главу Христа Жизнодавца – Бога же и Человека и Всетворца нашего Единого Сущего от Пресвятой Троицы – по предстательству Пречистой Его Матери и Приснодевы Богородицы Марии, Единой по Бозе всемогущей».

Так кончилась беседа моя утренняя с высокопреосвященным Антонием по поводу сего откровения невидимым посетителем переданного мне о кончине великого старца Серафима и о смысле того, что значит, что она подобна будет смерти семи отроков Ефесских, спавших в пещере. Это происходило в тот именно год, когда в Бозе почивший – второй из знакомых мне русских архиереев – архиепископ Казанский и Свяжский Филарет, что потом митрополит Киевский и Галицкий и святой чудотворной Киево-Печерской лавры священноархимандрит, по высочайшему вызову ехал из Казани в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Правительствующем Синоде, пославши певчих своих чрез Арзамас, сам по усердию своему заехал в Воронеж, где я тогда находился, живучи в доме высокопреосвященного Антония. О чем я и ему тогда рассказывал.

Когда же мы были все вместе и с начальником Воронежской губернии Дмитрием Никитиевичем Бегичевым на обеде со многими из воронежцев и приезжих богомольцев в загородном архиепископа Антония Троицком доме, то после обеда высокопреосвященный Филарет спросил меня: «Ну что же ты не скажешь мне ничего, как твои дивеевские сироты отца Серафима поживают?» «Какие же мои, – сказал я ему, – вы сами свидетельствуете, что они сироты отца Серафима, а я прибавлю – дочери Божией Матери и невесты Христовы». «Ну что тут за философия, говори попросту, – сказал высокопреосвященный Филарет, – мне известно самому, что отец Серафим тебе вручил свое послужение Божией Матери при них, так что же ты не устроишь их?»

Я отвечал, “что в чем же я буду устроить их, когда они и без меня уже совершенно вполне и во всех духовных отношениях устроены, ибо в Дивееве две общины, первая и о которой я сам произвольно по своему усердию после кончины его узнал и принял намерение не оставлять ее, устроенная отцом Пахомием, строителем Саровской пустыни – на месте последнего полугодичного жительства священномонахини Александры, постриженницы Киево-Флоровского монастыря, что в мире была полковница Мельгунова.

В состав этой общины входят и могут входить вдовицы и девицы, так как это во всех женских монастырях почти повсеместно вообще принято, устав ей дан Феодора Студита, общепринятый в российских монастырях, с некоторыми добавочными по усердию монахини Александры в обычном правиле при жизни ее употреблявшимися ею молитвами.

Что в оной положены две трапезы в день, обед и ужин; особая, никому не подчиненная начальница, не подчинявшаяся вполне даже и всем наставлениям великого старца Серафима, Ксения Михайловна Милованова с дочерью своею Ириною Кочауловою, поступившая из Тулы вдова оружейного тамошнего мастера и державшаяся строго и неуклонно только одних наставлений бывшего строителя отца Пахомия, почему и сам отец Серафим называл обитель сию Старушкиною обителию, иногда же Ксении Михайловны обителию, а чаще всего Вдовическою, а по местоположению против церкви к сему присовокуплялся еще и иной эпитет, и в таком случае звалась Церковною обителию, в противоположность чему собственная, истинных сирот великого старца Серафима вторая самобытная Дивеевская обитель называлась Мельничною Девическою, при которой от лица Божией Матери вручено было батюшкою отцом Серафимом мне по смерти мою служение Царице Небесной.

Та состоит на особом, совершенно новом, нигде никогда, ни в одном монастыре до того не существовавшем уставе и положении. Ибо начальница ее первая состояла лично под надзором самого батюшки отца Серафима, и все сестры ее собраны, как мне он сам изволил сказать, по личному назначению Самой Божией Матери только из одних девиц, а если и состоит при этой обители одна вдовица, то вроде работницы принята была и живет для копки канавы и для поправки ее за оградю обители близ канавки, а вместе с сестрами, в числе коих по собственной особой воле Божией Матери вдовицы не должны быть принимаемы – никогда.

И к сей-то обители великий старец Серафим причислял из прежней Вдовической обители лишь девицу Марью Семеновну и сестру строителя общинской церкви Елену Васильевну Мантурову, которых хотя и не успел перевести в новую свою обитель сию, но называл их начатком ее сестер на небесах и утверждал, что по святине их жизни они удостоены быть близкими к Самой Царице Небесной.

Правило этой обители, в первый раз особо из уст Самой Царицы Небесной батюшке отцу Серафиму данное, состоит из троекратного в день, утром, в обед и пред ужином совершаемого и всегда долженствующего совершаться чтения два[на]десяти псалмов, возвещенных от Ангела Пахомию Великому, с прибавлением нескольких кратких молитв и обыденного для всякого христианина отцом Серафимом заповеданного троекратного же в день правила: «Отче наш» – 3 раза, «Богородице Дево, радуйся» – 3 раза и «Верую во Единого Бога Отца...» и прочие члены Символа Веры – 1 раз, о чем у меня от начальницы той Мельничной Девической общины хранится собственноручное уведомление официальное, равно как и от другой начальницы Вдовической Дивеевской общины, полученные мною при начале вступления в исполнение обязанностей моих по службе Божией Матери на основании заповеди батюшки отца Серафима, что в одной этой Девической Дивеевской Серафимовской общине установлено разрешено Самою Царицею Небесною три трапезы в день: завтрак, обед и ужин, – дозволено даже и в другие времена хлеб и квас употреблять невозбранно, – следовательно, вполне и навеки отсечены грехи тайно – и безвременная деня.

Вместе с тем и вопреки обычаю других монастырей воспрещены навсегда всякие пышные и в мире уважаемые работы, требующие особенного душевного и умственного внимания, крепких и всегдашних связей с миром для ведения выгодного этих работ, каковы суть: золотошвейство, живопись и все подобные тому затейливые фабричные производства, хотя и чрезвычайно выгодные для простых мирских девушек и женщин, но не полезные для девиц, посветивших себя на чистое девственное служение Господу Богу и желающих достигнуть вполне достояния невест Христовых.

Но что при сей обители Девической заповедано старцем Серафимом от лица Царицы Небесной простое полеводство, огородничество, садоводство и смиренные рукоделия женские, не требующие особенного на производство свое умственного напряжения и не мешающие непрестанному в Боге пребыванию духом и всегдашней сердечной молитве. И что при обеих общинах находится только по одному благоговейному старичку для поправки деревянной посуды и землешных орудий, что все полевые, огородные и садовые работы производят сами сестры обеих общин. И что хотя во Вдовической общине начальница и сестры прибегают к пособию и сбору посторонних разных жизненных потребностей и денег, но что в Мельничной Девической Серафимовской обители даже и сбор совершенно воспрещен великим старцем Серафимом согласно воле и указанию Самой Царицы Небесной.

И несмотря на то, что они твердо держатся заповеди Божией Матери и батюшки отца Серафима, но оскудения ни в пище и ни в чем потребном никогда не было, потому что не только им иногда и чрез ворота от неизвестных вовсе людей были подаваемы приношения, но даже при недостатке денег на покупку деревянного масла для тепленья всегдашней лампы денно и ночью пред образом Божией Матери «Радости всех Радостей»<...>, то пред этою подлинною чудотворною иконою нередко масло в лампаде само свыше сходящим от Бога огнем было зажигаемо, и елей кипел, изливаясь из стаканчика лампы.

Что у сей же Мельничной общины есть своя двухпрестольная церковь, выстроенная в честь Рождества Христова и Рождества Божией Матери нижегородским помещиком Мантуровым, и доходы с нее идут на сию Мельничную обитель, и содержится она на иждивении Мельничной Девической Серафимовской общины; что в сей церкви заведен отцом Серафимом чин неусыпаемого Псалтирного чтения с неугасаемою лампадою пред местною иконою в нижней церкви Рождества Пресвятой Богородицы и неугасаемою свечою пред местною же Спасителевою иконою.

И что несмотря на совершенную независимость двух Дивеевских общин одной от другой, несмотря на совершенно противоположную различность их уставов им, однако же, по воле Божией Матери, при полной их неслиянности дано и некоторое Божественное – в Духе Святой Православной веры нашей общение, – нимало не могущее вредить этой их заповеданной им неслиянности именно же при чтении неусыпаемой Псалтири – шесть сестер по два часа из Мельничной обители Девической и шесть сестер из Вдовической отправляют оное. Клирос правый принадлежит хозяйкам церкви сестрам Мельничной Серафимовской Девической общины, а левый предоставлен гостям – сестрам Вдовической обители; и даже в нижней церкви дозволено сим Вдовической обители сестрам совершать и правило свое вечернее.

И это в память того, что первоначальница их – священномонахиня Александра, на месте сей церкви видела второе явление Божией Матери, заповедавшей ей тут окончить жизнь свою и обещававшей в селе Дивееве сем основать нигде не бывалую обитель, которой обещала дать благословение с Иверии, с Афона и Киево-Печерской лавры и которую основала Она Сама чрез великого раба Своего Серафима, именно Мельничную Девическую – вторую Дивеевскую самобытную общину, о служении при которой, как неоднократно поминал я выше, и дал мне он в 4-й день сентября 1832 года заповедь.

Так что же тут устроить еще мне, когда уже все это так священно-лепно и Богоблагодатно им самим, угодником Божиим Серафимом, было при жизни его заведено и все вполне устроено, и мне заповедано только питать их, и быть свидетелем великих дел его, и засвидетельствовать некогда о них, кому следовать будет. А если и придется поработать при них, так по слову его с ним же одним самим батюшкою отцом Серафимом, ибо он сказал мне: «А на этих трех грядочках во грядущее лето мы поработаем с тобою».

Терпеливо выслушал все это архиепископ Филарет, сказал мне и что ему известно, что Иван Тихонов [Толстошеев], а нынешний иеромонах Иоасаф, обманывает меня, прикидываясь мне другом и товарищем в служении Божией Матери при сих сиротах великого старца Серафима, и что друг истинный и товарищ необманчивый не делает того, что, как известили его из Москвы, сделал Иван Тихонов, решившись тайно от меня, Мотовилова, переписываться с важными особами светскими и великими духовными и прельщать их неправильною передачею сведений об обителях Дивеевских, и поручил мне передать ему, Иоанну Тихонову, все его высокопреосвященства архиепископа Филарета предостережения; а меня самого просил писать ему в Святейший Правительствующий Синод как о сих двух Дивеевских Девической и Вдовической общинах, так и о третьей Куликовской*.

Что я и исполнил в последствии времени письмом, от 14 января 1838 года из Симбирска на имя его сиятельства графа Николая Александровича Протасова адресованным.

Но передача слов и предостережений его высокопреосвященства Ивану Тихонову, что ныне иеромонах Иоасаф, не только не исправила его отношений ко мне и к сиротам великого старца Серафима, в Мельничной Девической Дивеевской общине находившимся, и лишь только в сестрах единственно этой общины и заключающихся, и не смягчила враждебности сих отношений, но лишь только еще непримиримее озлобила Ивана Тихонова против меня и против них.

* Куликовская община находилась в Тамбовской губернии.

Так что он посредством разных происков и злоупотребляя средствами ради святыни имени батюшки отца Серафима подаваемыми устроил неугодное благодати Божией, противное заповеди великого старца Серафима соединение двух общин Дивеевских, допущенное дивным Промыслом Божиим, вероятно, лишь только для того, чтобы любящие Бога сироты его дивеевские и хранящие заповеди его, несмотря на более нежели двадцатилетние страдания свои, сим соединением на них воздвигнутым, убелилися душами паче снега и светлейшими солнца могли явиться во Царствии Отца нашего Небесного за то, что Иоанну Тихонову, Иоасафу тож, не имевшему, не могшему никогда иметь над ними никакой власти, удалось во всем Русском царстве прославить сих сирот батюшки отца Серафима бунтовщицами против Ирины Прокофьевны Кочауловой, дочери вышеписаной Ксении Михайловны Миловановой, а потом, как то было ныне 1861 года в мае месяце, подчинить их совершенно всей своей партии и угрожать им чрез Нижегородского епископа Нектария всеми возможными притеснениями и высылкою, хотя бы даже и четырех сот сестер, усердных к великому старцу Серафиму, в угодность лжесловесиями лишь одними прославившей себя партии его, иеромонаха Иоасафа.

О чем я и вынужденным нашелся утруждать запискою не только господина обер-прокурора графа Александра Петровича Толстого, но даже и всеподданнейшею докладною запискою Самого Его Императорское Величество, а в дополнение того и еще особыми письмами от 4 сентября сего 1861 года Ваше Высокопреосвященство и высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского и Коломенского, а равно уведомить и архиепископа Иоанна Черкасского подобною первым двум запискою, как иерарха не только совершенно уважающего великого старца Серафима, но и единственно лишь одного вполне посвященного во все тайны дел его и твердо знающего, почему неправильно соединены две совершенно самобытные Дивеевские общины в одну такую общину, из которой все-таки партия Иоасафовская, двадцать лет исподтишка действующая, силится или выгнать более четырех сот сестер и завладеть всем, вопреки воли Божией Матери и согласных с Нею заповедей великого старца Серафима, или по крайней мере прославиться ради имени Иоасафовского и в удовлетворение мщения его им, – поставить все на своем, – стерши с лица земли не только дела, но даже и память великого пред Богом и пред людьми отца Серафима.

И хотя я как по заповеди, данной мне 4 сентября 1832 года, так и по повторительному приглашению архиепископа, что потом митрополита Филарета Киевского, и начал переписку мою о сих двух общинах Дивеевских и третьей Куликовской чрез обер-прокурора графа Протасова письмом от 14 января 1838 года со Святейшим Правительствующим Синодом, но деятели Иоасафовской – или сначала Ивано-Тихоновской – партии наполнили архив Святейшего Правительствующего Синода столь гнусными клеветами не только на меня, достойного, может быть, за грехи мои клевет и укорений сих, но даже и на самих праведниц и истинных рабынь Божиих сирот батюшки отца Серафима, что Святейший Правительствующий Синод, видя всеобщее молчание наше противу оклеветающих нас со стороны моей и с их стороны, мог невольно впасть в ошибочное мнение, что, вероятно, в этих клеветах, сколь ни отвратительна гнусность их, да есть же и доля правды, и потому, вероятно, дошел до такого странного результата, что не мог ничего лучшего придумать, как мне же сделать предложение, чтоб я не стеснял общину моими условиями*.

Тогда как и условия сии я неминуемо должен был включить в бумаги о всех моих пожертвованиях единственно лишь для того только, чтоб в точности исполнить волю Божией Матери, чрез великого старца Серафима мне возвещенную, и воспрепятствовать слиянию обителей, ими не благословлявшемуся.

* Указ Святейшего Правительствующего Синода от 12 июня 1842 года.

И [Святейший Синод] не потрудился даже уяснить, да которую же именно общину стесняю я? Вдовическую? или Девическую? или ту третью, тайную? и тогда еще едва за-рождавшуюся общинку, которую я в бумагах моих всегда называл людьми, превратно толкующими заповеди великого старца Серафима, и которую двадцатилетним долготерпением всех возможных клевет и притеснений с ее стороны, едва было не лишивших меня последнего куска хлеба, хотел и старался я чрез то долготерпение преклонить к должному покаянию, и которую, видя unsuccessfulность всех стараний моих о том, назвал и называю только в нынешнем 1861 году партией Иоасафовскою.*

Ко всему этому – странному противу меня со стороны Святейшего Правительствующего Синода – и весьма недоуменному действию могло подать повод еще и то обстоятельство, что даже самые важные особы государства, каков, например, был сенатор Федор Алексеевич Дурасов, бывший во время сиротства моего, а своего служения за обер-прокурорским столом, поверенным родительницы моей, перебравший в десять лет вдовства родительницы моей до двухсот восьмидесяти тысяч рублей с нее из моих сиротских денег – на что отчасти его записки с достаточными намеками у меня есть – на хлопоты по татарским тяжбам нашим, которые мне же все-таки и уже бессребренно приходится ныне оканчивать, а он ничего и за эти деньги не сделал для меня, оплатил же только за все наше мотовиловское это добро матери моей лишь злейшею и бесстыднейшею клеветою на меня, сына ее.

Прикажете, Ваше Высокопреосвященство, подать дело о двух Дивеевских общинах, и Вы изволите увидеть там его письмо Святейшему Правительствующему Синоду, в коем он оклеветал меня, что будто бы я купил землю у него в селе Дивееве за три тысячи рублей ассигнациями и ему денег сих не отдал и что будто бы он только скрыть хотел благодеяние свое Дивеевским общинам, [поэтому] позволил мне от имени своего пожертвовать эту землю им – и усугубил свою клевету, сказавши, что я не отдаю будто бы этой земли обителям батюшки отца Серафима**.

Утрегубил, если можно так выразиться, это неблагородное дело свое еще большею безбоязненностию Бога, ибо просил его Святейшество усювестить меня, чтобы я сознался в возводимой им на меня клевете. И это усювещевание было поручено Нижегородскому преосвященному Иеремии. Однако он вел дело на словах со мною, а письма господина сенатора Дурасова не предъявлял мне, и оно по этой только причине осталось без должного оправдательного ответа с моей стороны в числе более шестидесяти семи или семидесяти писем со стороны лжесловесных деятелей партии иеромонаха Иоасафа, исполненных еще более постыднейшими не для меня, а для них клеветами.

О письмах сих я слышал от генерала Бороздина, бывшего другом и ближним человеком у обер-прокурора графа Протасова, еще в бытность мою в Санкт-Петербурге в 1854 году, и терпел все это лишь только потому, что термин внутренних страданий моих не был окончен (под коим разумею открытие мощей святителя и угодника Божиего Тихона, которого Господь удостоил не только меня одного, но и всю Россию дожидаться в 13-й день августа сего 1861 года).

* Здесь Н.А. Мотовилов имел в виду тех сестер, которые были привержены отцу Иоасафу, участвовали в смуте 1861 г. и, в конце концов, ушли и основали Серафимо-Понетаевский монастырь.

** Доказательство истинности слов Н.А. Мотовилова содержится в рапорте 1839 г. в Нижегородскую духовную консисторию начальницы Дивеевской церковной Казанской общины Ирины Прокофьевны Кочешуловой: «<...> в 1834 году г. Николай Александрович Мотовилов по усердию своему к религии, купив в дачах села Дивеева <...> для содержания, как ее (т.е. Казанской общины), так и другой, называемой Мельничной, пашенной земли с угодья 57 десятин, из коих 33 десятинами пользуется Мельничная Девическая обитель, остальными 24 десятинами – обитель, заведываемая мною, каковую землю обрабатываем сами, имея для сего рогатый и конный скот <...>» (Государственный архив Нижегородской обл., ф. 2).

Я как непрременный исполнитель воли Божией ждал моего времени, а дождавшись, прошу и умоляю Ваше Высокопреосвященство обратить на сии клеветы внимание Ваше и, приказав предъявить мне все оные в подлинниках, позволить мне иметь честь представить на все приличные ответы для уяснения дел великого старца Серафима и правоты, нагло угнетаемых ныне сирот его, а не для одного лишь только своего собственного оправдания, хотя и оно мне тоже необходимо, ибо из чего же я жил на земле, из чего же страдал так страшно, из чего же столько десятилетий так долготерпел Христа ради?

Сошлюсь на слова святого апостола Павла, что он, когда изведен был из темницы после несправедливого заключения, то сказал: Леть ли есть так обижать человека неосужденно и Римлянина, то есть дворянина, ибо граждане республики Римской были из одних дворян, и потребовал, чтоб дело его было до кесаря доведено. И если святой апостол Павел же сказал: лучше ми есть умереть нежели кто славу мою испразднит – и Давид молится Богу: «Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя», то, принимая в соображение примеры столь великих святителей Церкви Христовой, желаю я и себе самому того же, чего и они просили.

В доказательство же, что господин сенатор Дурасов несправедливо оклеветал меня, прошу обратить внимание на переписку мою с ним по сему случаю в 1844 или 1845 году чрез господ нижегородского губернского предводителя дворянства тайного советника Сергея Васильевича Шереметьева, военного губернатора нижегородского же князя Михаила Александровича Урусова и уездного ардатовского предводителя полковника Щербакова, из коих ясно окажется, что я не только три тысячи рублей уплатил господину сенатору Дурасову, но даже дал ему пятьсот рублей и двадцать пять душ, или рабочих сил, чистой выгоды сверх заплаченных им двух тысяч пятисот рублей ассигнациями за у своего [же] чиновника купленных крестьян двадцать пять душ и тридцать десятинов земли.

Да еще обителям двум Дивеевским не тридцать, а пятьдесят семь десятинов по этой покупке земель пожертвовано мною, всего же до четырехсот десятинов. Да если и числится Зевакинская дача пожертвованною не от меня, а от госпожи Ладыженской, тогда бывшей в числе партии Иоасафовской, ныне же раскаявшейся и живущей возле Свято-Троицкой Сергиевской лавры, то и это лишь потому, что во время покупки мною земель Дивеевских и Княж Ивановских в долг на несколько десятков тысяч рублей и во время нужды моей заложил по сему случаю симбирские и нижегородские имения мои.

Партия Иоасафовская посредством своих деятелей, в главе которых в тогдашнее время стоял нижегородско-ардатовский посредник Караулов, мешала мне очень долгое время заложить мои имения, опираясь на то, что я пожертвовал часть земель моих двум общинам Дивеевским, и чтобы я и их не включил в число залога моего, клеветца тем на меня, будто бы я мог быть столько подлым. И в это бедственное, по их непрошеной милости для меня, время партия Иоасафовская на деньги, жертвованные для имени батюшки отца Серафима, перекупила у меня сторгованный еще в 1837 году у Зевакиных участок.

Так что если бы Иоасаф, что прежде Иоанн Тихонов, не искал своих си, а еже ближнего, то не то бы было и с моей стороны для сирот великого старца Серафима сделано.

Да и собор Божией Матери Дивеевский Всех Ее явлений^{*}, задуманный и проектированный не кем-либо другим, а лишь только самим мною одним в память четырех вышеписанных явлений явных Божией Матери, был бы теперь уже вполне устроен в том громадном величии, о коем было предречено по особенному явлению великому старцу Серафиму, когда приказано было купить под место будущего созидания его три гумна господ Ждановых в селе Дивееве^{**}.

И сообразно с каковым Божественным откровением – по разным и мне неувещественным и неземным указаниям – я проектировал его по последней, в день Покрова Божией Матери 1848 года, указанной мне модели в восемьдесят семь с половиной сажень длиннику, в пятьдесят семь с половиной сажень ширины и во сто восемнадцать сажень вышины – до креста, а крест на соборе Всех явлений Божией Матери в тридцать три с половиной сажени вышины и в пятнадцать сажень ширины, а колокольню при сем соборе в сто пятьдесят три сажени вышины до креста и в тридцать три с половиной сажени ширины в основании; крест на ней в пятнадцать сажень вышины и в восемь ширины.

Я сам скажу, что действительно громадны размеры сии, но если принять в соображение [в] миллиарды миллионов раз громаднейшие милосердия и милость Божией Матери, являемые, и явленные, и еще неявившиеся, но тем не менее хотящие явиться земле Русской милости Божией Матери, мне в полноте известные, то и этот мнимогромадный храм совершенно ничтожен будет в сравнении с ними. Да и то открыто великому старцу Серафиму, он должен быть лучше Соломоновского храма^{***}.

Если б мне не препятствовали в том покровительствующие партии Иоасафовской люди, то Господь и Божия Матерь давным бы давно уже помогли мне все это сделать, как Они же Сами и наставили меня на это великое и другие еще более величайшие предприятия, хотя и бесы, и смущаемые бесами люди мне всегда и во всем, вопреки Их Святой воле, но по допущению Их, препятствовали. И это допущено было для того, дабы доказалось их бессилие и явственнее явилась миру сила Божия над всеми препятствиями торжествующая.

Ибо, однако же, и за всем тем Господь и Божия Матерь сохраняли, сохраняют и сохранили меня даже до открытия святых мощей святителя Тихона, Провидением Всесвятого Промысла Их Божественного назначенного прежде, нежели мир не бысть, как предел страданий одного из земнородных червей по ничтожеству сущности своей действительной, но не червя – по Божественному на Их Святое дело это предызбранию и предопределению. О чем и великий старец Серафим, говоря, так выражался, относясь ко мне: «Их же бо предуведе сих и предызбра, их же предызбра сих и освяти, сих и прослави, сих и блюдет да и соблюдет, так что же нам, ваше Боголюбие, унывать. Кто споемлет на избранныя Божия, Бог оправдай, кто осуждай, Иисус Христос умерый же и воскресый, да и мертвыми и живыми обладает, и да из несущих суцая изведет».

* Собор во имя Пресвятой Богородицы Всех Ее явлений, или «Всех Радостей Радость» для Дивеевских общин предполагался Н.А. Мотовиловым к построению на месте, заповеданном батюшкой Серафимом, на 15 десятинах, купленных М.В. Мантуровым. Н.А. Мотовилов предполагал, чтобы вся железная руда, добываемая из земли, жертвуемой им в Дивеевские общины, продавалась, а деньги шли на строительство собора. Название собора Всех явлений связано с предсказанием преподобного, что в Дивеевском соборе соберутся списки всех чудотворных икон Богоматери.

** Три гумна господ Ждановых, или 15 десятин, были куплены по указанию преподобного Серафима Е.В. Мантуровой (преподобной Еленой) под будущий собор, а в 1845 году насильственно отняты у М.В. Мантурова в пользу объединенной общины сторонниками Ивана Тихонова.

*** С утверждением царской столицы в Иерусалиме царь и пророк Давид задумал выстроить в нем храм. Но строительство Иерусалимского храма было осуществлено только сыном Давида Соломоном. Храм был знаменит обширностью и отделкой. Просуществовал до самого разрушения Иерусалима римскими войсками в 70 году н.э.

Дело же об устройстве собора Божией Матери не «Умиления», как говорят несправедливо искажители смысла и толка дел батюшки отца Серафима, а «Радости всех Радостей» и Всех спасительных явлений Ее миру, на всем земном шаре бывших доселе с двумя церквями: 1) святого пророка Богоотца Давида и 2) святого Иосифа Псомпсомфаниха или Спасителя Египетского *, и с церковью Семи Верховных Архистратигов силы Господней, и с церквями Всех Святых, от века благоугодивших Господу Богу, а во главе их большего из рожденных женами святого Иоанна Предтечи и неподходящих под эту категорию Богозданных праотцев наших Адама и Евы есть таково:

Когда в 1828 году, в память четырех мне явлений Божией Матери во время студентства моего в Казани бывших, я задумал в нижегородской деревне моей или сельце Бритвине строить храм сей, определив ему меру шестьдесят сажень длины, сорок ширины и семьдесят семь вышины, то великому старцу Серафиму было откровение около этого времени о покупке трех гуменных участков господ Ждановых в селе Дивееве.

И земля сия названа подобною земле гумна Оры **, и сказано, что на ней некогда устроится храм в честь Божией Матери, славнее храма Соломоновского, и велено было вместо ста рублей, чего стоит участок этих трех гумен, заплатить по-Давидовски вчетверо больше, то есть четыреста рублей.

Когда же я вступил в исполнение служения моего Пресвятой Владычице нашей Богородице по заповеди Ее, данной мне в 4-й день сентября 1832 года, то решился строить предположенный мною помянутый храм уже не в сельце Бритвине, но на сих участках ждановских, вследствие чего стал скупать земли села Дивеева и в 1840 году, будучи по случаю тяжелой одиннадцатимесячной болезни в одной из келлий Серафимовской общины, за год до женитьбы моей, импровизировал план и фасад сего собора при особенном, как мне одна Боговдохновенная старица сказывала, посещении Самой Царицы Небесной с двенадцатью Ее ближними святыми девами. Величиною собор в восемьдесят сажень длины и в пятьдесят ширины, а высота его и колокольни такова же, равно и кресты, как я выше сказал.

Но когда план сей партией Иоанна Тихонова, а потом Иоасафа, был осмеян и отвергнут как непотребный ни на что им, зиждущим, и на место того после многократных перемен планов и фасадов сего собора решено было основаться на одном, и высокопреосвященный Иаков, архиепископ Нижегородский в 1848 году насилу-насилу после двухдневных с моей стороны и других, усердствовавших к отцу Серафиму людей, настояний решился заложить оный на середине сих трех ждановских прореченных участков.

* Иосиф Прекрасный – сын патриарха Иакова от Рахили, проданный братьями в Египет и там возвысившийся, и переведший туда отца и братьев. Псомфомфаних (егип. «открывающий сокровенное») – прозвище, данное Иосифу в Египте.

** Орна Иевусеанин – на его гумне стоял Ангел, поражающий Израиль за грех царя Давида, и здесь повелел создать алтарь Господу Богу. В «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» (СПб., 1903) приводится следующий рассказ: *«Затем дал поручение Елене Васильевне съездить к 2-ну Жданову и купить у него эту землю за триста рублей, которые батюшка и передал ей. «Святой царь Давид, – сказал он Елене Васильевне, – когда восхотел соорудить храм Господу на горе Мории, то гумно Орны туне не принял, а заплатил цену; так и здесь. Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою, а не туне его получить. Я бы мог выпросить земли, но это Ей не угодно. Поезжай в город Темников к хозяину этой земли Егору Ивановичу Жданову, отдай ему эти мои деньги и привези бумажный акт на землю».*

То в эту же осень, бывши в Ардатовской Нижегородской Покрова Божией Матери Митрофано-Варваринской общине, имел я счастье за всюнощную вместе с великою старицею начальницею сей обители праведной жизни Евдокиєю Андреевною видеть необыкновенный свет. В этом свете в церкви их обительской указан был мне сообразный с волею Божиею несколько увеличенный крестообразный план внутренности сего собора, на чем основываясь я немедленно тогда же план его и на бумагу начертил, и до сих пор желаю, чтобы средствами синодального поминовения или другими, о коих ниже скажу, мне дозволено было бы устроить сей храм на месте нынешнего, под предлогом какового строения собираемы были партией Иоасафовскою не сотни тысяч рублей, а может быть, и миллионы, [которые] шли неизвестно куда и имели результатом только вещественное усиление этой партии его и даже искажение и порчу святых и Боговдохновенных дел великого пред Богом и людьми священноиеромонаха Серафима, и равномерно и неотступно даже и доселе с остервенением продолжающееся гонение сирот его.

А чтобы Ваше Высокопреосвященство не подумали, что я утрирую речь мою, говоря о сотнях тысяч [рублей] сборов под предлогом построения мною задуманного собора Божией Матери Всех [Ее] явлений, построение которого я никогда не только партии Иоасафовской, но и никому другому не доверял, не доверяю, да и доверять не хочу, а это все, так же как и служба государственная, насильно и совершенно несправедливо от меня было отнято, имею честь сослаться на его высокопреосвященство преосвященнейшего Тамбовского Николая.

Он в 1846 году спрашивал меня, знаю ли я, сколько на имя послушника Саровского Иоанна Тихонова собирается именем батюшки отца Серафима денег? Сказал, что в полгода или в год по справкам Тамбовской консистории о том в почтовых конторах арзамасской, нижегородско-ардатовской и темниковской оказалось сто сорок семь тысяч рублей серебром. И прибавил: «Судите же, сколько доставляется ему на имя сирот отца Серафима прямо в руки». А сироты отца Серафима лишь только гонятся, преследуются и притесняются его пресловутою партией, насколько попушением Божиим это по неведомому, но всегда благому Промыслу Им допускается и насколько сил у действующего вследствие того врага диавола чрез ослепляемых им людей становится. Но предел всякому делу и всякой вещи положен Богом на земле, и обетования Его небесные верны. На них-то лишь только уповая, скажу:

Всеблагий Промысл Божий, предрекший мне имя прежде, нежели сочетались браком родители мои, и по неведомым судьбам Своим допустивший бесу Аббадоне разбить меня и вселиться в меня во мгновение Крещения моего 6 мая, на память святого Иова Многострадального, 1809 года и явственно открывший мне о том при неложном свидетельстве архиепископа Антония чрез святителя Митрофана в 1834 году, явивший мне, сверх того, в разные времена безвестная и тайная Премудрости Своя, завязавший такими странными узлами нити происшествий жизни моей, что о каждом более или менее, но значительном происшествии можно навести справки в известных и теперь мною вышеуказанных местах, удостоил меня наконец дожждаться и конца термина моих внутренних страданий – 13 августа 1861 года, открытия мощей святителя Тихона, – наводит меня на следующее заключение: брение может ли рещи скудельнику – почто сотворил мя еси судом не в честь?

Могу ли и я сказать Господу: зачем Ты отдал меня на поругание бесу, на поправление всех людей – в притчу, и поношение во языцех, и в покивание главами всем, так что и ближние мои чуждались меня и все до сих пор смотрят на меня как на полусумасшедшего?

А если бы и я мог сказать то, если бы даже Сам Господь, как некогда Иову, дозволил мне встать пред Ним и, препоясав чресла свои, вступить с Ними в прения, то и тут не только да не возглаголят уста моя дел человеческих, но и да не дерзнет мысль моя и в тайных глубинах моего троичного естества, троичность которого открыл мне Господь Бог на двенадцатом году жизни моей, зашевелиться там и хотя на одно мгновение приподняться укором Всетворцу и Богу моему. Да не будет этого – Его я вековечный раб, и никакой эмансипации от Него не хотел, и не хочу, и не позволю себе желать. Раб я Богу Отцу, раб я Богу Сыну, раб я Богу Духу Святому, Троице Единосущной, и Нераздельной, и Неслиянной, раб я Приснодеве Пресвятой Владычице нашей Богородице Марии, единой по Бозе Всемогущей. Слава Богу о всем, слава Ей о всем, слава Вселенской Церкви Христовой о всем, за все истинно благодарю Бога.

И никому даже из тех людей, которые, как я выше описывал, делали мне зло, притеснение и портили всю жизнь мою, не только праведным, но и грешным не желаю никакого зла. И как я сам простил и прощаю их во всем от всей души и сердца моего, так и Господа Бога всенародно о том же прошу.

Но я изнемог от пятидесятидвухлетних непрерывных страданий, коими, как некогда Петр, верховный апостол, веригами, так и я был подобно ему отягчен и, может быть, паче его, и как тогда не иначе же как молитвами Церкви Святой разрешены были узы вериг его, так и ныне прошу и умоляю, Ваше Высокопреосвященство, сами помолитесь и его Святейшество Святейший Правительствующий Синод попросите как первенствующий член его помолиться за меня, чтобы разрешены были вполне вериги сии духовные столь долго, в течение более нежели пятидесятидвухлетней жизни моей связывавшие меня, и чтобы Подавший мне силы перенести такое страшное адское, более полувека, состояние дал бы мне хотя несколько лет обновленной, свежей, чисто человеческой жизни, изъятой не только от вериг сих бесовских или подобных прежнему людских стеснений, но и от всех козней вражеских и от всех притеснений людских.

И как святой апостол Павел после несправедливых угнетений, принужден будучи нареци кесарь, допущен был до него беспрепятственно, так и я вследствие всего вышеписанного вынужден покорнейше просить.

Ваше Высокопреосвященство, соблаговолите все это всеподданнейше довести до Высочайшего Его Императорского Величества Августейшего Государя Александра Николаевича сведения. И убеждением Богодарованньм Святой Церкви Вселенской тронуть его благочестивейшую высокомонаршую душу, да помилует наконец он меня и силою неограниченного самодержавства своего возвратит мне как несправедливо отнятые во времена вышеписанных ни с кем в такой силе не бывалых бедствий моих, так по поводу же оных и еще отнимающиеся у меня земли имения по тяжёлым делам моим и Его Величеству неизвестным, так равно и чины, отличия и летосчисление службы несправедливо от меня, как я выше пояснял, отнимаемые.

На всеподданнейшей моей записке, о некоторой части которых в 1854 году он высочайшею рукою своею начертил: «Помочь Мотовилову», но и за всем тем все еще и до сих пор по сему высочайшему повелению не получающему всемилостивейше повеленной помощи.

А в заключение всего да соблагоизволит высочайше разрешить мне: 1) Начать действия моего Спасо-Преображенского банка, на которые получил я благословение Божие еще в 1832 году чрез великого старца Серафима и, лишь только на это единственно Всемогущее Божие благословение уповая, дерзнул тревожить всеподданнейшими письмами моими А) в Бозе почившего Августейшего Родителя Его от 14 апреля 1854 года, [каковые письма] хранятся ныне в архиве Военного министерства с высочайшею пометою «Браво и Ура, Великолепный Проэкт», вследствие чего я был сопоставлен тогда же в прямые сношения с военным министром, что ныне шеф жандармов его сиятельство князь Василий Андреевич Долгорукий, и Б) от 19 марта 1858 года Самому Его Императорскому Величеству, каковое последнее письмо ныне хранится в архиве Министерства финансов.

О чем с разрешения господина министра внутренних дел, в июне месяце сего 1861 года данного мне в Москве, я отсюда же и вместе с сим из Воронежа пишу его высокопревосходительству от 20 октября сего 1861 года. 2) От избытков сего банка никому не вредного, а всем имеющего принести хотя и невероятные, но совершенно истинные и Богом предреченные пользы, построить храм вышепомянутый и мною проектированный Божией Матери «Всех Радостей Радости» и Всех Ее явлений Вселенских, в селе Дивееве в общинах великого старца Серафима.

К сей докладной записке, с моей собственной импровизации набело переписанной, на сорока двух листах и везде, где следовало, моей же собственною рукою выправленной, и в том, что в верности всего показуемого, как в оной, так и в прежней от 13 августа 1857 года я готов принять присягу, во всем том собственноручно подписуюсь 26 октября 1861 года, симбирский совестный судья, почетный смотритель Корсунского уездного училища, директор Симбирского тюремного комитета, коллежский асессор и Анны 3-й степени кавалер, имеющий два <неразбр.>* отечественных войн за 1812 и 1853/1855 годы и драгоценный бриллиантовый, всемилостивейше жалованный во 2-й день октября 1854 года с вензелевым изображением высочайшего имени Государя Императора Николая Павловича I перстень.

Николай Александров Мотовилов
**Записки Николая Александровича Мотовилова,
служки Божией Матери и преподобного Серафима.
Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь,
«Отчий дом», М., 2009
(Отдел рукописей РНБ,
фонд С.-Петербургской духовной академии)**

* Два жетона или же две медали? В нынешних коллекциях довольно часто встречаются бронзовые и латунные медали, на лицевой стороне которых под двумя коронами помещены вензеля «Н I» и «А II» и даты: «1853–1854–1855–1856». На оборотной стороне медали надпись: «На Тя Господи уповахом, да не постыдимся во веки». Это медаль в память Крымской войны. Медалью (из светлой бронзы) на Георгиевской ленте награждались солдаты и офицеры, участвовавшие в военных действиях. На Андреевской ленте эту медаль носили чины армии, флота и других ведомств, в том числе чины Государственного подвижного ополчения и малороссийских конных казачьих полков, принимавшие участие в военных событиях или находившиеся в районе боевых действий и не получившие медаль на Георгиевской ленте. Медалью (из темной бронзы) на Владимирской ленте награждались все прочие чины военного и гражданского ведомств, ополчения и казачьих полков. – Из Интернета

Для придания большей объективности некоторым утверждениям Н.А. Мотовилова (прежде всего, о, мягко говоря, кознях послушника Ивана Тихонова, затем иеромонаха Иоасафа), содержащимся в вышеприведенной записке митрополиту Исидору, дадим подходящие выдержки из летописи Серафимо-Дивеевского монастыря:

<...> 3 сентября 1832 года приехал в Саров опять заболевший Николай Александрович Мотовилов. Об этом он пишет сам следующее (записка, достоверные сведения о двух Дивеевских обителях): “Когда в мае месяце 1832 года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болезни и отнятию по-прежнему ног. Страдавши в течение четырех месяцев, услышал я об открытии в Воронеже св. мощей святителя Митрофания и о святости жизни тамошнего епископа Воронежского Антония, почему и пожелал я ехать туда, а хоть по совету родных и ближе 200 верст было бы ехать мне через Пензу из Симбирского имения, но, помня великие милости Господни, через великого старца Серафима явленные мне, велел я везти себя через Саровскую пустынь в Воронеж.

Хотел прежде всего ему первому заявить о моем втором бедствии, что и сделал я, приехав 3 сентября 1832 года в Саров. Когда же пришел к нему, то он отечески принял во мне участие и, несколько побеседовав со мной, сказал: «Помолимся Господу, чтобы Он возвестил нам: мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж». И когда на другой день я опять принесен был к нему, то он сказал мне: «Вот, батюшка, Господь и Божия Матерь в ночь сию мне всю вашу жизнь открыли от рождения и до успения вашего». Тут он много и долго беседовал со мной и предрек всю мою жизнь вперед, и о России, и о прочем многом, что отчасти и сбылось уже, но подробное описание о сем теперь считаю неуместным, хотя и стремлюсь о том сказать в более подробном изложении, если Господь продлит дни жизни моей”.

Затем о. Серафим заповедовал Н.А. Мотовилову служение Дивеевской обители. Он призвал двух сестер мельничной общины – Евдокию Ефремовну Аломасовскую, бывшую при явлении Божией Матери в день Благовещения 1831 года (впоследствии монахиня Евпраксия), и Ирину Семеновну Зеленогорскую, бывшую впоследствии третьей начальницей, чтобы они могли засвидетельствовать другим слова его.

Вложив в руки Н.А. Мотовилова правые руки сестер и придерживая их своими руками, о. Серафим заповедовал, чтобы они не только сами после его смерти обо всем подробно рассказали Николаю Александровичу, что, где и как Божия Матерь заводила через него, но чтобы все сестры ничего от него не скрывали, потому что Божией Матери угодно, дабы Николай Александрович был назначен питателем обители.

Затем подтвердил, дабы по воле Царицы Небесной Николай Александрович все знал об обители так же подробно, как известно самому о. Серафиму. Обратясь же к Мотовилову, батюшка приказал ему, чтобы он был в свое время свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме», и засвидетельствовал, что даже все строение, найденное после смерти старца, выстроено было им самим, по назначению и указанию Царицы Небесной. «И камешка одного я, убогий Серафим, самопроизвольно у них не поставил!» – сказал батюшка, оканчивая свою речь.

Н.А. Мотовилов продолжает в записке: «И давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам, отпустил меня с миром в Воронеж, куда я прибыл в 19-й день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября и на праздник Покрова Божией Матери получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление, молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

<...> Принесли зажженную свечку и увидели, что старец, в обычном своем белом балахончике, стоял на обыкновенном месте молитвы перед малым аналоем на коленях, с открытой головой, с медным Распятием на шее. Его руки, сложенные крестообразно, лежали на аналое, на книге, по которой он совершал свой молитвенный труд перед образом Божией Матери Умиления, а на руках лежала голова ниц лицом. Полагали, что он уснул; стали осторожно будить его, но ответа не было: старец окончил подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лицо оживлено богомыслием и молитвой. Тело старца было тепло, как будто бы дух его только еще сию минуту оставил храмину свою. Но его уже никто не мог теперь пробудить к жизни.

Так описывает автор жизнеописания о. Серафима Саровских изданий 1863 и 1893 годов. Но вопрос: не описывает ли он это со слов очевидцев или смотря на изображение, которое было написано ошибочно, как говорят современники. В издании 1893 года приложено не такое изображение, так что оно не соответствует вовсе описанию. Н.А. Мотовилов в записке «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях» опровергает сведения Саровского издания.

Так, он пишет: «Батюшка скончался на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками, а не поникши вниз и лежащим на книге, как в сем издании 1863 года изображено. А что он действительно стоя на коленях, в таком положении скончался, слышал я тогда по приезде моем из Воронежа лично от самого игумена Нифонта и живших возле батюшки отца Серафима иеромонаха Евстафия и иеродиакона Нафанаила, которых игумен Нифонт призвал к себе при мне для того, чтобы о нем подробно сами мне сказали».

11 января прибыл в Саров исцеленный Николай Александрович Мотовилов в отчаянии, что он не застал даже похорон о. Серафима. Автор жизнеописания о. Серафима Саровского, издания 1863 и 1893 годов, неизвестно от кого получивший сведения о помещике Мотовилове, говорит, что в недавнем времени был исцелен о. Серафимом помещик, страдавший ногами и ходивший на костылях. После исцеления о. Серафим приказал ему ехать в Киев поблагодарить Божию Матерь. Помещик с радости предался утехам жизни, не исполнив словес старца.

Тогда болезнь опять возвратилась к нему. Снова больной обратился к старцу, покрытый стыдом. Отец Серафим велел ему ехать в Воронеж к святителю и чудотворцу Митрофану. Там помещик немалое время жил у тогдашнего епископа Антония, молился о своем здорovie, но не получил чудесного исцеления. Наконец святитель Митрофан явился во сне епископу Антонию, показал ему образ Св. Троицы и предстоящего пред Ней старца Серафима и сказал: «Скорее отпусти больного в Саров; его может исцелить один Серафим». Тотчас после сего видения епископ Антоний отправил больного в Саров и с ним послал пять больших свечей о. Серафиму, приказывая, в случае смерти старца, поставить эти свечи за упокой его души.

Больной очень спешил в Саров. От Тамбова, оставивши своих лошадей, он поехал на почтовых; но поспел в Саров только на другой день после погребения о. Серафима. Поставив свечи за упокой его души, он очень плакал о смерти старца, от которого чаял исцеления, и скорбь свою рассказывал в монастыре всей братии.

Сведения эти о Н.А. Мотовилове спутанны и неверны, что свидетельствует живая еще жена его, живущая ныне в Дивееве, и, наконец, личная записка Николая Александровича.

Кроме приведенных выше выдержек из записки, он пишет:

“Я пробыл в Воронеже более трех месяцев, в совершенном и полном здравии. 2 января 1833 года, в этот же день вечером услышал я от высокопреосвященного Антония, что батюшка отец Серафим в ночь на этот день, во втором часу за полночь, скончался, о чем он сам ему, являсь очевидно, возвестил. Он по нем сам в тот же день соборно отслужил панихиду. А я 4 января выехал из Воронежа и 11 прибыл в Саровскую пустынь, через два дня после погребения о. Серафима. И вот как все дело поистине было, а не так, как в издании 1863 года на странице 313, напечатано обо мне. Я, напротив, не только получил исцеление, но и столь чудное, что до сих пор, 61 года жизни моей, благодатию Божией и общими молитвами великого старца Серафима и трех святителей великих: Митрофана, Тихона и Антония – пользуюсь в течение 38 лет совершенным здоровьем, о чем печатно свидетельствую во славу Господа и Пречистой Его Матери и великих угодников Божиих.

Что же касается до явления святителя Митрофана, то он явился мне, а не преосвященному Антонию, через два года, в 1834 году. В Киеве советовал батюшка отец Серафим побывать, «ибо там, – сказал он, – Господь много откроет вам!» Как это совершенно несправедливо, так и многое другое, например: кому неизвестно, что великий старец Серафим никогда не имел у себя модной мебели и что келья его вся была завалена разными приносимыми ему предметами, им употребляемыми, в мешках и просто лежавшими. Впереди келья заставлена была вся большими бутылками и бутылками и штофами с елеем и со св. водой, и с церковным вином в бочонках, и сотни свеч горели на двух медных, круглых, в роде подносов с местечками для свеч, подсвечниках, так что едва маленький и узкий ход от двери его к образам оставался. А на эстампе, например, при явлении Божией Матери с двумя апостолами, келья представлена пустая, а он сам посреди лежащий на модной кушетке, тогда как в это время он лежал возле передней стены, на простой скамье, а под головой был камень, доставшийся после него впоследствии мне.

Да и Божия Мать, обращаясь к Апостолам, изволила сказать о нем: «Сей от рода Нашего есть!» и не «Моего», как напечатано о явлении Ее на день Благовещенья с 12 святыми девами и другими при том предстоящими. Не только во времени не соблюдено правды, ибо показано оно было не в 1831 году, а в 1832, да и не в деревянной его пустынной келье, а в монастырской каменной, где он и скончался на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками...

В большее утешение душевной скорби моей, что я не удостоился поспеть к погребению о. Серафима, игумен Нифонт благословил меня тем самым Евангелием, которое во вседневном употреблении у великого старца Серафима было в течение трех с половиной последних лет жизни его, имеющее сзади на переплете обгоревшее немного место, в день его кончины; также образом Божией Матери Жизнедательницы, небольшой на кипарисе, тот самый, которым благословила его родительница его при дозволении ему остаться навсегда в Сарове.

Мне отдали еще ту самую книжку «Алфавит духовный», с недостающими сначала несколькими листами, по которой он сам, великий старец Серафим, учился духовной жизни, и из двух крестов, всегда бывших на нем, маленький кипарисный крест, вырезанный его руками и обложенный серебром из того старинного рубля серебряного, который дала ему его матушка, отпуская на богомолье в Киев, и который был на нем. А медный большой, другой крест осьмиконечный, родительницы его благословение, сказал мне тогда игумен Нифонт, «и образ Божией Матери «Радости всех радостей», пред которой он, стоя на коленях, скончался, отдал я в его девическую Дивеевскую обитель”.

<...> Камни, на которые старец для умерщвления искушений врага восходил молиться в течение тысячи суток, перенесены в Дивеевскую общину. Тот из них, на котором он стаивал днем в своей келье, находится в прежнем своем виде в Преображенской церкви в Дивееве. От другого из этих камней, на котором о. Серафим молился ночью перед открытым небом, остался один обломок, потому что благочестивые посетители Сарова, осматривая места, на которых о. Серафим подвизался, постоянно отбивали от него части и увозили с собою.

И этот остаток, имеющий около аршина в диаметре, вскоре после кончины старца также перевезен в Дивеево и положен в той же Преображенской церкви. Келья, в которой о. Серафим подвизался в ближней пустыни, куплена Н.А. Мотовиловым и также перенесена в Дивеевскую обитель. В ней совершается теперь неусыпное чтение Псалтири за упокой в Бозе почивших лиц Царского рода, пастырей Церкви, о. Серафима, усопших сестер обители и других благодетельствовавших ей при своей жизни особ. А другая подвижническая келья о. Серафима в Дивееве же обращена в алтарь в храме Преображения Господня.

Образ Царицы Небесной «Радости всех радостей», написанный на полотне, натянутом на кипарисную доску, стоявший в монастырской келье о. Серафима, находится теперь в соборе Дивеевской обители. Усердием Наталии Ивановны Богдановой на нем положена серебряная вызолоченная риза. Перед ним в определенный день недели поется акафист Спасителю и Божией Матери. Благочестивые посетители питают особое усердие к иконе сей и, по своей вере, получают от нее духовное утешение.

Особенно известной сделалась одна вещь из оставшихся после о. Серафима. Незадолго перед кончиной своей он благословил начальницу Дивеевской обители Ксению Михайловну Кочеулову полумантией, которую сам носил. Когда сестра обители, Елисавета Андреевна Татарина, отправлялась в Петербург за сбором подаяний, ей дана была в напутствие и мантия о. Серафима. Эта мантия в последнее время огласилась в Петербурге даром исцеления над дитятей, которому искусство первых в столице врачей отказывало в помощи. Из Евангелий, которые читал в келье о. Серафим, одно находится в Сарове, а другое – в Дивеевской обители у Е.И. Мотовиловой.

Последнее Евангелие, в кожаном переплете, есть то самое, которое о. Серафим носил всегда с собою в сумочке за плечами. Рассматривая его, мы увидели, что в этом переплете собраны были вместе: Псалтирь, Евангелие, книги Деяний и послания святых Апостол. В Дивееве же хранится малая часть книги Четьи-минеи первой трети, тлевшая при пожаре, бывшем при кончине старца Серафима. Из этого перечня вещей, оставшихся после старца Серафима, видно, что большая часть из них приобретена Дивеевской общиной.

<...> Дивеевская обитель в 1833 году представляла из себя две разнохарактерные общины, расположенные на расстоянии 100-150 сажен друг от друга. Казанская общинка, основанная матерью Александрой, держалась строгого Саровского устава и имела всего 1332 кв. сажени земли, на которых было уже в то время 17 келий и огород. Она управлялась начальницей, избираемой между своими сестрами, и в это время начальствовала все еще старица Ксения Михайловна Кочеулова, известная своей строгостью и суровостью.

В нее поступали по выбору начальницы и старые и малые, и вдовы и девицы. В 17 кельях жили в то время до 113 сестер, между которыми находилась дочь Ксении Михайловны Ирина Прокофьевна, поступившая в 1840 году Елисавета Андреевна Татарина и в 1842 году девицы из дворян Пензенской губернии Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские.

Вторая общинка Серафимо-Дивеевская, или Мельнично-девичья, занимала принадлежавшую ей землю, пожертвованную генеральшей Постниковой в количестве трех десятин, на которой стояло 19 келий. К ней принадлежало 60 десятин земли, огородной и пахотной, купленной у г-на Жданова и пожертвованной М.В. Мантуровым* и Н.А. Мотовиловым.

Кроме девиц и малолетних детей, никто сюда не принимался по заповеди Царицы Небесной. В 19 кельях жило в то время до 125 девиц, в числе которых были великие рабыни Божии Прасковья Степановна – старица, исправлявшая должность начальницы после смерти Е.В. Мантуровой, блаженная Прасковья Семеновна Мелюкова, Евдокия Ефремовна – удостоенная видения Царицы Небесной в 1831 году в келье о. Серафима в день Благовещения, Анна Алексеевна, Ксения Васильевна и другие, известные из их собственных повествований в предыдущих главах летописи.

<...> После кончины батюшки о. Серафима послушник Иван Тихонов не только не бросил своей мысли и цели – быть покровителем и распорядителем в Серафимо-Дивеевской обители, но, забыв все наставления и приказания старца, решился настойчиво требовать подчинения себе общин, завещанных ему и оставленных будто на его попечение самим великим старцем. Ему даже пришла странная мысль поехать в Воронеж, под видом поклонения мощам святителя Митрофана, к архиепископу Антонию, также прозорливцу и святой жизни пастырю, чтобы «утешиться его беседой». Желание же беседы явилось вследствие будто бы недоумения насчет ига, наложенного на него о. Серафимом, касательно Дивеевской обители.

Спрашивается: если бы действительно о. Серафим приказал ему заниматься Дивеевом, зачем было ему недоумевать и спрашивать высокопреосвященного Антония? С другой стороны, так как батюшка о. Серафим запретил ему вмешиваться в Дивеево и уговаривал не губить свою душу как чуждопосетителю, то могло ли помочь ему даже благословение Антония на покровительство общине? Наконец, как благодатный прозорливец, познавший духом час смерти о. Серафима, мог ли он остаться в неведении о воле великого старца насчет Ивана Тихонова, и затем, какой смысл был благословить или советовать заниматься женской обителью канонарху-послушнику? Однако Иван Тихонов испросил себе паспорт и по благословиению игумена отправился в Воронеж, а затем в 1849 году напечатал об этом рассказ (Сказания о подвигах о. Серафима).

Для характеристики Ивана Тихонова нельзя оставить без внимания это его повествование, которому в то время верили и восторгались в Петербурге.

<...> Николай Александрович Мотовилов, человек горячего и искреннего сердца, был в то время холост и, дабы действительно послужить памяти о. Серафима и исполнить его заповедь относительно Дивеева, решился сам поехать на родину великого старца в Курск, собрать сведения о детстве и юношестве его, а также посетить Киевский Флоровский монастырь и расспросить о монашествовавшей в нем Агафье Семеновне Мельгуновой, основательнице Казанско-Дивеевской общинки.

В Сарове Н.А. Мотовилову передали, что о. Серафим перед кончиной приказывал многим писать, чтобы эти лица приехали свидетельствовать с ним, но когда он узнал, что они не будут, то передал некоторым инокам предсказания свои и откровения, относящиеся до этих лиц. Так, Николаю Александровичу было приказано сказать: «Скажи, что чего он домогается (то есть получения руки Екатерины Михайловны Языковой), это не для него, а ему готовится другая...»

* Михаил Васильевич Мантуров (1798-1858), нижегородский дворянин, был, можно сказать, первым «Серафимовым служкой».

Николаю Александровичу, жившему большей частью в его Симбирском имении, не были известны отношения о. Серафима к Ивану Тихонову, поэтому он легко поддавался вкрадчивому этому послушнику, который выдавал себя за любимейшего ученика Серафимова и рассказами о батюшке, предсказаниях его, чудесах, своих беседах с ним, о прощании с ним перед кончиной и проч. приблизил Николая Александровича к себе.

Мотовилов все добытые сведения о родителях о. Серафима в г. Курске и о самом великом старце передал по возвращении из путешествия Ивану Тихонову, который и воспользовался этим при издании сказаний о подвигах о. Серафима в Петербурге в 1849 и 1856 годах. Зато эта поездка имела весьма дурные последствия для самого Николая Александровича; он беспричинно заболел сильным нервным и душевным расстройством.

Так как лекарственные средства не помогали ему, то Николай Александрович поехал опять в Воронеж к архиепископу Антонию, который признал, что болезнь произошла по поущению Божию, от врага, излившего на него свою месть за труд, послуживший к прославлению имени великого угодника Божия отца Серафима. В продолжение нескольких месяцев он излечился совершенно, будучи часто причащаем Христовых Тайн святителем Воронежским Антонием.

<...>До 1842 года обе женские общинки, основанные при селе Дивееве, хотя и разнохарактерные, но самостоятельные, нисколько не мешая друг другу, жили в совершенном мире, любви и согласии. Со смертью о. Серафима послушник Иван Тихонов почти переехал на жительство в общинку матери Александры, под предлогом заботы и попечения о Серафимовских сиротах, и постепенно завладел ею. Утвердившись здесь, он начал вмешиваться в дела Мельничной девичьей общинки, с намерением также совершенно подчинить ее себе, но сестры Серафимовские все, живо еще помня заветы батюшки Серафима и приказание его никого не допускать чужого в управление обителью, единогласно заявили Ивану Тихонову свое несогласие на его попечительство.

Тогда озлобленный этот лжеученик Серафимов, которому уже удалось убедить многих в несении им будто бы креста, возложенного на него отцом его и учителем батюшкой Серафимом (начиная с Тамбовского архиерея и кончая всеми поклонниками отца Серафима), решился на смелый и важный шаг: или сломить сплотившихся против него стариц девичьей обители и опровергнуть распространяемый ими слух, что он никогда не был учеником Серафимовым и что не только ему не поручено попечительствовать над ними, но о. Серафим запрещал пускать его в обитель, или стереть с лица земли эту обитель, выхлопотав соединение ее с общинкой матери Александры.

<...> После того как Иван Тихонов обещал сделаться змеею и всюду вползти, не могло быть сомнения, что он этого достигнет. Тотчас он написал тайно в Петербург к лицам, относившимся с особой любовью к старцу Серафиму, о положении дел в Дивееве и просил о присоединении девичьей общины к обители матери Александры, под начальством Ирины Прокофьевны, болезненной и слабой начальницы Казанской общинки. Многие из этих лиц, верившие рассказам Ивана Тихонова, имели родных при Высочайшем дворе, и просьбы их увенчались быстрым успехом. 28 июля 1842 года был уже получен указ о соединении обеих Дивеевских общин в одну Серафимо-Дивеевскую с полным, абсолютным подчинением начальнице общины матери Александры.

По этому поводу в кратком официальном описании Дивеевского монастыря, хранящемся в Нижегородской консистории, говорится следующее:

«Горестное, никем не ожидаемое событие это, доставя велие ликование Ивану Тихонову с избранницами его, прочих обеих общинок сестер повергло в глубокую скорбь, печаль и сетование. Серафимовы сироты ужасались тому, что заветы великого старца, основателя их, пограны и отданы они в руки страшнейшего врага их. Старицы же матери Александры сокрушались, глядя на нововведения, которыми нарушался их исконно заведенный порядок и принятый устав из Сарова. Но поправить дело было уже немыслимо и поздно. Таким образом прежде царивший мир и покой Божьего Дивеева навсегда уже был нарушен, и только плач и рыдания, попущением Божиим, многие десятки лет раздавались во Святом месте избранного жребия Богоматери».

Хотя Михаил Васильевич Мантуров жил в это время в Дивееве, но он, совершенно нищий и выгнанный от Куприянова управляющий, ничего не мог сделать. Священник о. Василий Садовский и Н.А. Мотовилов в составленном ими жизнеописании Мантурова пишут так: «Видя вполне водворившегося и самовольно всем уже распорядившегося в Дивееве Ивана Тихонова и вполне понимая, по нищете своей, невозможность противостоять ему и оградить Серафимову обитель, тихо жил Мантуров, терпя все, ради непоколебимой, твердой веры в Бога, стараясь лишь, где было возможно, встречать Ивана Тихонова и действовать на него хоть словами страха Божия; но все было напрасно, ибо честолюбие заглушило совесть его!

И в самом деле, что же мог сделать незаметный бедняга, нищий какой-то Мантуров, прогнанный управляющий генерала Куприянова, против возросшего уже Ивана Тихонова через всевозможные хитросплетения и интриги. Безграничное честолюбие заставляло его вымышлять, что он якобы любимый ученик праведного чудотворца Серафима, и этим он себя всюду прославлял. Кроме того, он, начиная с архиереев, решительно всем выставлял себя за страдальца, который несет страшную Божию кару.

Все это зная, Михаил Васильевич молча и терпеливо переносил возводимые на него клеветы и продолжал подвиг верного служения своего обители Богоматери. Он безбоязненно мешал с неудержимой энергией этому „чуждопосетителю“ во всех его посягательствах на уничтожение заповеданного Дивееву святым старцем. Вскоре Михаил Васильевич поплатился за это пожаром; его скромный домишко подожгли. С помощью добрых людей Мантуров выстроил себе другой, гораздо лучший, на принадлежащей ему земле, вне общины, против Казанской церкви, в котором и жил до самой своей смерти».

В книге, изданной Иваном Тихоновым в 1849 году, он рассказывает о соединении общин с восторгом и подобающим вымыслом. Он даже утверждает, что «как дивен Бог во святых Своих, служит доказательством еще следующее дивное исполнение предсказаний отца Серафима относительно Дивеевской обители».

В 1842 году 27 июля получен был в Дивеевской общине указ Святейшего Правительствующего Синода, из Нижегородской духовной консистории, где изъясняется, что по Высочайшему соизволению Государя Императора Николая Павловича и по благословению св. Правительствующего Синода сия общежительная Дивеевская обитель утверждена, соединена и принята под покровительство духовного и гражданского начальства. На следующий день, 28 июля, указ был прочитан по окончании литургии. И все это совершилось будто бы по особенному промыслу Божию, во исполнение предсказаний о. Серафима!

Тут Иван Тихонов безбожно изменяет смысл предсказаний о Серафима. Он говорит: старец говаривал многим благотворительным особам, что утверждение обители последует именно в 1842 году (?), а сиротам дивеевским часто повторял: «Терпите, терпите, Господа ради, все болезни и скорби; у вас будет такая радость, что среди лета запоете Пасху!»

«И вот, – пишет Иван Тихонов, – теперь дивный во святых Своих Господь и Царица Небесная по молитвам праведника внушили Государю Императору сделать это утверждение именно в 1842 году и среди лета, и притом 28 июля, в такой день, когда Церковь Православная совершает празднество в честь Божией Матери Смоленской и св. апостола Прохора, Ангела о. Серафима до вступления его в монашество.

Столь многие радости, соединившиеся вместе, были причиной, что, когда прочитан был этот указ в Божественном храме, изумление сирот было столь великое и столь живое, что в этот миг они забыли все свои скорби, целовали друг друга, плакали, смеялись и каждая по-своему изливала перед Господом и Царицей Небесною свои благодарные чувства за эти милости Божии и Царские; казалось, все они тогда, как некогда апостолы, во время сошествия на них св. Духа, упились каким-то неизъяснимым утешением (?).

После первого момента радости принесено было благодарственное молебствие о здравии Царской Всеавгустейшей Фамилии, о Св. Правительствующем Синоде, о пастырях и вообще о всех благотворительных особах, содействовавших благу обители. Затем, – продолжает свое повествование послушник Иван Тихонов, – все общество сестер, состоявшее из 300 и более, обратилось с чувством благодарности и с поздравлением к настоятельнице своей, так как по этому указу она сделалась единственной начальницей соединившейся обители».

Мало этого было Ивану Тихонову; чтобы доказать необходимость соединения, он прямо свидетельствует, что о. Серафим не давал заповеди о приеме в мельничную обитель одних девиц. Следовательно, он уничтожает основные заветы общины, установленные Самой Царицей Небесной. По этому одному можно судить: был ли он учеником и другом о. Серафима?

Так, пишет он, что обе общинки «едва не разделились на две самостоятельные обители, тем более что и посторонние лица, вмешиваясь в дела ее (!), желали также этого разделения и хлопотали уже о том, чтобы в одной части обители находились вдовствующие, а в другой – девицы, каждая под управлением особой настоятельницы. Но так как на такое неосновательное разделение не было никакого благословения отца Серафима, то и высшее начальство, по промыслу Божию, не утверждало этого разделения, но нашло полезнейшим и необходимым соединить их под единственной настоятельницей».

<...> Иван Тихонов не встретил препятствия к достижению своего злобного плана даже со стороны временного друга своего Николая Александровича Мотовилова, и вот почему. Николай Александрович, как мы упомянули, доверился Ивану Тихонову, потому что в Сарове ему не опровергли рассказов этого лжеучителя и он сам видел, как Иван Тихонов часто посещал великого старца.

С другой стороны, Н.А. Мотовилов жил преимущественно в своем Симбирском имении, а после смерти о. Серафима вскоре поехал в Курск за собиранием сведений о батюшке у его родственников и чрез это поплатился жестокой болезнью, которую ему облегчил архиепископ Антоний Воронежский. После первого страдания Николай Александрович захворал опять ногами и пролежал в своем доме в с. Дивееве около года. По выздоровлении, в 1840 году, Н. А. Мотовилов женился на Елене Ивановне Мелюковой и переселился в Симбирское имение. В то время Иван Тихонов ничего еще не разрушал в обители о. Серафима, и Николай Александрович продолжал быть с ним в приятельских отношениях.

Когда же в 1842 году произошло соединение общин, Н.А. Мотовилов сразу прозрел на счет Ивана Тихонова, сильно огорчился и даже уверял, что если бы он не женился, то Иван Тихонов не мог бы добиться такого нарушения заветов батюшки Серафима. Так, в своей записке «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях» Н.А. Мотовилов пишет:

“И не только при жизни великого старца Серафима обитель его с самого незабвенного дня основания ее 25 ноября 1825 года до дня приснопамятнейшей кончины его 2 января 1833 года, к коему времени в ней было уже 74 сестры, была управляема особой, независимой ни от кого (кроме одного его, великого старца Серафима) начальницей девицей Прасковьей Степановной, но и потом до самого наибедственнейшего дня соединения общин 28 июля 1842 года имела всегда своих полновластных, самостоятельных начальниц, из которых последнею была девица Ксения Ильинична.

День соединения двух Дивеевских общин я называю наибедственнейшим, потому что творившееся до того втайне беззаконное извращение смысла, толка и сущности воли Божией Матери и завещаний великого старца в этот день обнаружилось во всей силе своей. Несмотря ни на какие мои глубокоуважительные доводы по закону Божьему и гражданскому, заключающиеся в бумагах моих, сведения о заведении обеих Дивеевских обителей были представлены совершенно превратным образом, а именно, что будто бы в Дивееве никогда не бывало двух самостоятельных и совершенно друг от друга независимых общин, а была одна община в двух отделениях.

Поэтому, представив сию святую девическую обитель Божией Матери и великого старца Серафима лишь только младшим, непокорствующим отделением, повелено было начальницу оной Ксению Ильиничну, со всеми сестрами ее, подчинить начальству мнимостаршей начальницы Ирины Прокофьевны Кочевой.

Но в самом деле, как та, так и другая община через соединение это подведены были лишь под полное владычество канонарха саровского и мещанина тамбовского Ивана Тихонова. Ирина Прокофьевна всегда подписывала на готовых бумагах, не читавши их, или, того хуже, давала ему бланки, будучи им и сотрудницами его завлечена в деле соединения лестью. Злоба же канонарха сего на обитель сию мельничную девическую предвидена была еще самим великим старцем Серафимом, почему он умолял Господа сотворить чудо о падении древа, чтобы хоть тем уцеломудрить его.

Ненависть же раскрылась вполне только тогда, когда приехал Иван Тихонов с иеромонахом саровским Анастасием в мельничную сию девическую обитель к начальнице Ксении Ильиничне и, пригласив всех старших этой обители, потребовал от них, чтобы они при сем иеромонахе Анастасии подтвердили и сами все его похваления, приписываемые самому себе, как будто бы он первый и любимейший ученик батюшки о. Серафима и единственный над ними им уполномоченный всегдашний попечитель, или в противном случае сказали бы, что же им говорил про него великий старец Серафим.

Поставляя выше всего храм Божий и уважение к словам отца своего Серафима, они сперва не исполнили его первого требования, а по второму настоятельному желанию Прасковьи Степановны, бывшая начальница, сказала, что батюшка о. Серафим про него говорил, что он, Иван Тихонович, «хоть и вызывается вам послужить, но во всю жизнь свою холоден будет к вам; и хоть начнет хлопотать будто бы из-за вас, но на вас же весь мир воздвигнет, и мирских и духовных, и ничего вам доброго не сделает. Да и то, – прибавил он, – по мне, убогом Серафиме, другого отца уже не будет вам!» И всегда называл он их своими сиротами.

Иван Тихонов так на это озлобился, что, выходя из келий и из обители мельничных девиц, поклялся с тех пор и ноги своей не накладывать в оную и не почитать до тех пор, пока не истребит ее до конца, не сотрет с лица земли и не уничтожит память о ее существовании. Что и могло бы действительно впоследствии, может быть, если бы она была основана на песке, а не на камне. Камень же бе воля Божией Матери и святые труды великого старца Серафима, положенные в ее основание.

За всеми домогательствами Ивана Тихонова и сотрудниц его обитель сия, однако же, не рушилась, да и самый дух общества сих двух обителей сестер, насильственно смешанных, однако, не только не смешался и не слился в один дух, но что всего удивительнее – это то, что из обеих общин выделились лишь только все усердствовавшие к делу сего соединения сподвижницы Ивана Тихонова, сначала тайно, а потом уже явно образовали из себя третье общество, духом своего руководителя вполне проникнутое, и сколько вытерпели сироты батюшки отца Серафима после этого соединения своего, о том можно лишь то сказать, что если бы не Господь был за них, то живых убо пожерли быша их. С 1849 года печатно их выдали за мертвых (Иван Тихонов писал, что большинство Серафимовых старцев перемерло).

О пении Пасхи, хотя в сказаниях Ивана Тихонова напечатано, что действительно сладким радостям сирот при этом воспоминании не было конца, но, напротив того, лишь только слезам, да и не одних Серафимовых сирот, но и сестер обители матушки Александры, не было конца. Сироты мельничной обители неутешно плакали о том, что завещание великого старца Серафима попрано и они отданы в руки врага своего. А старушки плакали о том, что нововведениями нарушалось их старинное правило и устав, принятый ими от Сарова. Если и радовались иные, то немногие, а именно только те ходатаи о сем соединении, которые не ведали, что творили.

Из них впоследствии некоторые раскаялись о тогдашней своей радости, потому что после того все здания, строенные по указанию батюшки о. Серафима, начиная с мельницы, и все кельи его переломали по приказанию Ивана Тихонова или переставили за канавку, а оставленные в канавке на новых, произвольных, без нужды выбранных местах переставили.

Если что и осталось на своем прежнем месте, то лишь одна канавка со своим валом, но и через нее, вопреки завещаниям старца Серафима, сделаны мосты и переходы. Великий старец часто поминал о ней, говоря, что одна канавка его останется и станет стеной до небес за сирот его и что сироты его хотя до настоящего антихриста и не доживут, но времена его переживут”.

Вслед за соединением общин в одну Иван Тихонов выхлопотал книжку для сбора пожертвований на постройки, затеянные им в Дивееве, и отправил с книжкой в Петербург сестру обители Е.А. Татаринovu, преданную ему. В своих повествованиях Иван Тихонов говорит, что первыми жертвователями были Государыня Императрица, Наследник Цесаревич, Цесаревна, Великие Князья и Княжны. Потом подписались Высокопреосвященный митрополит Серафим и другие высокие благодотворители. С одной стороны, это свидетельствует, как чтили память о. Серафима в то время, и с другой – как сильны были покровители простого послушника Саровской пустыни из мещан Ивана Тихонова. По видимому, светские люди не задались вопросом: мог ли о. Серафим поручить целую обитель руководству не старца, а простого послушника?

Иван Тихонов, ободренный своей удачей и победой над старицами и сиротами Серафимовыми, принялся деятельно за работу. Вслед за утверждением общины был получен из Синода указ с разрешением строить в обители каменный собор, по представленному плану, в честь того образа Умиления Божией Матери, перед которым о. Серафим скончался.

Так как в душе Иван Тихонов не желал следовать указаниям батюшки о. Серафима и теперь, ошеломленный успехом борьбы с девичьей общинкой, он возмечтал о себе, то в нем родилось желание превратить Серафимову обитель, смешанную с обителью матери Александры, в свою собственную.

Под предлогом, что на каменный собор нужно много денег, он отложил эту постройку и затеял возведение нового деревянного храма на месте мельничной общинки, как будто эта постройка не требовала никаких средств. Кроме того, в то время не было никакой нужды строить небольшой деревянный храм, когда имелись два каменных Рождественских храма, построенные М.В. Мантуровым при батюшке Серафиме. Если они казались тесными при увеличивающемся числе сестер обители, то тем менее требовалось строить столь же малый деревянный храм в два этажа.

Но, как мы вскоре увидим, Иван Тихонов задумал построить свой храм и запечатать храмы отца Серафима, что ему, к удивлению всех, удалось. Каждым своим шагом и действием он ясно доказывал, что никогда не был учеником великого Серафима и в духовном смысле был одержимый прелестью, то есть гордостью и вражьим духом.

<...>В официальном описании монастыря, хранящемся в Нижегородской консистории, так говорится об этом ужасном времени, переживаемом Дивеевской обителью:

“При слабой настоятельнице новообразовавшейся Серафимо-Дивеевской общины, Ирине Прокофьевне Кочеуловой, все совершенно забравший в личное насильственное и самопроизвольное распоряжение свое Иван Тихонов всем, чем лишь было возможно, теснил и преследовал Серафимовских, постепенно стараясь, под всевозможно благовидными предложениями, уничтожить все Серафимовское, святым старцем, по приказанию Матери Божией, заповеданное, заменяя то лично своим, новым.

Так, мельницу-питательницу перенес он почти на версту в поле с прежнего, ей батюшкой Серафимом определенного места; затем упробил епархиальное начальство запереть и запечатать обе Рождественские церкви, вместо столь строго заповеданного чтения неугасимой Псалтыри заставил читать Евангелие в Тихвинской новоотстроенной им церкви.

После этого снес все по приказанию батюшки Серафима поставленные корпуса-кельи, построив свои, новые, и все задним фасом к святой, заповеданной Царицею Небесною канавке, с твердо выраженным намерением постепенно засыпать ее всяким сором и впоследствии совершенно заровнять.

Эта всем известная и столь многозначительная канавка вырыта по приказанию Самой Матери Божией, по той самой тропе, где, по глаголу святого старца, «Стопочки Царицы Небесной прошли!». Она начата особо чудесным образом самим батюшкой Серафимом. При выкапывании сестрами мельничной общинки Сама Она, Заступница всех христиан, всегда невидимо присутствовала лично, благословляя труд послушания их, как то часто всем сам говорил старец Божий. «Канавка эта одна всегда заступит вас, став огненной стеной до неба! И даже Антихрист и тот ее перейти не сможет!» – говорил о. Серафим”.

Понятно, что такому «чуждопосетителю» батюшка о. Серафим предсказал, что он не увидит лица Серафимова ни здесь, ни в будущей жизни!

<...> 3 июня 1848 года в Дивеевскую обитель прибыл преосвященнейший владыка Иаков, епископ Нижегородский и Арзамасский, для закладки [Свято-Троицкого] собора в сопровождении протоиерея Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря. Его встретили: [Ардатовский] исправник П.Л. Бетлинг, помещик Караулов, инженер, Иван Тихонов, Н.А. Мотовилов, князь Н.А. Енгальчев и съехавшиеся на празднество гости. Преосвященный остановился в доме Н.А. Мотовилова.

Исправник Бетлинг счел долгом еще раз лично доложить епископу Иакову о неудобстве местности, выбранной для собора. Видя, что Владыка упорствует, Бетлинг напомнил ему о воле о. Серафима, именем которого устраивается и содержится община, но он ответил:

«Отец Серафим человек неофициальный, а мы имеем официальный план».

<...> Иван Тихонов употребил все свое красноречие, чтобы восстановить преосвященного Иакова против М.В. Мантурова и выставить его недоброжелателем возрастающей Дивеевской обители. Утром же 4 июня Владыка поехал с Иваном Тихоновым на приготовленное место для закладки собора, отстоявшее от обители на три версты. Дорога была ужасна, разрытое дудками поле привело в ужас преосвященного Иакова. Приехав на место закладки, он задумался и, вероятно осененный благодатию Божией, в изумлении произнес: «Хорошо-то хорошо, но если мы построим тут собор, чтобы служить в нем и молиться, то сюда же должна будет перенестись и обитель. Где же будет тогда начатая Серафимом и свыше ему указанная обитель?»

Иван Тихонов не нашелся, что ответить. Сказав это, епископ Иаков возвратился в обитель и вызвал к себе помещика Караулова, инженера и Ивана Тихонова. Рассмотрев план, они назначили третье по счету место для закладки собора. Между тем Иван Тихонов хорошо знал о настоящем месте, предназначенном для собора о. Серафимом, ибо он в следующем 1849 году печатно заявил, что место это было приобретено великим старцем у г-на Жданова и что деньги 100 руб. ему лично вручил на покупку о. Серафим. Но теперь, недовольный неудачей своего замысла, Иван Тихонов все-таки не вразумился всем случившимся и вознамерился расчистить и приготовить третье место в поле, за добрую версту от обители.

Узнав об этом, М.В. Мантуров, как верный слуга и послушник о. Серафима, счел долгом своей совести заявить Владыке, что действия Ивана Тихонова не согласны с волей и заветами великого старца и основателя обители. Но ввиду недоброжелательства к нему преосвященного, М.В. Мантуров обратился к исправнику Бетлингу с просьбой доложить истину преосвященному Иакову.

<...> На площади тем временем продолжалось объяснение между строителями и приехавшими на закладку собора разными лицами. Иван Тихонов ушел к себе в келью. Исправник Бетлинг обратился тогда к помещику Караулову с вопросом: из-за чего он упорствует так? Караулов сослался на Ивана Тихоновича. Услыхав это, все съехавшиеся на закладку толпою отправились к Ивану Тихонову уговаривать его согласиться на избрание местности, указанной великим старцем, его учителем и отцом. Бетлинг свидетельствует, что Иван Тихонов на это ответил так:

«Если мельничек сидит в затворенной меленке, разве он может видеть, что делается снаружи мельницы?..»

Этим, говорит Бетлинг, он хотел сказать о том, что о. Серафим, будучи еще иеродиакон, только однажды, и то проездом с Саровским игуменом, был у первоначальницы общины, полковницы Мельгуновой, а больше не посещал Дивеева и не мог знать, где и что следует строить.

Эти слова ясно изобразили внутреннее духовное состояние Ивана Тихонова, отвергавшего даже громогласно, перед целой толпой, дар прозорливости в о. Серафиме и заветы, данные им многим из сестер и преданных ему лиц. Каково было это слышать стоявшим здесь старицам о. Серафима, о. Василию Садовскому и многим другим свидетелям отречения его от отца Серафима! Бетлинг и другие ответили Ивану Тихонову, что есть еще живые подрядчики, как Ефим Васильев, которые подтверждают, что о. Серафим сам купил землю г-на Жданова под собор!

Возбужденный спор и шум заставили помещика Караулова идти к преосвященному Иакову и объяснить причину возмущения. За Карауловым пошел народ в сопровождении Бетлинга. Михаил Васильевич и князь Енгальчев горячо отстаивали волю батюшки Серафима, и так как Караулов доложил, что всего несколько сажень отделяют место, указываемое Мантуровым, от назначенного преосвященным, то Владыка сказал: «Ну, если так, то Господь вас да благословит, стройте, где указывает г. Мантуров!»

Вся собравшаяся толпа была видимо довольна этим решением преосвященного Иакова. – «Но, – спросил тогда Владыка, – как же вырыть канавы для фундамента, когда завтра в 4 часа пополудни назначена закладка?» – «Нас съехалось много тысяч! – отвечал народ. – Никто не откажется от посильной работы!» – «Я оповещу всех съехавшихся!» – добавил исправник Бетлинг, горячо почитавший покойного старца о. Серафима.

Преосвященный Иаков попросил Бетлинга помочь. Работа быстро закипела под руководством дивного послушника о. Серафима – Михаила Васильевича Мантурова. Иван Тихонов скрылся и занялся писанием прошения о переводе его из Сарова Тамбовской епархии в Нижегородскую, дабы, согласно указанию св. Синода, быть постриженным в монахи и посвященным в сан иеромонаха. Он забыл все и, мучимый тщеславием и гордостью, добивался одной лишь земной славы.

Таким образом, 5 июня 1848 года совершилась чудом закладка собора, предреченного великим старцем и основателем Дивеева. Такое событие не могло не ознаменоваться каким-нибудь явным проявлением благословения Божия и Царицы Небесной, и действительно, когда преосвященный Владыка возлагал первый камень, то, как святой жизни старец, он вдруг изменился в лице и во всеуслышание, громко воскликнул: «От утра и за утро сей храм воздвигается велиим чудом».

Пророческие слова эти сбылись, ибо, несмотря на все препятствия врага человечества, утвердилось святое место, Самою Царицей Небесной избранное и купленное под храм о. Серафимом. 5 июня был первый радостный день сестрам и сиротам Серафимовым в течение 15 лет после смерти батюшки Серафима.

Преосвященный Иаков согласился на прошение Ивана Тихонова и принял его в Нижегородскую епархию, зачислив в Нижегородский Печерский монастырь. Там его постригли в монахи с именем Иоасафа, затем посвятили в сан иеромонаха, и преосвященный Иаков дал для сбора ему книжку, с которой о. Иоасаф немедленно и отправился в Петербург. Посетив здесь всех лиц, которые ему до сих пор покровительствовали заглазно, по письмам, и затем напечатав свои вымышленные рассказы в 1849 году о батюшке отце Серафиме и любви великого старца к нему, о. Иоасаф приобрел еще большую силу и веру среди придворных дам, которые, как и многие другие, к сожалению, поверили ему, из уважения к памяти о. Серафима.

Ходатаев за него прибавилось, и пожертвования на Дивеевскую обитель лились золотой рекой, хотя о. Иоасаф, недовольный неудачей закладки собора, точно забыл о нем, и место, освященное служением архипастыря и молитвами нескольких тысяч народа, было заброшено.

Увлеченный успехами, о. Иоасаф, конечно, не мог ужиться с игуменом Печерского монастыря и перевелся в архиерейский дом. Но и тут недолго прослужил о. Иоасаф и стал проситься в Балахнинский Феодоровский монастырь. Начальство последнего монастыря не могло остаться равнодушным к самоуправству о. Иоасафа, и последнего перевели игуменом в г. Вологду, где он прожил некоторое время, занимаясь устройством монастыря уже как начальник. Тут он посвятился в схиму под именем Серафима и поспешил перевестись в Арзамасский Высокогорский монастырь. Просился он также в Саров обратно, но братия пустыни отказалась его принять.

Так исполнились все предсказания о Серафима, что он от всякого начальнического слова будет переходить из монастыря в монастырь (см. изд. 1849 г.) и не вернется более в Саров. Исправник Бетлинг, свидетель всех смут, происшедших в Дивееве по милости о. Иоасафа, говорит в конце своей записки: «Схимонаха Серафима не следует смешивать со старцем Серафимом Саровским; это хотя и одноименные, но совершенно разные личности». Слова эти доказывают только, что были люди, которые почитали схимонаха Серафима за великого старца Серафима, когда Иван Тихонов из своих сторонниц образовал Серафимо-Понетаевскую обитель.

В 1850 году о. Иоасаф, дав, по обыкновению, начальнице Дивеевской общины Ирине Прокофьевне подписать белый бланк, составил без ее ведома прошение к Нижегородскому преосвященному Иакову о том, чтобы ввиду ее преклонных лет назначили бы его попечителем, строителем, духовником и благочинным Дивеевской общины. Архиепископ Иаков, считавший уже о. Иоасафа за человека, не заслуживающего доверия, положил резкую и строгую резолюцию на этом прошении: «Попечителей в монастырях не полагается, духовник и благочинный – есть, а строительницею должна быть начальница, которую за старостью лет сменить». Вознегодовав на это решение, о. Иоасаф стал хлопотать о выборе такой новой начальницы, которая бы была столь же несамостоятельна и предана ему, как Ирина Прокофьевна.

Сестры же общины, со своей стороны, большинством голосов избрали себе по духу в начальницы кроткую и добрую Серафимову сироту 49-летнюю крестьянскую девушку Устинию Ивановну (впоследствии монахиню Иларию), но о. Иоасаф добился, что Нижегородская консистория отменила единодушный выбор сестер общины, будто бы за безграмотность ее, и назначила начальницей дворянку Екатерину Васильевну Ладыженскую, слепо преданную о. Иоасафу и доверенную по его делам.

Не получая долго ответа на это прошение, о. Иоасаф послал Е.В. Ладыженскую в мае 1850 года в Нижний Новгород. Там она узнала, что архиепископ Иаков на чреде в Св. Синоде в Петербурге, но получен ответ с отказом на прошение Ирины Прокофьевны. Думая повлиять на Владыку, Е.В. Ладыженская тотчас поехала в Петербург, где застала высокопреосвященного Иакова больным, за два дня до его смерти. Умиравший архипастырь сказал ей: «Я молился и не нахожу полезным ваше желание! Даю тебе заповедь: ты предана о. Иоасафу и потому ездь к нему советоваться, но чтобы его ноги не было в Дивееве!»

<...> В 1851 году был назначен в Нижний Новгород Полтавский епископ Иеремия, замечательный человек во многих отношениях, и по вступлении в исправление должности он приказал исполнить резолюцию архиепископа Иакова и выбрать Дивееву начальницу. Как сказано, консистория утвердила Екатерину Васильевну Ладыженскую.

<...> Пока о. Антоний беседовал с Елисаветой Алексеевной [Ушаковой], мимо дома г-жи Лихутиной проехал Н.А. Мотовилов с женой, и, увидя их, хозяйка дома крикнула Николаю Александровичу, что о. Антоний живет у нее. Конечно, было приказано экипажу остановиться, и горячо любящий Господа Николай Александрович поспешил испросить благословение у о. Антония. Он вошел к старцу в ту минуту, как выходила Елисавета Алексеевна, и, вероятно, чтобы и другие знали волю Божию относительно Ушаковой, о. Антоний повторил Мотовиловым все сказанное Елисавете Алексеевне. Затем о. Антоний предсказал Николаю Александровичу многое, касающееся его семейной жизни и предстоящих ему неудач и испытаний.

<...> Пожертвования присылались о. Иоасафу в соответственном количестве, но заложенный собор был заброшен и забыт! На частицу пожертвованных денег он приобрел для обители от коллежского асессора Симеона Симеоновича Зевакина 304 десятины 1460 кв. саж. земли.

Затем было куплено от мещанок г. Ардатова Дарии и Евдокии Гавриловых усадебно-огородной земли 1248 кв. саж. Николай Александрович Мотовилов еще пожертвовал 433 десятины 658 кв. саж. земли. Из билетов, пожертвованных на вечные времена для поминовения, образовалась небольшая сумма в 6430 руб. 26½ коп. Кроме того, обители досталось по завещанию отставного капитана Баранова в Нижнем Новгороде два деревянных негодных дома, которые и послужили впоследствии образованием подворья.

Двоюродная сестра настоятельницы общины, поступившая в число сестер, пензенская дворянка, вдова Дарья Михайловна Каменская построила церковь Преображения Господня на кладбище. Так было и предсказано о. Серафимом. По благословению преосвященного Иеремии пустынка о. Серафима была обращена в алтарь церкви и кругом нее устроены витрины для помещения и хранения всех вещей батюшки Серафима.

Кроме того, за 8 лет начальствования Ладыженской устроена одноэтажная каменная трапеза с деревянной крышей и из добываемого в селе Дивееве известкового белого камня выведено 364 сажени ограды. Несмотря на сборы, делаемые в Петербурге, дела обители так расстроились при управлении Е.В. Ладыженской, что образовались значительные долги.

<...> Во время коронавания Их Величеств в 1856 году о. Иоасаф приказал своим петербургским художницам подать прошение, помимо настоятельницы Ладыженской, об утверждении монастыря. Фрейлина Тютчева взялась помочь этому делу. И действительно, вскоре преосвященный Иеремия получил из Синода указ, что по желанию Государыни Императрицы Дивеевская община должна быть возведена в монастырь.

Удивленный и несколько рассерженный за хлопоты сестер общины помимо него, Владыка потребовал к себе настоятельницу Ладыженскую. Пока Екатерина Васильевна, измученная неприятностями и непосильными волнениями, собиралась ехать в Нижний, преосвященный Иеремия получил вторичный указ из Синода с выговором, что он мешает распоряжениями относительно Дивеевской общины. Тогда праведный Владыка решил сам ответить, не дожидаясь Ладыженской, и написал в Св. Синод, что Дивеевская община далеко еще не созрела, чтобы быть монастырем.

Наконец, явилась к нему Е.В. Ладыженская, ничего не зная о происходившем в Петербурге. Е.В. Ладыженская, чтобы окончательно выяснить, был ли о. Иоасаф близок к о. Серафиму и не состоял ли его учеником, решила обратиться к игумену Саровской пустыни Исае с тайной просьбой сказать это по совести и чести, дабы снять с нее недоумение или грех, если действительно Иоасаф получил приказание о. Серафима управлять Дивеевом.

Отец игумен Исаия засвидетельствовал самым серьезным и положительным образом, что великий старец о. Серафим никогда не имел учеников и приказал Иоасафу отнюдь не вмешиваться в дела Дивеева. Тогда Е.В. Ладыженская окончательно решила требовать удаления о. Иоасафа и прибыла с этой целью к преосвященному Иеремии. Преосвященный просил ее объяснить, что значит запрос, сделанный ему из Петербурга.

Ни в чем неповинная настоятельница сказала только, что она предполагает в данном случае самоизвольные распоряжения о. Иоасафа и художниц, проживающих в Петербурге. Потом она стала жаловаться Владыке на свою жизнь и покаялась, что прежде действительно была предана о. Иоасафу, выдававшему себя за ученика отца Серафима, и слепо верила ему, вследствие чего он самовольно распоряжался делами обители, но теперь решительно отказывается от этого непрошеного попечителя обители и не согласна допускать его в общину.

Постоянные неприятности, благодаря действиям и выдумкам Лукерьи Занятовой и ее послушниц, довели Е.В. Ладыженскую до нервного расстройства. Преосвященный Иеремия посоветовал немедленно вернуть Лукерью Занятову и художниц из Петербурга, что и было исполнено.

<...> Возвращением художниц из Петербурга в общину был нанесен сильный удар всем замыслам и стремлениям о. Иоасафа и его сестер. Во-первых, почувствовали, что есть власть, которой они должны подчиняться, тогда как до сих пор всем руководились самостоятельно, а во-вторых, личные хлопоты в Петербурге приносили плоды, а переписка их с высокопоставленными лицами, при малограмотности, была всегда затруднительна и менее полезна.

До крайности рассерженный и раздраженный этим распоряжением преосвященного Иеремии, о. Иоасаф повел интригу против Владыки, которого обвинили чуть не в сопротивлении желанию Государыни Императрицы. Узнав, что его назначают на Алеутские острова, преосвященный Иеремия подал тотчас прошение об увольнении его на покой и переехал в Печерский монастырь.

Только успел водвориться в Нижнем Новгороде вновь назначенный преосвященный Антоний, как получил письмо от фрейлины великой княгини Марии Николаевны, графини Толстой, в котором спрашивалось: не угодно ли Дивеевской общине послать вновь художниц в Петербургскую академию, и дабы выбор сестер был предоставлен о. Иоасафу, так как ему знакомо искусство живописи и он имеет вкус.

Преосвященный Антоний послал о. Иоасафа в Дивеево. Приезд его был неожиданный, после объявленного настоятельницей нежелания допускать его в дела обители, и произвел немалый переполох. Е.В. Ладыженская приняла его сухо в своей келье и сказала, что даст лично ответ преосвященному, а ему не разрешает производить выбор сестер. Несмотря на это, о. Иоасаф составил свой список сестер и представил его Владыке.

Когда Е.В. Ладыженская прибыла к преосвященному Антонию, то был позван и о. Иоасаф. На очной ставке настоятельница Дивеевской обители опять отказалась от попечительства и руководства о. Иоасафа, но живописицы под начальством Лукерьи Занятовой собрались и отправились в Петербург без дозволения Ладыженской. Дела обители, таким образом, пришли в полный упадок.

<...> В 1859 году выбившаяся из сил в борьбе с о. Иоасафом и запутанными делами Дивеевской общины начальница ее Е.В. Ладыженская, чрезвычайно слабхарактерная, ничего не понимавшая в ведении хозяйства и нервно больная, решила совсем покинуть Дивеево, но прежде для вида отпроситься в Москву для поклонения мощам преподобного Сергия и к себе в г. Пензу.

От казначеи Е.А. Ушаковой не могло скрыться, что Екатерина Васильевна собирается совсем со своим имуществом из обители, и она в ужасе и страхе просила объяснить намерения начальницы, заявляя при этом, что она отказывается от должности и исполнения обязанностей начальницы по случаю ее отъезда. Сперва Ладыженская успокаивала Елисавету Алексеевну, говоря, что она еще, вероятно, вернется, но потом сама была не в силах скрывать истину и призналась в решении совсем покинуть обитель.

Испуганная своим положением, Елисавета Алексеевна заболела. Тринадцать дней она лежала без памяти, получив в управление общину, в которой ничего не было и даже нечем было замесить хлебы; духовная и нравственная сторона пошатнулась от раздвоения сестер на два лагеря, и на обители считалось 13 тысяч долга. Твердая в своем решении удалиться, Е.В. Ладыженская уехала и из города Пензы подала прошение об увольнении на покой. Когда Елисавета Алексеевна несколько оправилась, то поехала в Нижний Новгород к преосвященному Антонию отказываться от настоятельства. Владыка, видя положение дел общины, мог только посоветовать одно: потерпеть.

Таким образом Елисавета Алексеевна, невольно поставленная Провидением во главе Дивеевской обители, вернулась домой совершенно разбитая, больная, с ней делались беспрестанно дурноты и обмороки.

<...>Двадцать девять лет страдала Серафимова обитель от вмешательства в ее дела и от попечительства отца Иоасафа! В эти долгие годы велась непрерывная борьба между осиротевшими сестрами, защищавшими заветы своего отца и основателя о. Серафима, и врагом человечества, который в лице соблазненных им честолюбивыми замыслами о. Иоасафа и его поклонниц, мало развитых умственно и ослепленных духовно, нашел себе усердных бойцов. Только совершенно неразвитые духовно люди могли не видеть в Дивеевских смутах борющиеся стороны. Что такое был о. Иоасаф?

Простой мещанин города Тамбова, плохой живописец, и он шел с такой уверенностью и силой против целого общества, имевшего в своей среде многих дворян, даже княжеского рода, со связями и значением, против местных землевладельцев, поставленных о. Серафимом на страже у обители Царицы Небесной, против большой и единогласно не одобрявшей его Саровской пустыни, против всего епархиального начальства, сменяя чрез это преосвященных одного за другим, и наконец, о. Иоасаф имел против себя таких дивных стариц, блаженных и молитвенников, как Пелагея Ивановна Серебренникова, Праксovia Семеновна Мелюкова, благодатная за свою простоту Евдокия Ефремовна, Наталья Дмитриева, М.В. Мантуров, Н.А. Мотовилов, протоиерей о. Василий Садовский, и многих других.

Мещанин Иван Тихонов возмутил весь мир, как предсказывал о. Серафим, и возможно ли ему одному приписать всю силу и значение в такой неравной и несправедливой борьбе? Нет, эта смута была поднята против существования истины в таком огромном обществе людей, как Дивеевская обитель, куда впоследствии должно было собраться до тысячи человек. Враг человечества возбудил борьбу небесных и земных сил, и ни одна история не излагала, и ни одна обитель не переживала таких потрясений, таких событий, как Серафимова община!

Благодатные старицы исполнились духа пророчества, духа обличения, соединились невидимо с пришедшими к ним на помощь небесными силами и защитили правду и заветы своей матери игуменьи, Самой Царицы Небесной. Вся Россия изумилась произошедшему, и один только митрополит Филарет решился доложить Государю Императору о событиях, небывалых до сих пор в православном мире, но произошедших в Дивееве, где руководили борьбой и средствами обороны великие старицы и блаженные, находящиеся под благодатию, а не под законом. Недаром не без основания о. Серафим назвал время смуты временами, схожими с пришествием антихриста! «До антихриста не доживете, но времена антихриста переживете!» – предсказал он своим сиротам.

И вот настали эти времена.

<...>Преосвященный Нектарий служил обедню в Тихвинской церкви, и, когда вышел на молебен, он приказал подать ему билеты с наименованием кандидатов, избираемых в настоятельницы монастыря. Протодиакон вынес на блюде три запечатанных конверта. Владыка взял один, распечатал и передал для прочтения протодиакону, а остальные два спрятал себе в карман. Протодиакон громко провозгласил: «Господь Бог выбирает начальницей Гликерию Занятову!»

В публике произошло смятение, послышалось рыдание, некоторые из приезжих упали в обморок. Никто не поверил, что Бог мог избрать начальницей преданную о. Иоасафу, который запечатывал храмы, попираал заветы и заповеди Царицы Небесной и о. Серафима. Возбуждение народа против преосвященного дошло до крайних пределов.

Ввиду того что остальные конверты он взял себе в карман, а не отдал по принадлежности сестрам обители или для хранения в ризнице, Владыку обвинили в пристрастии, в допущении обмана. Присутствующие были уверены, что во всех конвертах заключалась записка одного содержания об избрании Лукерьи Занятовой. Можно себе представить, как был отслужен молебен и что происходило в это время в церкви.

<...> Николай Александрович Мотовилов на другой день насильственного избрания Гликерии Занятовой в игумении Серафимо-Дивеевского монастыря поспешил в Москву, благодаря Богу, что Он сподобил его неожиданной потерей колеса, то есть несомненным чудом, заехать в Дивеево и присутствовать при разговоре преосвященного Нектария в трапезе с сестрами. Преисполненный скорби и негодования на действия Владыки, Николай Александрович чувствовал, что настал тот час, когда он по заповеди великого старца Серафима до последней капли крови должен бороться за обитель Царицы Небесной, взятой Ею Себе в удел на земле.

По приезде в Москву он узнал, что особенным доверием митрополита Филарета пользуется жена известного русского литератора Наталья Петровна Киреевская, рожденная Арбенева, и поспешил явиться к ней за советом, как лучше и где представиться ему Владыке, дабы доложить произошедшее в Дивееве. Оказалось, что Наталья Петровна хорошо знала в молодости батюшку Серафима, дважды была в Сарове, старец исцелил ее от серьезной болезни, и она всею душою ужаснулась сообщению его о незаконных действиях Нижегородского архиерея.

Действительно, в ожидании приезда в Москву Государя Императора митрополит никого не принимал, но Наталья Петровна посоветовала Мотовилову все-таки лично доложить дело Владыке, в той же форме и с той же откровенностью, и обещала испросить ему аудиенцию.

Но митрополит Филарет, оказалось, переехал в Троице-Сергиеву лавру. Когда Николай Александрович собрался ехать в лавру, там пребывали уже Государь Император, Государыня Императрица и Великая княгиня Мария Николаевна. С запиской, заготовленной для митрополита, Мотовилов явился к наместнику лавры архимандриту Антонию, которого так любил о. Серафим и благословил на принятие назначения в Троицкую лавру.

Архимандрит Антоний тут же вспомнил, что при прощании с о. Серафимом последний поклонился ему в землю со слезами и сказал: «Не оставь моих сирот Дивеевских!» Тогда он не понял этих слов, но теперь неожиданно пришло время исполнения их. Горячо любивший батюшку Серафима, о. Антоний как бы лично оскорбился за Серафимовых сирот и в тот же день выбрал час, чтобы доложить записку Н.А. Мотовилова митрополиту Филарету.

Господь помог и митрополиту Филарету доложить Его Величеству столь небывалое дело, которое он положительно затруднялся высказать, в особенности о нанесенном оскорблении ударом по лицу преосвященному Нектарии. На другой день после обедни Их Величества кушали чай в митрополичьих покоях. За главным столом сидела Царская Семья и митрополит, а в нескольких шагах, за другим столом, свита и фрейлина Ее Величества, через которую и действовали покровители лжеученика Серафимова – о. Иоасафа. Была минута, когда все замолчали за царским столом и ясно раздалась беседа свиты о батюшке о. Серафиме и Дивеевской обители. Вот к этому неожиданному слову и решился митрополит доложить Государю Императору положение дел в Дивееве и действия преосвященного Нектария.

«И Я сомневался в истине слов о. Иоасафа, – сказал Государь Император, – когда Императрица просила за него». Его Величество выразил желание, чтобы было произведено самое строжайшее следствие. Так Господь разрушил все вражьи замыслы в один миг, когда пришло время облегчить страдания Серафимовых сирот и восторжествовать истине.<...>

**Официальный сайт
Свято-Троицкого
Серафимо-Дивеевского монастыря
www.4udel.nne.ru**

**Секретная докладная записка Н.А. Мотовилова
по современной реформе по крестьянскому делу
шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову**

14 декабря 1861 года

№ 4404

Проживая здесь, в Воронеже, по поводу составления докладной записки на имя митрополита Исидора о исцелениях моих от святителей Воронежских, помянутой мною в письме Вашему Сиятельству, я между прочим узнал, что на одной из осенних ярмарок в земле войска донского, именно Монековской, состоящей в Задонецком уезде близ границ Богучарского уезда, к Воронежской губернии принадлежащего, все огнестрельное оружие раскуплено временно обязанными крестьянами из хохлов, или малороссами, состоящими и населяющими войско донское.

И требования оружия тако необыкновенно и велико было, до того ни разу небывалое и неслыханное, что продавцы, распродав все дотла, никого не могли вполне удовлетворить из запасавших или равно лишь хохлов – но что это непохоже на простую охоту за зайцами с ружьем. Известно ли это уже Вашему Сиятельству или еще нет.

Так как я этого не знаю – то во всяком случае как верноподданный Его Императорского Величества и истинноверный сын Отечества долгом моим почел немедленно довести до Вашего сведения. Просьба обратить внимание на это – и сообразить со всеподданнейшею письменною передачею мною в 1854 году слов великого старца Серафима о действиях декабристов, развернувшихся в большей части в настоящее время и готовящихся еще поныне поразвернуться, а потому, вероятно, и возбуждающих громады масс временно обязанных крестьян запастись оружием – уже верно неподзаконническое дело.

24 ноября 1861 г. Задонск

**Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996**

Предписание жандармскому полковнику Горскому

18 декабря 1861 г.

№ 2119

Прошу доставить мне подробные сведения о качествах симбирского совестного судьи надворного советника Николая Мотовилова, сообщив вместе с тем, что вообще известно Вам об этом чиновнике.

Начальник штаба корпуса жандармов
генерал-майор Потапов*.

**Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996**

* Александр Львович Потапов (1818-1886) — с 1874 по 1876 г. шеф жандармов и главный начальник III Отделения.

Рапорт
Исправляющему должность начальника
штаба корпуса жандармов генерал-майору
и кавалеру Потапову

15 января 1862 г.

№209

Секретно

Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 18 декабря за № 2119 имею честь довести до сведения, что я нахожусь в крайнем затруднении дать верный и положительный отчет о качествах и о самой личности г. Мотовилова* по многосторонним и загадочным его странностям как в домашней, так равно и в общественной его жизни. Жизнь его весьма трудно уяснить.

Назвать его прямо юродивым Христа ради – нельзя, ибо во многих случаях в нем часто проявляются и себялюбие, и сильное честолюбие – одним словом, он, по-видимому, себе на уме; назвать его – опять смотря на частые разъезды его по монастырям и святым местам и на значительные вклады, жертвуемые им в пользу их, назвать его вполне святошею так же нельзя, потому что в нем, видимо, преобладают и лицемерие и лукавство, но что всего ближе, подходящее к настоящему положению его, как я понимаю, принимая во внимание сочетание некоторых его заблуждений по предметам чисто духовно-религиозным, что он действительно находится в тихом помешательстве.

Но за всем тем, можно положительно сказать в пользу г. Мотовилова, если даже допустить, что вся видимая жизнь его есть одна только мистификация, то и в таком случае, он все-таки человек безвредный, с добрым направлением сердца, тихого и кроткого характера и предан престолу и Отечеству.

Полковник Горский

8 января 1862 г.

г. Симбирск

Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996

* Симбирский совестный судья, которого Ваше Сиятельство изволило видеть в Москве. – Примеч. полковника Горского

Письмо Н.А. Мотовилова графу В.Ф. Адлербергу

По секрету*

Ваше Сиятельство
Милостивейший Государь
Граф Владимир Федорович!

Не словом, но делом вызываясь на послушение Его Императорскому Величеству, я немедленно сего 25 июля имел честь оставить в военном министерстве письмо на имя господина военного министра об исходатайствовании мне высочайшего всемилостивейшего разрешения начать все-таки, хоть поздно, что произошло, впрочем, по вине не моей, действие моего Спасо-Преображенского банка согласно докладной записке на имя господина министра внутренних дел 20 октября 1861 года, и как Вашему сиятельству неизвестно из всеподданнейшего письма моего от 14 апреля 1854 года, — отпущение 300 лошадей, поставляемых действиями моего банка, испрашиваемых с пустопорожных земель Кавказа, [где посильно] развести от 300 до 375 тысяч лошадей для кавалерии русской, так чтоб от 75 до 150 тысяч коней [ежегодно] могли быть отремонтированы только из этого моего Новокавказского завода, если Государь Император всемилостивейше соизволит мне дать на то разрешение, о чем сообщит к сведению Вашего сиятельства, как давнишнего благодетеля моего. Осмеливаюсь еще присовокупить на особой докладной записке, при сем почтительнейше представленной в яснейшем виде, распространенное известие прошлогодней моей всеподданнейшей докладной записки от 14 или 15 апреля, чрез Ваше сиятельство посланной из Нижегородского уездного города Ардатова. Щастлив бы был, если бы она хоть сколько-нибудь могла [помешать] богопротивному выстрелу 4 апреля. Позвольте с нескрываемым высокопочтеннейшим и высокосовершеннейшим уважением и искреннейшей преданностью оставаться

Вашего сиятельства, милостивый государь, покорнейшим слугою
Николай Мотовилов. 26 июля 1866 года. Военное министерство.
Квартируем в Кирочной улице, № 23.

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996***

* [Приписка на полях]. В этих черновых рукописях моих сведения имею честь подписью моей руки подтвердить. Окончено сего 28 июля, в день имени по мирскому имени Прохора, бывшего в иноках великого старца Серафима.

Вена 26 июля 1866 г.
 Вашему высокому почтенному
 письму от 14 и 15 августа
 я получил и намерен
 ответить.

Я думаю, что вы
 знаете, что я
 в настоящее время
 нахожусь в Вене
 и буду оставаться
 здесь до конца
 августа.

Я думаю, что вы
 знаете, что я
 в настоящее время
 нахожусь в Вене
 и буду оставаться
 здесь до конца
 августа.

Вашему высокому почтенному
 письму от 14 и 15 августа
 я получил и намерен
 ответить.

Я думаю, что вы
 знаете, что я
 в настоящее время
 нахожусь в Вене
 и буду оставаться
 здесь до конца
 августа.

26 июля
 Александр Мандельштам

Последний лист письма Н.А. Мотовилова графу В.Ф. Адлербергу от 26 июля 1866 г.

Отношение министра императорского двора гр. Адлерберга

[неразбр.] июля 1866 г.

№ 3753*

Господину главному начальнику
III Отделения Собственной Его
Императорского Величества Канцелярии

Симбирский совестный судья Мотовилов, представив при письме на мое имя стихотворение свое по случаю события 4 апреля, просил об исходатайствовании ему разрешения лично принести Его Величеству верноподданические свои чувства и затем при новом секретном письме доставил ко мне особую записку.

По высочайшему повелению имею честь стихотворение и записку г. Мотовилова препроводить к Вашему Сиятельству.

Министр императорского двора: гр. Адлерберг.

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996***

***Докладная стихира Н.А. Мотовилова
императору Александру II***

По секрету

Оригинал черновой, писанный 15 апреля 1866 года в тяжелой болезни моей.

Его Императорскому Величеству
Благочестивейшему Самодержавнейшему
Великому Государю Императору
Александру Николаевичу
Самодержцу Всероссийскому
Государю Всемиловитовому

по поводу избавления от напрасныя смерти в 4 день сего, 1866 года.

Я на одре болей предсмертных
Гнетом болезнию лежал,
Но Духа Свята и бессмертна
Дыханьем БОГ мя оживлял.
И в день несслыханной хулы,
И в день безбожна дерзновенья
Я воссылал Творцу хвалы,
И горним движим вдохновеньем
Стихиры Тихону** писал,
И Матерь Божию молил,
Чтоб кров Ее всезащитил
Тебя, Монарх. И защитил!

* На документ наложена резолюция: «Рассмотреть приложения, но собрать сведения о Мотовиллове от подполковника фон Брадке. 2 авг.»

** Имеются в виду стихиры на прославление мощей святителя Тихона Задонского, состоявшееся в 1861 г. Одна из них адресована Александру II (ГАРФ, ф. 109).

С слезами сладких умилений
Я пел* одиннадцать стихир,
И росы Божьих услаждений
Мне слали в душу тишь и мир,
И вера крепкая была,
Что сам Святитель Тихон был,
Когда Россия избыла Беду,
нам коей враг грозил.
Четвертое апреля бесконечно
Прославилось в России ввек,
Что Ты, любимый всесердечно
Монарх и Божий человек,
Десницей Вышняго спасен
И над злодейством вознесен.

Не знал тогда я щастья Руси
Всеизбавленья та от бед,
Но оздревевши, враг не труся,
Принес, о Царь, Тебе обет
И просьбу: дай послужить.
Как Серафим предрек великий,
Чтоб зло в Руси навек избыть.
И слава в Вышних, громки клики:
«Мир на Руси!» Всегрозный гул,
И смерть врагам и кара злым –
Все окружили б Твой престол,
И злые сгибли бы как дым.

А ты с Россией, вознесенный
Над всякой мерзостью врагов,
И Духом Святым просвещенный,
Прославил б Бога паче слов.
И все судьбы его исполнил,
И все дела Его свершил,
Недовершенное – дополнил.
Ему ж всецело б послужил.
Позволь же мне, о Государь!
Начать и кончить все дела.
Светлее солнца светлых зорь
Как Воля Бога мне дала
Чрез Серафима наставленья,
В Тебе в Руси у всех спасенье
Во славу Церкви Бога Жива;
Быть может, миру на диво,
По крайней мере, всем приятно,
Что ж выше? «Богоблагодатно,–
Как Ты в рескрипте написал.
Всем нам тринадцатого Мая,
Добра велика нам желая,
Глаголом Господа вещал.

* И пел и писал я сии стихиры. – Примеч. Н.А Мотовилова.

Да будет Русь чиста и свята,
От заговоров всех изъята,
И ков злодейский сопостата,
И вся их сволочь проклята.
А Ты, о Боже Сил Святыни,
О Вседержителю миров,
Царю Руси – всеблагостыню
Пошли во век навек веков!
И братьев всех Его державных
От злоумышленных спаси –
И семью святу Николая,
Слуги Господня Твоего,
Со Александра начиная,
Спаси от злого от всего.
Покрой их кровом крил
Твоих От враг домашних и чужих,
И всепрославься, Боже, в них,
В рабах всецелостно Твоих!
Наследнику воздвигни рог спасенья,
Всеукрепи его на враг,
Да будет полн он вдохновенья
И всебожественных Ти благ.
Да дрогнут шайки супостатов,
Мир озарится его Славой,
Да сгинут враг его тристаты,
Да грозно вспрянет Росс Держава!
И Ты, Христе, в нас зацарюешь,
Всеосвети ж нас в век и век;
На враг же наших всех наплюешь,
Сладчайший Богочеловек.

19 июль 1866

В день рождения великого старца Серафима. С.-Петербург, 17 июля. Переписал набело* симбирский совестный судья, бывший почетный смотритель Корсунского уездного училища и член Корсунской специальной Комиссии государственного коннозаводства уже 41-й год, действительный своекоштный студент Императорского Казанского университета, взысканный с 9 сентября 1831 года милостями батюшки отца Серафима и с 1 октября 1832 года исцеленный епископом Антонием в Воронеже.

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996***

* Беловой автограф не сохранился.

**Докладная записка Н.А. Мотовилова
императору Александру II**

По секрету

Оригинал черновой, писанный 15 апреля 1866 года в тяжкой болезни моей в селе Рождественском, Цыльне тож.

Его Императорскому Величеству

Благочестивейшему Самодержавнейшему

Великому Государю Императору Александру Николаевичу

Самодержцу Всероссийскому Государю Всемиловейшему

В 1854 году, в бытность Вашего Императорского Величества Государем Цесаревичем, Наследником Всероссийского престола, я имел щастие всеподданнейше подавать Вам докладную записку о некоторой части бедствий моих пожизненных, преимущественно же по делам моим тяжёлым с татарами деревень Малой и Большой Цыльн и деревни Бестрюлеева Врага, Тланка тож и о жалованных предкам моим, арзамасцам Кириллу и Даниилу Мотовиловым земель, в 1703 и 1704 годах. И собственноручно Вы, Великий государь, начертали на той записке: «Помоги Мотовилову».

Но Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление, поставленное мною на вид и Межевой канцелярии по тем делам, и до сих пор еще не исполнено.

А по ходатайству моему докладною запискою от 20 октября 1861 года на имя господина министра внутренних дел о дозволении мне открыть действия моего Спасопреображенского банка и по тому же предмету другою докладною запискою от 13 августа 1861 года на имя митрополита Исидора Святейшему Правительствующему Синоду о дозволении мне строить на мое, из польз сего банка, иждивение собор Божией Матери Радости всех Радостей в Дивееве ни полслова мне еще ни тем, ни другим не отвечено.

А о прочих делах и говорить нельзя – так всякое мое усердие к пользе Вашего Императорского величества заглушают, что, например, по бумагам моим: 1-е – генерал-адъютанту барону Врангелю на одном листе о возможной подати* и насущной потребности погорелому городу Симбирску, и 2-е – сенатору Жданову о действительно существеннейшей и главнейшей причине симбирского пожара и неутомимом приготовлении известною партией той всероссийской революции, о коей великий старец Серафим еще в 1832 году, в четверток на Светлую Пасху, сказал, что она чрез реформы, декабристическим заговором устроиваться в России имеющая, произойдет и о чем на двух листах собственноручная моя, в 1854 году в Марте месяце поданная Его Императорскому Величеству записка должна храниться в IV Отделении Собственной Его Величества Канцелярии, то по бумаге на одном листе барону Врангелю и сей последней, на 4 листах, господину сенатору Жданову, ровно ничего до сих пор не отвечено.

Тогда как последняя бумага моя – высокогосударственной важности, ибо на вопрос его превосходительства, чем я докажу, что и польский бунт и все другие, мелочные, но, тем не менее, всепагубные русские бунты суть подстройка лишь одной декабристическо-русской агитации и кто суть главные декабристы, – я отвечаю: что о них в точной и ясной отчетливости изложено в издании 1862 года жизни Рылеева, напечатанной в Лейпциге.

* По смыслу, здесь больше подходит слово «помощи». – Примеч. М.И. Классона

И что всего удивительнее то, что и сам великий старец Серафим мне в 1832 году, в четверок на Святую Пасху, говоря о декабристах, прямо всех их поименно поминать изволил и поэтому, собственно, и не пустил меня в Санкт-Петербург, что эти люди, узнав мою великую преданность Государю Императору всеавгустейшему родителю Вашему и совершенную несолидарность мою с их церкве- и монастыре-разорительными, цареубийственными и антихристиански-аболиционистическими направлениями, не только не допустят меня до Государя, не дадут ходу мне никакого по службе, но и вовсе сотрут с лица земли. Ибо хоть они вполне окружили престол его величества Государя Николая Павловича, но он – в душе христианин, и вот лишь эта великая истинная вера его в Бога и есть его единственная от всех их защита.

Долгом всеподданнейшим считаю доложить, что и к подаче господину сенатору Жданову последней, на 4 листах, черновой докладной записки (ибо ему неудобно было допустить меня почему-то к переписке ее набело) я возбужден был не прелестным, но истинным мне явлением во сне в Бозе почившего Государя Императора родителя Вашего, обещающего и Вам о сем мне явлении сказать священнотайно. Видением, крайне знаменательным и не менее того важным, каковое видел я много лет назад тому в ночь накануне взятия войсками Вашего Императорского [Величества] знаменитой крепости Карс.

Когда он, великий Государь, изволил утешить меня уверением, что он не только совсем прощен, помилован, спасен, благословлен от Господа Бога, но и близ великого старца Серафима помещен. И о декабристических внепагубных действиях от него самого и, еще того подробнее, от самого отца Серафима слышал.

Пред подачею же господину сенатору Жданову бумаги, как из прилагаемых описаний сих видений всемилостивейше благоусмотреть соизволите, он приказал мне действовать так, как отец Серафим в 1832 году предрек, о чем на двух листах моей записки о декабристах, избличенных великим старцем Серафимом, двенадцать лет тому назад чрез графа Орлова всеподданнейше представленной.

Да еще уже и после того по особому, священнотайному извещению от великого старца Серафима, данному мне в 1 день апреля 1865 года о гибели Линкольна, хоть и не ярого, но все-таки аболициониста, а как выражался он, великий отец Серафим, Господу и Божией Матери не только не угодно такое страшное угнетение, разорение и несправедливое уничтожение, которое возобладавшими над всем декабристами, ярыми аболиционистами, творится повсюду у нас в России, но и самые обиды Линкольном и североамериканцами Южных Штатов рабовладельцев всецело неуютны благодати Божией. А потому на образе Божией Матери Радости всех Радостей, имевшей по тому повелению его, батюшки отца Серафима, послатись президенту Южных, а именно рабовладельческих Штатов, велено было скрепить подписью: «На всепогибель Линкольна».

Но я признаюсь откровенно, что, высокопреосвященного Филарета просьбу вспомнив о смягчении слов в моей докладной записке 1 июня 1861 года противу обид епископа Нектария, заключавшихся в апостольском выражении: «Дыша прещением и убийством – ни слова в весьма гневном настроении», дерзнул ослабить силу боговдохновенной, священнотайно глаголанной ко мне речи батюшки отца Серафима и подписал: «На всепобеду над змеей Линкольном и северными аболиционистами», или полное всеобладание над всем Севером и пр.; в подробности точные списки с обеих священно повеленных подписей под обоими образами Божией Матери и президенту рабовладельческих штатов, и Пию IX при сем всеподданнейше представляются в точных копиях.

Итак, буду продолжать, что кроме того им же, батюшкой отцом Серафимом, священно-тайно, но для меня вполне ясно повелено от лица Господня Вашему Императорскому величеству всеподданнейше доложить, что по поводу Восьмого Вселенского Собора крайне насущно в настоящее время, как, во-первых, для соединения святых Божьих Церквей под единую главу Христа Жизнодавца и под единый Покров Пресвятой Богородицы, так, во-вторых, всецелое и всеполное анафематствование всей мерзости отступления от святой вселенской веры Христовой, или аболиционистического нивелирования всего на свете, то есть, по-русски – декабризма, а по-вселенски – масонства, франкомасонства, иллюминатства и всей их якобинской престолов церковных и монастырей святых разорительной и цареубийственной баре-гонительной правительственности, всеподло безбожной и всецело антихристианской, сосредоточенной преимущественно в ложах: Симбирской, Московской, С.-Петербургской – по России, Нью-Йоркской – по Северной Америке, Калькутской – по Ост-Индии, Лондонской, Франкфуртско-на-Майнской, кроме мелких лож шведских, прусских, германских, австрийских, итальянских и прочих, всемирно возглавляемых в Клубе Юнион в Париже, – как во вселенской централизации всего богопротивного, антимонархического и панреволюционернейшего в мире.

То хоть бы и следовало в апреле месяце 1865 года Вашему Императорскому Величеству послать мне еще третью икону Божией Матери батюшки отца Серафима Радости всех Радостей, но что у Вас уже есть таковые две, 1854 года, Вам мною всеподданнейше представленные.

И одна в Севастополе, а другая в большом соборе Зимнего Вашего Императорского дворца, то велено мне лишь с приличным сыновним верноподданническим благоговением всеподданнейше умолить Ваше Императорское Величество, не соблагоугодно ли будет Вам извлечь ее из небрежного хранения где-то в ризнице и как я ныне по разрешению сокелария Собора сего видел ее надтреснутою, но превосходно и затем всеблагостно сохранившеюся под № 537, и благолепно в приличном киоте поставить в Вашей церкви сего Богосшествленного собора, против местной главной, возле царских врат иконы Пресвятой Богородицы, в подобие с таковым в отдельном киоте, противу местной же Христа Спасителя иконы.

А так как грядет язва на Санкт-Петербург (то есть холера, а может быть, и язва затворничества, проявившего себя выстрелом 4 апреля*, о чем я сего 27 июля объяснил), то не благоугодно ли будет Вам всемилостивейше высочайше повелеть соизволить с приличным священнослужением и повсюду литией и водоосвящением, и окроплением святою водою и Зимнего дворца Вашего и всего С.-Петербурга обнести сею иконою, обойти всю Вашу столицу и резиденцию.

И Господь, как в 1854 году, так и ныне и от всепогубительной язвы сокрыть и Вас, и Вашу северную столицу всецело соблагоизволит, а при священнослужении и обходе и дворца, и Санкт-Петербурга, чтобы были петы в честь Божией Матери те же оба параклисисы Ей, Владычице нашей Приснодеве Богородице Марии, о коих я еще в 1854 году поведал и откровенно чрез его сиятельство господина министра императорского двора всеподданнейше докладывал.

И потом еще более нижайше и от лица самого батюшки Серафима, им великим старцем тогда, в 1 день апреля 1865 года, являвшимся и потом.

* Покушение террориста Д.В. Каракозова на Александра II.

Все это до сих пор писано было мною в тяжелой болезни моей, лежа, действительно, на предсмертном одре. И ночь с 15 на 16 апреля прекратила эту черновую мою рукопись. А назавтра, 16 апреля, из рассказов мирового посредника князя Николая Николаевича Ухтомского узнал я о подлом и гнусном поступке мерзавца, именующего себя Каракозовым. Кто он действительно, я не могу сказать, но мне до бесконечности грустно было, что его свидетельствовали, в своем ли он уме. И весь шум празднований, речей и прочего до бесконечности по глубокому чувству, внутренне не одобряющему все это, до бесконечности не нравится.

Что бы я далее написал в последней моей короткой записке от 14 или 15 апреля 1865 года всеподданнейшей, теперь не могу сказать, но два сна мои, или лучше, видения, о почившем в Бозе Государе Императоре Николае Павловиче утром сего 27 июля и простите, что таким дурным пером, но все-таки пишу.

1-й сон был накануне взятия Карса*.

Те же агитационно-революционерные партии стали после кончины Его Величества всевозможные клеветы на него распускать. И хотя я глубоко был убежден, утверждаясь на словах о нем великого старца Серафима, что все это ложь, но, тем не менее, сердце мое до бесконечности грустило о моем незабвенном царе Императоре, благодетеле.

И вот я вижу сон: Государь Император Николай Павлович и Государыня Императрица Александровна Феодоровна будто бы входят в маленькую столовую Зимнего дворца, куда и я по высочайшему повелению имел счастье быть приглашенным. И Государь сказал мне: «Давно, еще при жизни моей, я хотел тебя хлебом-солью нашею царскою попотчевать, да не удалось, то поешь с нами теперь».

Его Величество Государь Император посадил меня по правую сторону за круглым столом, Ее Императорское Величество Государыню Императрицу Александру Феодоровну посадил по левую сторону. И когда стал кушать, то я увидел, что он, подобно архиепископу Антонию, стал быстро жевать, и подумал: «А как Государь за обе щеки уписывает».

А умерший Его Величество улыбнулся, оборотившись ко мне, и сказал: «Хорош же молодец! Во-первых, про царя и повелителя своего и думать так невежливо и не следует, но я знаю, что ты не в злобе подумал. А во-вторых, ты сам же сказал мне от лица великого старца Серафима, что я – христианин в душе. А разве христиане умирают – они по Христе Жизнодавце и сами живые всегда, так и я почил на время, до будущего всех общего воскресения из мертвых плотию, но душою и духом моим жив, здоров и в милости Божией нахожусь и не только прощен во всех грехах моих, ибо несть человек иже поживет и не узрит смерти греховная, – но и спасен, и помилован, и во всем разрешен навеки. И не только благословлен от Господа Бога, но за великую любовь мою к великому старцу Серафиму и помещен близ него в Царствии Божием. И что ты написал мне о царевубийственной жажде революционерства декабристического, то о всем том старец Серафим еще более и в подробнейшем виде ныне передал (значит, до взятия Карса). Но что же ты-то мне подробно так не передал тогда?»

* 28 ноября 1855 г. войсками Кавказского корпуса в ходе Крымской войны.

И я отвечал:

«Ваше Императорское Величество! Если бы, презрев клеветами на меня графа Орлова и плюнув на его предостережения, Вы изволили тогда всемилостивейше допустить меня до тайной аудиенции, то я тогда бы безбоязненно имел возможность всеподданнейше передать Вашему Императорскому Величеству не только то, что богооткровенно я имел счастье узнать из уст святого Серафима о декабризме, но и то, что, руководим будучи его божественными наставлениями и непрестанною помощиею Божию во время многолетних странствований по России, я имел возможность не словом, но делом узнать о дальнейшем ходе этой богомерзкой и царедушительной агитации. Ибо после выпуска, всемилостивейше Вами пожалованного в 1833 году мне, из-под ареста симбирского, чрез министра юстиции Дашкова, все христиане истинные принимали меня как мученика за веру Христову.

Ибо я несправедливо был арестован за мое исцеление в Воронеже в 1 день октября 1832 и за написание полной службы и акафиста святителю Митрофану, и доселе не допущенного Святейшим Синодом к печати, и за мнимое, короткое будто сообщничество мое с Алексей Петровичем Ермоловым, и с Михаилом и Александром Николаевичами Муравьевыми, и Андреем, их братом, коего с Норовым, бывшим потом, с 1854 года моим личным начальником, министром народного просвещения, я в простоте сердца называл моими сотоварищами в путешествиях по святым местам.

То, повторю, рабы Христовы считали меня мучеником за веру, а рабы антихристовы и революционеры, реформаторы без реформ, считали меня за заговорщика великого, но отделавшегося от ареста, тоже принимали меня за своего собрата-революционера и были со мной донельзя откровенны».

– Да, – изволил отвечать мне Его Императорское Величество, – и об этом великий старец Серафим сказал мне. Но что до того стало, что ты в письме своем написал мне [в скобках неразбр.], что ты будто бы никому о том никогда до 1854 года не говаривал, то это не совсем так.

– Да, – отвечал я, – простите меня, Государь. Я погорячился и в горячности забыл, что когда заговорщики иные, тоже разгорячась и ошибаясь, заявляли нередко охоту свою истребить весь Ваш августейший императорский род, то я словами великого Старца, которого они и при революционности своей все-таки уважали, имел счастье отмежевывать их от их царедушительных замыслов.

– То-то же, – сказал Государь, – мне и об этом великий старец Серафим тоже сказал. И мы с ним тебя помним и часто говорим о тебе, и желаем тебе во всем ради пользы Церкви Христовой, нашего императорского Дома и всей России блестящего и всеполнопобедоносного, непреодолимого во всем успеха.

Вот весь, во всей его замечательной подробности, великий сон накануне сдачи Карса, о коем краткую записку я дал в 1861 году чрез княгиню Варвару Аркадьевну Горчакову вместе с некоторыми анекдотами о Суворове, слышанными мною в детстве почти что от дяди моего, суворовского полковника Тищенко, сообщил и бывшему генерал-губернатору Александру Аркадьевичу Суворову-Рымникскому.

Но вот описание и другого, тоже замечательного сна, накануне 30 дней [неразбр.] до расстреливания второго, расстрелянного за симбирские пожары, перед прибытием в Симбирск сенатора Жданова*.

Я видел, что будто бы я в Симбирске (живши, однако же, по поводу погорения Симбирска в имении моем и месте родины, Симбирского уезда селе Рождественском, Цыльне тож). И что будто бы по высочайшему повелению зовут меня к почившему в Бозе Государю Императору Николаю Павловичу в симбирский Покровский монастырь.

* <...> Однако все перечисленные [выше] пожары представляются ничтожными, при сравнении с бедствием, обрушившимся на Симбирск в августе 1864 года, когда в течение 9 дней сгорел почти весь город, уцелела едва четвертая, и притом худшая, его часть. С 13 по 21 августа город представлял потоки огня, гонимые страшною бурей с одного квартала на другой, так что не представлялось возможности спасти имущество. Самая буря, продолжавшаяся во все время пожаров, перепуганным жителям казалась не бывалою, по силе и непрерывности. Пространство до трех квадратных верст было совершенно уничтожено и среди этого, каким-то чудом, сохранились: дом купца Свешникова и лавка Кирпичникова (в гостинном дворе), не смотря на то, что были окружены пламенем; рабочий дом спасен был находчивостью смотрителя и добросовестным усердием содержащихся в том доме арестантов.

<...> После 19-го августа найдено было в городе 130 обгорелых трупов, которые долго лежали не убранными, за отсутствием полиции в первые три дня после этого пожара. Никто не сомневался в том, что пожары происходят от поджогов, так как еще задолго до начала пожаров находили подметные письма с угрозами, что город будет сожжен и заподозрены были в этом, главным образом, поляки и чины квартировавшего тогда в Симбирске пехотного полка; на них и направлена была злоба обезумевшего народа; жертвами этой злобы сделались два офицера этого полка: один был убит, другой страшно изувечен.

Для исследования причин Симбирских пожаров 1864 года был командирован, по Высочайшему повелению, генерал-адъютант барон Врангель. Сомнения не было, что пожары произведены злоумышленниками, но они так ловко действовали, что не смотря на все усилия, не удалось раскрыть их. Между тем народ считал виновниками несчастья, как было упомянуто выше, солдат квартировавшего в Симбирске пехотного полка и открыто требовал наказания виновных. Настроение ожесточенного несчастием населения было таково, что представлялась необходимость, во что бы то ни стало, найти виновных и производившая расследование комиссия их нашла – двое солдат были приговорены к смертной казни. Этот печальный и торжественный акт правосудия был совершен, за Александровским садом, по пути в Киндяковку. Жажда народного мщения была удовлетворена, но колоссальность злодеяния, беспощадность и ловкость, с которыми оно производилось, слишком убедительно говорят, что это дело рук, не каких-то двоих солдат, бывших, может быть лишь послушным орудием чего-то более сильного, загадочного, сумевшего скрыть свои следы.

Барон Врангель недолго пробыл в Симбирске; он отказался от дальнейшего ведения следствия, по его бесплодности, и был отозван, а вместо него прибыл сенатор Семен Романович Жданов. <...> Началось деятельное следствие; очень многие из Симбирских жителей были привлечены в качестве обвиняемых; в тюрьмах не хватало места для арестованных. Пробыв в Симбирске почти два года, сенатор Жданов виновных не открыл и выехал в Петербург, но на пути скоростижно скончался в Нижнем Новгороде.

После него прибыл генерал Владимир Иванович Ден, который тотчас же освободил из тюрьмы всех лиц, заподозренных сенатором Ждановыми, и тем прекратилось расследование причин страшных Симбирских пожаров. <...> При первом же знакомстве с делом, В.И. Ден убедился, что Жданов, прибывший в Симбирск слишком поздно, чтобы иметь возможность захватить действительных поджигателей, тщетно делая розыски в течение двух лет, наконец решил (для удовлетворения своего самолюбия и для сдержания легкомысленно данного слова жителям г. Симбирска – не покинуть развалины несчастного города, не обнаружив преступников) создать виновных посредством ложных наговоров и мнимых обвинений, в чем ему усердно помогли некоторые из приставленных к нему чиновников. 1 августа 1869 года дело это, содержащее в себе 15 000 листов, докладывалось в Московском 6-м департаменте Правительствующего Сената, где и определено было предать его забвению. – П. Мартынов. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898.

И я прямо пошел в маленькие покои деревянные покойного преосвященного Анатолия, где потом по некоторому случаю помещался преосвященный Евгений, предполагая, что Государь Император, вероятно, уже изволил остановиться, но мне указали за кладбищем маленький, чисто опрятный флигелек, вроде пустынной отшельнической кельи, против коего в палисаднике, прекрасно украшенном великолепными цветами, изволил сидеть Государь Император Николай Павлович. На том самом кресле императора Петра Великого, находящемся в Санкт-Петербурге в Монплеzure, с коего Его Величество приказал во время царствования своего поделаться все [неразбр.], потом в сем и Его любимом месте Петра Великовского уединения.

Когда я имел счастье подойти к Его Императорскому Величеству, то Государь изволил мне сказать:

– Что это значит, Мотовилов, что при жизни моей ты сам вызывался мне служить, а теперь уж и я сам тебя зову-зову, да все не дозовусь. Неужели и ты, подражая другим, вздумал нам тоже изменить?!

Я [спокойно сказал]:

– Нет, Ваше Величество. Но мне и не говорил никто, чтоб Вы изволили меня требовать.

– А, – сказал Государь, обращаясь к окружающим его, – вот не справедлив ли мой спор с вами, что вы лжете на Мотовилова, будто бы он забыл меня и мой Императорский Дом, святую Церковь и нашу святую Русскую землю. Ну спасибо, что как раз немедленно явился. Я знал тебя и твердо верил, что не ошибаюсь в тебе.

Как только это выговорить изволил Государь Император, то как раз наискосок от этого места, возле собора Покрова Божией Матери, заколебалась земля над усыпальницей последнего нашего юродивого Андрея Ильича (о коем и жизни его есть в журнале «Странник» повесть). И он из-под крышки чугунной памятника своего вышел, из гроба воскресший и, творя свое обычное юродство, переваливаясь с боку на бок, в своей пестро-красной рубашке, и произнося обычные слова: «А – аа – а», стал подходить прямо к Его Императорскому Величеству.

А Государь, изволивши встать и сложивши три перста первых правой руки православно-христианским сложением перстов, и перекрестившись правильно, а не горстью, обычному некоторым примеру, изволил сказать: «Ну, слава Богу, эти двое (значит, и меня в числе Христа ради юродивых считая) ныне во всем помогут».

И лишь только он изволил все милостивейше выговорить эту монаршую речь, как докладывают Его Величеству, что от его Императорского Величества, благочестивейше царствующего Императора Александра II Николаевича, к нему прибыл фельдъегерь с депешами. И подают ему четыре мои рукописи, наполовину листа свернутые и четырех цветов – белого, розово-красного, голубого и зеленого, шелковыми широкими лентами крестообразно перевязанные.

И Государь, на меня оборотясь, изволил мне сказать:

– А это твои бумаги; ты знаешь их сущность. А я, как тебе сказывал некогда, и еще лучше твоего их знаю из рассказов о них великого старца Серафима и сам займусь с сыном моим разбором их. Ну а ты начинай же действовать, как тебе великий старец Серафим в пользу нашу действовать заповедал.

Я сказал Его Величеству:

– С наивеличайшей радостью, от всей души моей готов на службу Вашего Императорского Величества. Но не в том одном дело. Надобно, чтоб мне не только высочайше разрешено было, но чтобы уже никто из господ министров и мешать мне в службе Вашему Императорскому Величеству уже более, хоть отныне, никак, подобно министру финансов Броку, не смели мне мешать ни в чем. Вы и всеавгустейший сын Ваш, и вся Ваша императорская фамилия, кого из них в тайны Ваши допустить изволите, должны знать, что я для Бога, для Вас и России намерен сделать. И сделать постараюсь даже более, чем обещал и обещаюсь при помощи Божией. Но министры ваши не имеют на это, кроме графа Владимира Феодоровича Адлерберга, никакого права, и если бы так было, то давным-давно все богопротивное и злое истреблено было бы [неразбр.] богоуказанными мне чрез великого старца Серафима, благодатными средствами.

Но со времени кончины Вашего Императорского Величества, вопреки всей любви и всей милости Вашей ко мне, и вместо того, как Вы, передавая мне Ваши два [неразбр.] поклона чрез господина министра императорского двора, переданы мне и слова, что [неразбр.] вспоминаете обо мне, как об одном из первых деятелей в войне по Восточному вопросу, а я уничижен, отвержен. Меня гнетут, обрывают, как собаку, и жизнь моя в звании совестного судьи хуже всякой каторги – то как же я смогу хоть чем-нибудь послужить Богу и Вам, и России по богоуказанным мне чрез Серафима словам Господним. Ведь подобно Илии пророку, и моей души ищут жрецы революции, декабристы, царедушители, враги Бога, Царя и царства Русского.

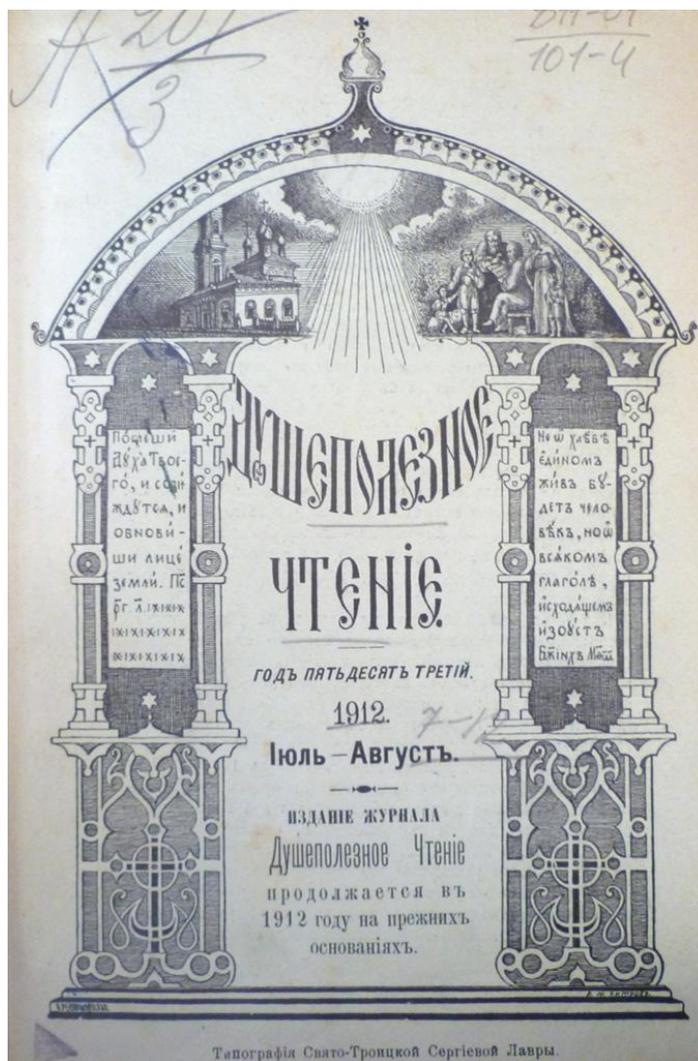
– Ну, об этом уже не горюй. Я сам все это исправлю. И сам за тебя скажу сыну моему Александру. Смотри же, исполни и бесстрашно служи нам верою и правдою.

– Готов и буду при помощи Божией служить Богу, Вам и России. Служить, как великий старец Серафим меня богооткровением напутствовал, и великий Серафим убедительно просил.

Кончено 28 июля – в день Одигитрии Божией Матери и именин батюшки отца Серафима. 1866.

***Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А. Мотовилова,
Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря,
Москва, 1996
и Стяжатели духа святого. М., Ниола-пресс, 2006****

* Совмещение двух указанных источников все же оставило некоторые места в рукописи Н.А. Мотовилова (написанной «дурным пером») нерасшифрованными, причем последний из этих источников скрыл кое-где помету «[неразбр.]». – Примеч. М.И. Классона

***Из воспоминаний Ел. Ив. Мотовиловой
о муже ее Николае Александровиче***

– По выходе моем замуж за Николая Александровича, – говорила Елена Ивановна, – несмотря на мои молодые лета, мне пришлось в очень скором времени взяться за управление хозяйством и имениями. Хотя Николай Александрович и сам не переставал заниматься всем этим, но, заметив мою способность к ведению дел имения, поспешил передать мне все эти заботы, чтобы самому более свободно заняться тем, к чему его влекло постоянно: Николай Александрович, будучи светским и семейным человеком, проводил *духовную жизнь*. Долго я не понимала этого направления моего мужа, и на этой почве у нас, случалось, возникали недоразумения.

Николай Александрович, где бы ни был и чем бы ни занимался, имел мысль, «погруженную в Бога», он весь горел любовью к Богу, к Божией Матери и к Святым угодникам Его. Он часто уезжал по святым местам и имел большое знакомство с подвижниками того времени, которых было немало. Случалось, что я сопутствовала ему в этих посещениях святых мест.

Мы бывали в Воронеже у архиепископа Антония (этого, по выражению преподобного Серафима, великого архиерея Божия); он имел великий дар прозорливости и большую духовную любовь к моему мужу. Однажды по приезде в Воронеж по некоторым причинам я решила отложить причащение Святых Тайн, тем более, что мы должны были скоро уехать, но Николай Александрович просил меня идти с ним к преосвященному спросить его об этом.

Не успели мы взойти к нему, как он, благословив нас, обращаясь ко мне, сказал на мою мысль: «Во время путешествия, матушка, никак и ни по каким причинам не оставляйте приступать к Святым Тайнам; я нахожу в случившемся с вами действие врага нашего спасения»...

Часто мы бывали в Задонске, где архимандритом был духовный друг моего мужа отец Зосима. Первый раз увидела я его, по приезду в Задонск в церкви. Вижу, входит довольно молодой монах и кладет множество земных поклонов пред святыми иконами, и я подумала: «Вот какой еще молодой довольно, а уже какие имеет подвиги».

По окончании службы Николай Александрович пошел со мной на чай к отцу архимандриту, и я очень удивилась, узнав в нем монаха, которого я видела в церкви. За чаем, обращаясь ко мне, отец Зосима вдруг говорит: «Вот, матушка, иные думают, что я еще молод, да уж и большой подвижник, только это все неверно, и мне скоро пятьдесят лет».

Бывали мы у известного подвижника Парфения Киевского, знали Игнатия Брянчанинова, Феофана, епископа Тамбовского, впоследствии затворника Вышенского, и много много кого знал и у кого бывал Николай Александрович.

Но большинство этих поездок Николай Александрович совершал один: хозяйство и семья задерживали меня дома. Случалось, что Николай Александрович задерживался очень долго, и я начинала беспокоиться его отсутствием. Раз, помню, я целый месяц не имела о нем известия из Воронежа. В великой печали поехала я в один монастырь, где была затворница, именем Маргарита, чтобы иметь от нее духовную поддержку и утешение. Вхожу к ней в келлию и вдруг из-за перегородки, где она постоянно и пребывала, слышу она кричит мне: «Не скорби, не скорби! Сегодня муж твой дома будет!». Действительно, вечером Николай Александрович возвратился домой.

Великие рабы Божии и великие архиереи были в то время! В Симбирске был епископ Е[вгений], часто случались в городе пожары, и жители очень волновались, боясь большого пожара, так как постройки были деревянные. Епископ Е[вгений] говорил: «Не беспокойтесь, большого пожара, пока я жив, не будет, а вот умру – великий будет пожар». Когда он скончался, стали по обычаю ударять в колокол, а с другой стороны города начали бить в набат, произошел пожар, который опустошил сильно город.

Но вот где, где я ни была, а лучше Сарова не видала! Благословенный, богоспасаемый Саров! Подвижники его по величию своих подвигов уподобились древним отцам пустынным! И Николай Александрович, куда бы ни ехал, где бы ни был, а все его постоянно влекло в Саров и в Дивеев.

Зимой без шапки бывая в Дивееве, он по заповеди отца Серафима ежедневно ходил вокруг канавки и громко пел: «О, Всепетая Мати»... По заповеди же отца Серафима он любил ставить множество свечей в храмах к святым иконам и не жалел на это никаких расходов. В доме у нас часто служили всенощные, а Николай Александрович сам читал шестопсалмие, при этом из глаз его текли потоки слез, и весь он умом был «горе».

Случилось однажды зятю нашему князю N* быть при этом, и по окончании службы он стал высказывать свое удивление по поводу этого. На другой день он с Николаем Александровичем поехал осматривать имение. Николай Александрович ехал с кучером в одном экипаже, запряженном тройкой, а зять наш поехал в другом и ехал сзади. Дорога шла высоким обрывом около реки. Вдруг лошади Николая Александровича чего-то испугались, бросились и прямо с обрыва с экипажем полетели в воду; в одну минуту Николай Александрович сбросил шляпу и, обращая взор свой к небу, громко начал псалом 90-й «Живый в помощи Вышняго».

* Речь, по-видимому, идет о коллежском секретаре и мировом посреднике Тетюшинского уезда Казанской губернии князе Иване Александровиче Волконском (1840-до 1875), первой женой коего была Прасковья Николаевна Мотовилова. – Примеч. М.И. Классона

Долетев с обрыва до края реки, лошади погрузились в воду и, как будто удержанные какой силой, остановились и остались в стоячем положении, и ни Николай Александрович, ни кучер не получили никаких повреждений. По возвращении зять наш говорил, что «действительно велика сила молитвы у Николая Александровича и что произошло явное чудо, так как спасения не могло быть по причине крутизны берега».

Да, Николай Александрович в вере был тверд и крепок как камень; его можно назвать исповедником веры. Вращаясь всегда в высших духовных и светских кругах, Николай Александрович часто обличал начавшееся уже тогда настроение в желании различных реформ в нашей православной Церкви. В этих случаях и письменно, и устно он защищал целостность, святость и ненарушимость этих правил. Однажды в многолюдном собрании был разговор по этому поводу, и Николай Александрович высказывал резкую правду; я незаметно стала дергать его, желая остановить излишнюю горячность его речи.

"Что ты меня дергаешь, – воскликнул он, – я им правду говорю, притом не от себя, и не могу молчать, ибо слышу голос, говорящий мне: «Ты, немой, что молчишь? Ты познал голы живота Моего вечного, и ими может спастись ближний твой, в заблуждении находящийся». Так что боюсь Обличающего меня, сказавшего: «Рабе лукавый и ленивый! Почему не вдах серебра Моего делателем?» Так что, матушка, где Дух Божий посетит человека, там и говори».

К Божией Матери Николай Александрович имел особенную любовь, часто прочитывал параклисы Ей, повторяя их многократно. Один раз кто-то за одним большим обедом, зная это, позволил себе что-то сказать о Богородице. Тогда не стесняясь присутствовавшими на обеде, Николай Александрович начал буквально громить шутника, высказывая ему такую правду, что все бывшие на обеде встали на сторону Николая Александровича, и шутнику осталось покинуть с бесчестьем собрание.

Любовь Николая Александровича к ближнему была велика, он желал, чтобы все спаслись; часто приходили к нему по делу наши крестьяне, и, оставляя в стороне дело, он старался им растолковать предметы духовные, и, правда, наши крестьяне отличались редкой религиозностью.

Николай Александрович говорил мне, что отец Серафим сказал ему, "что все то, что носит название «декабристов», «реформаторов» и, словом, принадлежит к «бытоулучшительной партии», есть *истинное Антихристианство*, которое, развиваясь, приведет к разрушению Христианства на земле, и отчасти Православия, и закончится воцарением антихриста над всеми странами мира, кроме России, которая сольется в одно целое с прочими землями славянскими и составит громадный народный океан, пред которым будут в страхе прочие племена земные. И это, говорил он, так верно, как дважды два – четыре".

– Итак, – говорила Елена Ивановна, – повторяю, по незнанию я говорила Николаю Александровичу, что ему следовало бы, если он хочет вести такой образ жизни, идти в монастырь, а не быть семейным человеком. На это он отвечал мне следующее: «Отец Серафим мне сказал, что монастыри есть место для *высшего духовного совершенствования*, то есть для тех людей, которые желают исполнять заповедь: «Если хочешь быть совершенным, оставь все и следуй за Мной». Но исполнение всех остальных, сказанных Господом заповедей, есть, *однако*, обязанность для всех христиан, так что, другими словами, прохождение духовной жизни обязательно и для монаха, и для простого семейного христианина. Разница в степени совершенствования, которое может быть и большим, может быть и малым.

И мы можем, прибавлял отец Серафим, проходить духовную жизнь, да сами не хотим! Духовная же жизнь есть приобретение христианином Святаго Духа Божияго, и она начинается только с того времени, когда Господь Бог Дух Святой, хотя в мале и кратко, начинает посещать человека.

До этого времени христианин (будь то монах, будь мирской человек) проводит жизнь общехристианскую, но не духовную; проводящих же духовную жизнь людей мало.

Хотя в Евангелии сказано, говорил отец Серафим, «что нельзя Богу работать и мамоне» и «трудно имеющему богатство войти в Царство Небесное», но Господь открыл мне, что чрез грехопадение Адама человек помрачился всецело и сделался односторонним в духовном рассуждении, ибо в Евангелии также сказано: «что то, что невозможно для человека, возможно для бога»; поэтому силен Бог вразумит человека, как без погибели душевной, находясь в условиях светской жизни, может человек служить духом – Богу. «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть», а его часто заграждают такими тягостями (из излишней боязни служения мамоне), что, взявши ключи духовного разума, выходит, и сами не входят, и другим входить препятствуют. Итак, по своем падении от крайнего греховного ослепления человек сделался односторонним.

Многие святые, говорил отец Серафим, оставили нам свои писания, и в них все говорят об одном и том же: о приобретении Святаго Духа Божияго «через различные подвиги, чрез делание различных добродетелей, но главным образом чрез непрестанную молитву». И воистину, нет ничего на свете драгоценнее Его. Чтение же их писаний служит для познания того, чего именно достигать следует. Вот часто Господь оставляет без исполнения прошения наши и даже лиц, именуемых духовными, а все оттого, что по плоти живут, а не по Духу: «Живущие же по плоти Богу угодить не могут, – говорит святой апостол. – Водимые же Духом суть сыны Божии!» Сим последним не может отказать Господь в их прошениях”. Правда, говорила Елена Ивановна, Николай Александрович всегда имел молитву, возносимую к Богу в уме и сердце своем, и очень часто при этом приступал к причащению Святых Таин Божиих. Кроме того, отец Серафим ему и показал, и растолковал, что такое есть присутствие Святаго Духа Божиего и как понимать Его проявления.

Достигнув старости, Николай Александрович, по предсказанию отца Серафима, безболезненно и чрезвычайно тихо отошел ко Господу. Чрез некоторое время по его кончине я получила письма от игумена Зосимы из Задонска и от монахини Евфросинии из Киева, которые одновременно извещали меня, что в день кончины своей Николай Александрович явился им и просил их не оставлять духовною поддержкой меня, его жену.

По желанию Николая Александровича, тело его было отправлено из симбирского имения для погребения в Дивееве. Предполагая, что тело Николая Александровича повезут довольно тихо, я распорядилась отправить его тремя часами ранее нашего отъезда. И удивительное дело! Когда мы поехали вслед за ним, то до самого Дивеева не могли догнать его. Приедем на [почтовую] станцию, говорят, что только что уехали, начинаем погонять лошадей, но догнать не можем. Так Николай Александрович и мертвый спешил в Дивеев, как при жизни своей был там всегда и постоянно.

На могиле Николая Александровича положена была большая плита; неизвестно, как сквозь нее проросли в нескольких местах высокие березки. «Это – свечи небесные, – говорила Елена Ивановна, – которые он при жизни ставил Богу».*

[Записал] Н. Потапов

журнал «Душеполезное чтение», 1912, №7-8

* Желающим подробнее ознакомиться с жизнью Николая Александровича Мотовилова следует прочесть книгу «Великое в малом» С. Нилуса. – Примеч. ред. «Душеполезного чтения»

Добавление М.И. Классона:

Мотовилов Николай Александрович, «взысканный милостями батюшки отца Серафима 1831 года 5 сентября и 1832 года 4 сентября и исцеленный в Воронеже Преосвященным Епископом Антонием Воронежским и Задонским на день Покрова Пресвятой Богородицы в 1832 году» [(надпись на могильной плите)] (с. Конкино Буинского у.)

Источник: Река времен. Книга четвертая. Русский Провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания ГЛМ. М., 1996